

**ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№395

СЕРІЯ ПСИХОЛОГІЯ

Започаткована у 1967 р.

УДК 159.9: 316.77.
159.9/091
159.95
159.370

У віснику подано результати теоретичних та експериментальних розробок проблем фундаментальної та прикладної психології. Розглянуті проблеми особистості, когнитивної сфери, деякі питання медичної, етнічної та екологічної психології, особливості поведінки, що не відповідає нормі.

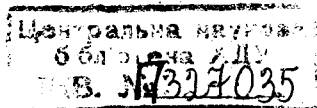
В вестнике представлены результаты теоретических и экспериментальных разработок проблем фундаментальной и прикладной психологии. Рассмотрены проблемы личности, когнитивной сферы, некоторые вопросы медицинской, этнической и экологической психологии, особенности отклоняющегося поведения.

Редакційна колегія: д-р психол. наук, проф. О.Ф.Іванова (відп. ред), д-р психол. наук, проф. О.К.Дусавицький, д-р психол. наук О.С.Кочарян, канд. психол. наук О.М.Лактіонов, С.Г.Яновська (відп. секр.).

Адреса редакційної колегії: 310077, Харків, пл.Свободи, 4, університет, кафедра психології, тел. 45-71-53.

K-14038

© Харківський державний
університет 1997 р.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ*

Стаття присвячена аналізу уявлень про права людини у сучасного населення Східної України. Виявлено, що як в цілому у суспільстві, так і в свідомості окремих індивідів немає цілісної картини щодо прав людини, і відсутні чітке уявлення про них. Невіра людей у можливість співробітництва з державою, негативне ставлення до неї та рівня її демократизації ведуть за собою й невіру в можливість дотримання прав людини в такій державі.

Обретя независимость и вступив в Совет Европы, Украина стала на путь построения открытого общества, важнейшей чертой которого является соблюдение прав человека. Однако люди, выросшие и воспитанные при тоталитарном режиме, часто плохо представляют себе, что это такое, не имеют достаточной информации и знаний по этому вопросу.

Несмотря на большое количество литературы по проблеме прав человека (например, [3], [4]), эмпирических исследований по этой проблеме не так и много, а психологические исследования практически полностью отсутствуют. Одним из социологических исследований на эту тему, проведенных в России, является работа Михайловской И.Б., Кузьминского Е.Ф., Мазаева Ю.Н., посвященная изучению прав человека в массовом сознании [5]. В этом исследовании представлены данные о ценности разных прав для населения России, различия в важности гражданских и социально-экономических прав для разных социальных групп, их точка зрения на соблюдение тех или иных прав человека в современном российском обществе. Выяснению знакомства респондентов с Декларацией прав человека, выявлению их мнения о защищенности разных прав человека в странах Запада и странах социализма, об изменении (и в какую сторону) ситуации с правами человека после распада СССР было посвящено исследование С.Волошина, проведенное в Харькове [1]. К одной из первых психологических работ по данной проблематике можно отнести наше

* Стаття написана по материалам доклада, сделанного на 5 Европейском Конгрессе по психологии 6-11 июля 1997 г., г.Дублин, Ирландия

исследование, посвященное анализу психологических особенностей людей, занимающихся правозащитной деятельностью [2].

Задачей настоящего исследования явилось установление представлений о правах человека и отношения к ним у жителей пост-советской Украины на примере Восточной Украины. Мы предположили, что эти представления будут смутными, противоречивыми, имеющими под собой недостаточно информации.

В исследовании нами использовались такие методы как ассоциативный эксперимент, метод неоконченных предложений, анкетирование, беседа.

В качестве респондентов выступили представители различных социальных и возрастных групп городского и сельского населения; всего около 150 человек.

Проанализируем полученные результаты.

1. Прежде всего нами было выявлено, что у основной массы респондентов отсутствуют знания о том, что такое права человека. У этих людей есть только интуитивные, часто плохо вербализуемые представления о них. Это не удивительно, так как в течение длительного времени советская идеология внедряла в сознание людей мысль о том, что права человека и их соблюдение - это буржуазная выдумка, и в советском государстве проблемы прав человека, их соблюдения или нарушения, как и, впрочем, многих других, не существует. Это был один из мифов обыденного сознания советских людей. Перестройка принесла с собой свободу печати, и в средствах массовой информации стали освещаться такие проблемы, о которых раньше вообще не говорили. В определенной мере к ним относятся и права человека. Так этот феномен постепенно начинает занимать место в сознании людей, и в настоящее время массовое сознание только начинает поворачиваться к этой проблеме, к осознанию ее как таковой. Однако большинство населения не воспринимает для себя права человека как актуальную проблему, для них она находится на периферии сознания.
2. Большинство респондентов, входящих в нашу выборку, считает, что права человека в Украине нарушаются, причем грубым образом. По данным Восточнoукраинского фонда социальных исследований, так считает 51% городского населения Восточной Украины. 19% опрошенных с ответом затруднились.
3. В то же время люди разного возраста, воспитанные при господстве различных идеологических доктрин, по-разному воспринимают и относятся к проблеме прав человека. Пожилые люди, практически всю жизнь прожившие при

советской власти, на вопрос о том, нарушаются ли у нас в стране права человека, часто отвечали отрицательно ("нет, не нарушаются"). Молодежь считает, что у нас нарушаются все права человека, никакие права человека у нас не соблюдаются. Люди, воспитанные в разные эпохи, прямо противоположным образом оценивают одну и ту же ситуацию. Это может служить одним из примеров, показывающих резкую дифференциацию общества в пост-советских странах, противоположность и противоречивость мнений и представлений различных социальных групп. Такая противоречивость наблюдается и в индивидуальном сознании. Особенно интересен следующий момент: в беседе (или согласно данным других методик) человек рассказывает о том, как в той или иной ситуации нарушались его права. На прямой же вопрос о том, нарушаются ли права человека в нашем государстве, он отвечал "нет". Такие ответы характерны для людей старшего поколения. Происходящее с ними они могут воспринимать как несправедливость, но вовсе не квалифицируют как нарушение прав человека. У молодежи наблюдается совершенно противоположная картина. В качестве примера приведем следующую ситуацию. Так, молодая женщина на вопрос анкеты относительно нарушения прав человека отвечает, что у нас нарушаются все права. На вопрос о том, есть ли хоть какие-либо права человека, которые бы соблюдались, и, в частности, в ее жизни, столь же решительно отвечает отрицательно. В то же время она рассказывает о том, что, родив ребенка, получила причитающуюся ей финансовую помощь, ребенка бесплатно наблюдают врачи, делают ему прививки и т.д. И такие случаи не единичны. Нам представляется, что подобные явления имеют место в силу того, что люди резко отделяют и не соотносят происходящее в их жизни от происходящего в государстве. Люди живут своей жизнью и по своим законам, а государство - по своим. И часто эти законы никак не соприкасаются.

4. Следующей важной особенностью отношения к правам человека является тотальное неверие в то, что права человека могут соблюдаться в нашем государстве. Многие говорят так: "У нас никаких прав не было, нет и не будет". В нашем обществе не существует ни традиции, ни механизма обращения в какие бы то ни было органы по поводу нарушения своих прав.
5. Говоря о нарушениях прав человека, основная масса респондентов имеет в виду прежде всего нарушения

социальных и экономических прав. Это понятно. Во-первых, многие люди впервые столкнулись с реальной безработицей, многие при этом сами потеряли работу или находятся под такой угрозой. Во-вторых, массовым явлением во многих странах бывшего Советского Союза, в том числе и в Украине, стали невыплаты заработной платы. В-третьих, катастрофическая ситуация в системе здравоохранения и коммерциализация образования внушают людям серьезные опасения по поводу возможностей реализации права на медицинское обслуживание и образование. Все это воспринимается людьми как их полная социальная незащищенность.

6. Говоря о гражданских и политических правах, следует отметить, что самым актуальным из них для наших респондентов оказалось право на использование родного языка. В этом вопросе мнение городского и сельского населения часто диаметрально противоположно. Городскими респондентами изучаемой выборки уменьшение количества русских школ, часов, отведенных на изучение русского языка и литературы в школе, уменьшение доли радио- и телепередач на русском языке и т.п. воспринимается как ущемление или нарушение их прав. Жители сельской местности из данной выборки считают, что нарушаются их права на использование украинского языка (который они называли родным) в качестве средства общения. "Стоит сказать что-нибудь на украинском языке, все на тебя так смотрят, что больше уже ничего говорить не хочется".
7. Более единодушны разные слои общества в своем мнении о праве человека на жизнь. Выявилось, что большая часть исследуемой выборки против отмены смертной казни. Т.е. в понимании этих людей право человека на жизнь неотъемлемым правом человека не считается. Видимо, войны, массовые репрессии, голод на Украине в 30-х годах, унесшие миллионы человеческих жизней, обесценили человеческую жизнь, и она в сознании людей как самостоятельная ценность не выступает.

Полученные нами данные и их анализ дают основание сделать следующие выводы.

Как в обществе в целом, так и в сознании отдельных индивидов не существует целостной картины и представлений о правах человека.

У подавляющего большинства как наших респондентов, так, с уверенностью можно предположить, и не только, отсутствуют даже самые азы правовой культуры и правового сознания, какие бы то ни было знания по этим вопросам. Массовое сознание людей пост-

советского общества в значительной степени стереотипизировано, а стереотипы относительно прав человека сформировались еще в советский период.

Анализ полученных данных дает основание говорить о том, что в настоящее время гораздо более эмоционально окрашенными, личностно воспринимаемыми для людей являются экономические и социальные права. Гражданские и политические права как личностно значимые не воспринимаются.

Неверие людей в возможность сотрудничества с государством, негативное отношение к государству и уровню его демократизации влечет за собой и неверие в возможность соблюдения прав человека в таком государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин С. Права человека. Пилотажное исследование // Права человека в Украине. Вып. 10. - Киев-Харьков, 1994. - С.55-59.
2. Иванова Е.Ф. Исследование некоторых психологических особенностей людей, занимающихся правозащитной деятельностью // Права людини. Информационный бюллетень Харьковской правозащитной группы. - 1997. - N.21.
3. Левин Л. Права человека. Вопросы и ответы.- Интерпракс // ЮНЕСКО. - 1993.
4. Маринович М. Права людини. - Демократичні зошити. Вип. 2. Демос.
5. Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Права человека в массовом сознании. - Проектная группа по правам человека. - Москва, 1995.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

ЧАСОВІ ТА СТРУКТУРНО-ФУНКЦІОНАЛЬНІ АСПЕКТИ ОСОБИСТІСНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ ЖИТТЄВОГО ШЛЯХУ В ЮНАЦЬКОМУ ВІЦІ

Аналізується проблема особистісної репрезентації життєвого шляху в юнацькому віці. Надаються результати емпіричного дослідження, проведеного за допомогою створеної автором проєктивної методики «Життєвий шлях». Обговорюються кількісні та якісні характеристики особистісної репрезентації життєвого шляху юнаків та дівчат.

Особистісна репрезентація життєвого шляху (ОРЖШ) - це форма, засіб, механізм усвідомлення та рефлексії життєвого шляху, це його концептуальна, наочна або знаково-символічна модель, це фактична та прогностична карти життя, що спрямовують, мотивують та організовують життєвий процес. Визначна роль ОРЖШ у розвитку суб'єкта обумовлює актуальність дослідження диференційно-вікових її аспектів. Сензитивним періодом становлення ОРЖШ є юнацький вік, тому наші дослідницькі інтереси зосереджені саме на визначенні змісту та форм репрезентації особистістю власного життєвого шляху в юнацькому віці. В основу емпіричного дослідження часових та структурно-функціональних аспектів ОРЖШ покладена ідея про те, що психологічні якості ОРЖШ - зміст, структура, функції, динаміка та ін. - залежать від того, хто, з якою метою, у якій життєвій ситуації, якими засобами формує ОРЖШ. Ми вважаємо за необхідне йти шляхом реконструктивної стратегії, тобто не стільки формувати ОРЖШ іззовні (наприклад, інструкцією дослідника), скільки простежувати її формування в природних для досліджуваних умовах, дослідити саме феноменологічний прошарок ОРЖШ, тобто те, як людина у юнацькому віці у властивих їй формах уявляє свій життєвий шлях.

Для дослідження змістових та структурно-функціональних елементів ОРЖШ використана розроблена нами проєктивна МЕТОДИКА «Життєвий шлях», яка базується на прийомі завершення незакінчених речень. Створюючи методику «Життєвий шлях» ми виходили з того, що найуніверсальнішою формою репрезентації життєвого шляху є його мовна репрезентація. На відміну від методики ММІ Ж.Нюттена, методика «Життєвий шлях» безпосередньо спрямована на отримання релевантної інформації про життєвий шлях в цілому та його елементи (а не на аналіз часової перспективи у її мотиваційних вимірах). Наш методичний підхід суттєво відрізняється від підходів, які використовують метод вільних самозвітів за темою «Я в

часі: моє минуле, теперішнє і майбутнє » тим, що опис життєвого шляху здійснюється за нежорсткою, але формалізованою схемою. Схема складалась з переліку незакінчених речень, що «підштовхували» досліджуваних на розвиток мікротем, заданих в кожному реченні. Кожна мікротема представлена трьома реченнями. Всього використано 10 мікротем. Методика має досить високу ретестову надійність.

У дослідженні взяли участь 200 юнаків та дівчат - учнів 10 та 11 класів гімназії № 10 м.Мелітополя та студентів мелітопольських вузів - які були поділені на 6 статеві-вікових груп: юнаки та дівчата молодшої вікової групи (15-16 років), середньої вікової групи (16-17 років) та старшої вікової групи (17-19 років). Досліджуваним пропонувалось закінчити 30 незавершених речень, виходячи з власних уявлень про своє життя. Після якісної обробки результатів методом контент-аналізу застосовувався біноміальний критерій точних ймовірностей Фішера.

Подаємо характеристику отриманих даних за кожною з досліджуваних мікротем.

Для дослідження ЗАГАЛЬНОГО УЯВЛЕННЯ ПРО ЖИТТЄВИЙ ШЛЯХ використані речення на зразок «Мій життєвий шлях...». За результатами контент-аналізу виявлено 5 репрезентаційних моделей, які відображають фіксацію особистості на певних аспектах життєвого шляху. Це ціннісна («шлях до щастя», «любов та самопожертва»), оцінна («важкий, але цікавий», «буде довгим та цікавим»), результативно-цільова («досягнення поставлених цілей»), обставинна («школа», «сім'я», «робота») та процесуальна («часовий перехід між народженням та смертю», «довга дорога») моделі. Лише обставинна та процесуальна моделі є значущими для дівчат молодшої та середньої групи. Для решти груп досліджуваних характерна рівноймовірна орієнтація на вищезгадані типи моделей життєвого шляху. Вікові особливості не впливають на тип репрезентаційної моделі життєвого шляху, що побічно свідчить про сформованість цих моделей в більш ранньому віці та про їх певну стабільність. В деякій мірі спостерігаються відмінності у способах моделювання життєвого шляху між юнаками та дівчатами молодшої та середньої груп - дівчата більш схильні до обставинної та процесуальної моделі репрезентації життєвого шляху.

ЦІННІСНИЙ аспект ОРЖШ (речення типу « Для мене найголовніше у житті...») відображається у 6 типологічних формах: гедоністичні цінності («задоволення потреб», «щастя», «розваги»), альтероцентричні («друзі», «сім'я»), прагматичні («досягнення цілей», «робота»), іманентні («саме життя»), трансцендентні («пошуки смислу життя», «самовдосконалення»), добробутні («матеріальна забезпеченість»). Альтероцентричні та гедоністичні цінності є найбільш поширеними для всіх статеві-вікових груп досліджуваних, окрім юнаків

середньої та старшої групи. Найменш вираженими є трансцендентні та іманентні цінності.

ЦІЛЬОВИЙ аспект ОРЖШ (речення типу «В житті мені б хотілося досягти...») знаходить своє вираження у 5 типах життєвих цілей: альтероцентричні («утворення сім'ї»), гедоністичні («щастя», «задоволення усіх потреб», прагматичні («успіх у справах»), матеріальні («багатство», «комфорт», «добробут») та трансцендентні життєві цілі («армонія», «знайти себе»). У більшості статево-вікових груп є типи життєвих цілей більш вагомі, ніж інші: для дівчат молодшої групи це прагматичні цілі, для юнаків тієї ж групи - трансцендентні. Для середньої вікової групи (незалежно від статі) пріоритетними є альтероцентричні цінності. Для досліджуваних старшої групи характерна невизначеність життєвих цілей, яка, на наш погляд, можна пояснити впливом досягнення суттєвих життєвих цілей (вступ до інституту) і труднощами вироблення нових цілей.

Життєвий шлях у юнацькому віці регулюється різними за змістом та значимістю **ЖИТТЄВИМИ ПЛАНАМИ** (речення типу «На майбутнє я планую...»): навчальними («вступити до інституту», «успішно скласти іспити»), професійними («стати професіоналом», «зробити кар'єру»), сімейними («вийти заміж», «виховувати дітей»), добробутними («купити будинок», «заробити багато грошей»), дозвільні («подорожі», «пригоди»), самовдоскональні плани («змінити свій характер», «стати справжньою людиною»). Майбутнє навчання як сфера планування є пріоритетною для молодшої вікової групи досліджуваних. В інших статево-вікових групах пріоритетними сферами виступають сім'я, самовдосконалення та робота. З віком збільшується невизначеність життєвих планів. Можливо, це пояснюється труднощами професійного вибору середньої групи досліджуваних та кризою життєвих цілей у представників старшої вікової групи.

Аналізуючи зміст **ЖИТТЄВИХ ОЧІКУВАНЬ** юнацтва (речення типу «Від життя я жадаю...») ми розподілили їх за такими сферами : діяльнісні очікування («вступ до ВУЗу», «цікава робота», «досягнення цілей», очікування змін у внутрішньому світі («розібратися в собі», «більше впевненості в собі»), очікування відносно взаємин з людьми («багато вірних друзів»), добробутні очікування («покращити свій матеріальний стан»), дозвільні очікування («пригод», «приємного проведення часу»). Пріоритетною сферою життєвих очікувань для молодших юнаків є діяльнісні очікування, для дівчат середньої групи - очікування змін у внутрішньому світі. Для решти статево-вікових груп характерна рівномірна орієнтація на різні сфери життя. Найменшу кількість висловлювань щодо життєвих очікувань дають юнаки середньої групи. Досліджувані дають різноманітні оцінки своїм життєвим очікуванням. Для всіх статево-вікових груп характерні дещо утопічні життєві очікування: досліджувані очікують цікавого, веселого і

щасливого життя, змін на краще, але з віком зростає усвідомлення можливих труднощів життя.

Висловлювання досліджуваних щодо всіх часових модальностей життєвого шляху ми розподілили за такими сферами: «активна діяльність», «взаємини», «зміни у внутрішньому світі», «дозвілля», «добробут». **АКТУАЛЬНА ЖИТТЄВА СИТУАЦІЯ** (речення типу «Мое сьогоденне життя...») сприймається досліджуваними переважно в оцінних характеристиках. Тільки у представників молодшої групи спостерігається пріоритетна сфера сприймання актуальної життєвої ситуації - їх «сьогодні» насичене активною діяльністю, перш за все, навчанням. Для аналізу оцінних висловлювань досліджуваних щодо актуальної життєвої ситуації ми застосували розроблені нами раніше оцінні еталони життя (цими ж еталонами ми користувались, аналізуючи всі часові виміри життєвого шляху): «емоційна забарвленість», «осмисленість», «продуктивність», «складність», «вільність», «моральність». Найчастіше досліджувані оцінюють актуальну життєву ситуацію з точки зору її емоційної насиченості, цікавості. Теперішнє життя оцінюється як емоційно-позитивне вдвічі частіше, порівняно із емоційно-негативними його оцінками.

Висловлювання досліджуваних щодо **БЛИЗЬКОЇ ПЕРСПЕКТИВИ** (речення типу «В найближчому майбутньому...») оцінювалися за загальними для всіх часових модальностей життєвого шляху категоріями. Для юнаків та дівчат всіх вікових груп близька перспектива уявляється, перш за все, подією, основним її змістом є навчання. Для всіх досліджуваних, за винятком старших юнаків, найбільш значущою серед сфер близького майбутнього є активна і продуктивна діяльність. Чим доросліше досліджувані, тим більше вони пов'язують своє близьке майбутнє з подіями внутрішнього світу. Уявлення про близьку перспективу є високодиференційним за змістом і практично не відрізняється у різних статеві-вікових групах. Оцінні характеристики близької перспективи, навпаки, дуже узагальнені і недиференційовані. Досліджувані майже не використовують інших критеріїв, крім емоційного, при її оцінці.

ВІДДАЛЕНА ПЕРСПЕКТИВА (речення типу «Через багато років мое життя...») постає у свідомості досліджуваних переважно в оцінних модальностях, досліджувані майже не використовують змістових характеристик життя. Для всіх статеві-вікових груп статистично значущою є оцінка «емоційної насиченості життя». Від віддаленого майбутнього досліджувані чекають «змін на краще», «втілення мрій». Уявлення про віддалену перспективу менш чітке, порівняно із уявленнями про близьку. Віддалена перспектива усвідомлюється досліджуваними як більш осмислена та легка, порівняно із близькою.

БЛИЗЬКА РЕТРОСПЕКТИВА (речення типу «Нещодавно я ...») сприймається досліджуваними за високодиференційованими змістовими

характеристиками, в ній широко представлені різні сфери життя. Нещодавнє минуле юнаків і дівчат старшої групи наповнене переважно активною діяльністю, навчанням; дівчат середньої групи - взаєминами з людьми, юнаків середньої групи та дівчат старшої пріоритетними є події внутрішнього світу. Для всіх груп досліджуваних абсолютно пріоритетними є оцінки емоційного забарвлення близького минулого. Особливістю емоційних оцінок близької ретроспективи є їх висока полярність (однаково часто зустрічаються позитивні та негативні оцінки). Найбільш емоційно-негативною постає близька ретроспектива у сприйнятті юнаків середньої та дівчат молодшої групи. Найбільш осмисленим сприймають близьке минуле представники старшої групи.

Змістові характеристики майже не представлені у висловлюваннях досліджуваних щодо **ВІДДАЛЕНОЇ РЕТРОСПЕКТИВИ** (речення типу «Багато років тому моє життя...»). Тільки для дівчат середньої групи віддалене минуле наповнене подіями внутрішнього світу. Зовсім інша картина спостерігається при розгляді оцінних характеристик віддаленого минулого. Досліджувані використовують всі оцінні еталони, а оцінки емоційної насиченості життя є пріоритетними для всіх груп досліджуваних. Позитивні емоційні оцінки минулого переважають над негативними, але останні складають 25% оцінок емоційної насиченості. Нагадаємо, що в близькій перспективі їх немає зовсім, в оцінці очікувань їх тільки 8%, а в оцінці віддаленої перспективи їх 16%. Це свідчить, що майбутнє в юнацькому віці переживається переважно як мрії, що збудуться, в той час як минуле життя сприймається більш реалістично. Старші дівчата переживають минуле як більш осмислене, ніж старші юнаки та дівчата середньої групи. Всі групи досліджуваних вважають, що їх далеке минуле було залежним, а не вільним.

Охарактеризуємо загальні особливості репрезентації життєвого шляху в юнацькому віці. З огляду на часовий вимір життєвого шляху можна стверджувати, що уявлення досліджуваних про життєвий шлях обмежене, в першу чергу, близькою ретроспективою та перспективою. Орієнтація на найближче минуле та майбутнє переважає орієнтацію на теперішнє життя. Віддалені перспектива і ретроспектива однаково незначуще репрезентовані в мовних моделях життєвого шляху. Подієва насиченість згаданих часових вимірів життєвого шляху забезпечується за рахунок активної діяльності (навчання, роботи), та, у меншій мірі, подій внутрішнього світу та спілкування. Стать загалом для юнацького віку не є важливим детермінуючим фактором у мовних репрезентаціях життєвого шляху, але дівоча модель у більшій мірі насичена діяльнісним змістом та у їх моделі виразніше представлені віддалені перспективи. З отриманих даних випливає, що найбільш особистісно привласненими є найближчі часові виміри життєвого шляху, і тому психодіагностичні екстраполяції за межі вказаного виміру призводять до

актуалізації культурно-вікових стереотипів і не можуть бути кваліфіковані як власне особистісні репрезентації життєвого шляху.

Поступила в редакцію 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Борзих Н.Є.

ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК СТРУКТУРНИХ КОМПОНЕНТІВ ПЕРЕКОНУЮЧОГО СПОЛУЧЕННЯ

У статті розглянуто взаємозв'язок між текстом та зображенням у сполученні. Показано, що врахування рівней-зв'язків дають можливість поліпшити сприйняття та розуміння інформації, компенсувати недоліки зображення та тексту за рахунок їх переваг.

Вітчизняними та зарубіжними дослідниками виявлено багато характеристик змісту переконуючого впливу, які нарівні з факторами соціально-психологічного, особисто-психологічного, психофізіологічного плану детермінують особливості його засвоєння.

Однак залишаються невизначеними взаємозв'язки між характеристиками, їхніми значеннями в різних умовах процесу засвоєння інформації. Щоб розкрити ці взаємозв'язки, насамперед, треба визначити два поняття: переконуючий вплив і сполучення.

Говорячи про переконуючий вплив, ми маємо на увазі вплив на свідомість людини через звернення до її емоційної, раціональної, позасвідомої сфер. Вплив, який пов'язаний із « зміною особистісної свідомості, або ... зі зміною імпліцитної картини світу » [2, с. 10]. Людина має певну психічну модель об'єктивного світу, вона побудована на сукупності чуттєвих даних, які добуті з особистого досвіду та знань. Різноманітні сигнали, що йдуть із зовнішнього світу і впливають на людину, сприймаються та обробляються внутрішньою моделлю і допомагають удосконаленню цієї моделі.

Центральною ланкою цього впливу в межах комунікативних процесів є сполучення. Воно являє собою функціональне утворення і має на меті зв'язок між комунікатором та реципієнтом. Саме цей процес взаємодії «комунікатор-реципієнт» обумовлює структуру і характер сполучення. За функціональним змістом сполучення може бути трьох типів: інформацією, інструкцією та мотивацією. У тому випадку, коли воно забезпечує індивіду підґрунтя для вибору, то це інформація; якщо змінює послідовність дій, то воно інструктує; якщо змінює значущість цілей, то воно мотивує.

Сполучення сприймається людиною як єдине ціле. Дійовість його тим вища, чим гармонічніший зв'язок між тим, що "розповідається" та тим, що "показується". Тобто, ми можемо окреслити два базових структурних компонента переконуючого сполучення: текст (заклик) та зображення або малюнок. Текст і зображення можуть впливати на різні рівні людської свідомості, вони здійснюють різноманітні форми зміни свідомості людини. Наприклад, у межах психосемантичної моделі свідомості [2] можливо окреслити три форми цих змін:

- зміна відношення суб'єкта до об'єкта (зміна конатативного значення цього об'єкта) без зміни категоріальної структури особистої свідомості суб'єкта;
- формування загального емоційного тону, світовідчуття реципієнтом впливу;
- зміна категоріальної структури особистісної свідомості.
- Якщо брати до уваги традиційну стадіальну схему впливу [4], то тут виникають наступні ефекти :
- пізнавальний (стосується когнітивної стадії), наслідок - розширення знання реципієнта;
- мотиваційно-особистісний (афективна стадія) - формування у людини відношення до того, що міститься у сполученні;
- інструментальний (опирається на стадію конатативну) - організація самих дій реципієнта.

Малюнок дозволяє донести до суб'єкта образ того, що рекламується або пропагується, викликає певні асоціації і тим самим підкріплює аргументи тексту. Деякі вчені зазначають, що набагато легше і швидше відбуваються смислорозрізнавальні та смислоутворюючі процеси, якщо повідомлення є наочним. Експериментальними психологічними дослідженнями доведено, що знаки, головним чином піктографічні (іконічні), мають безумовні переваги над письмовими. Ці переваги перш за все полягають в значно меншому латентному періоді сприймання, тобто вони швидше читаються, що має неабияке значення для переконуючого впливу.

Експерименти підтвердили, що 20 відсотків комунікативної сили переконуючого сполучення залежать від його змісту. 80 відсотків - від звукових та візуальних характеристик, які емоційно сприймаються людиною [6, с.164].

Сполучення без зображення, якщо воно складається лише з тексту, має не дуже привабливий вигляд і навпаки. І.Л. Вікентьєв [3] співвідносив переваги та недоліки тільки графічного рішення

сполучення або тільки текстового. Це співвідношення має наступний вигляд:

Зображення (без тексту)	Текст (без зображення)
Перевага: Людина встигає сприйняти інформацію за долі секунди - "швидше логіки"	Перевага: Текст дає людині досить повну інформацію
Недолік: Якщо людина вперше бачить сполучення, то зображення несе мало інформації.	Недолік: Для знайомства зі сполученням людини потрібна концентрація уваги та час на його читання

Таким чином, перевагами сполучення з малюнком є:

- зображення ніби знімає надлишок інформації та допомагає, таким чином, її засвоєнню;
- зображення привертає увагу до сполучення, пробуджує до нього інтерес, і тим самим збільшує потенціал його впливу;
- зображення залучає до участі у переробці інформації емоційні, підсвідомі процеси. Цей момент є дуже важливим, тому що дуже часто саме ці процеси мають ухвальний голос у ефективності переконуючого впливу.

Треба зауважити, що і розумові дії дуже рідко виконуються без допомоги емоцій. «Наочні образи є чуттєвою засадою розумових дій» [1, с. 17].

Зв'язок наочних образів та розуміння підкреслювали багато психологів. М. Кройц казав: «Адекватно ми розуміємо лише те, що можемо уявити собі як просторовий образ, який можливо зорovo окреслити, схопити ...» [1, с. 18].

Це дуже важливо, тому що «розуміння впливає на спонукальний ефект» [4, с. 47], який являє собою головну мету будь-якого переконуючого впливу.

Основною відмінною зображення від тексту є застосування різних кодових засобів закріплення інформації, що викликають різні психічні механізми перетворювання образу пред'явлення інформації (знакової системи) в образ предмету.

Якщо, сприймаючи зображення, людина використовує навик розглядання, які сформовані при спостереженні предметів реального світу, і образ предмету в багатьох відношеннях не поступається перцептивному образу, що формується при сприйнятті реальних предметів, то у випадку прочитування тексту, генерування наочних образів здійснюється, нібито опосередковано, через мову. Сам по собі текст як об'єктивна данність не є чимось наочним. Але, трансформуючись у процесі читання в слова, мовні форми, які є знаками, замісниками реальних об'єктів, та, використовуючи міцну асоціацію між

словом і предметом, який воно позначає, психічні механізми декодування забезпечують синхронне виникнення у свідомості образів, які відповідають значенню слів та контексту їх використання.

Наступною відміною зображення від тексту є існування у тексті дієслів в певному часі, наприклад, «купуйте», «купають», «купляли». Тобто текст дуже конкретно описує ситуацію і, таким чином, ставить рамки для уяви людини. Зображення, на відміну від тексту, знаходиться поза часом.

І, нарешті, текст має початок та кінець, тобто конкретну просторову структуру. Зображення або образ не мають певних просторових рамок і дають можливість виходу за його межі, здійснюють перехід на інший рівень - рівень уяви.

Отже, поєднання тексту і малюнка підвищує ефективність переконуючого впливу. Однак, треба зауважити, що у сполученні текст і зображення не просто співіснують. Між ними встановлюється взаємозв'язок, і він може бути різноманітним.

С.І. Смірнов [5] окреслює три типи можливого існування цього зв'язку:

- текст та зображення йдуть паралельно, підтримуючи один одного (окремо вони малоінформативні);
- текст знаходиться під малюнком, він дає конкретну інформацію про зображення, розширює інформаційний зміст самого тексту;
- інформація передається поперемінно або текстом, або малюнком, та зображення замінює мовну інформацію, тобто більш повно знайомить з об'єктом, фактом, подією.

Barthes [7] зазначав наступні зв'язки між текстом та зображенням:

- «якірна стоянка» - в цьому типі відносин текст виконує роль зв'язку між зображенням та конкретною ситуацією. Тобто, текст допомагає людині проінтерпретувати сполучення;
- «зв'язок-перемикач» - увага людини, перемикається то на зображення, то на текст. Типовий приклад цього зв'язку: комікси.

Проведений нами аналіз зв'язків довів, що можливо більш інформативно класифікувати ці взаємовідносини. Тобто ми окреслили три типи зв'язку:

- явний зв'язок;
- напівявний (асоціативний) зв'язок;
- неявний (парадоксальний) зв'язок.

Явний зв'язок передбачає мінімальне використання уяви людини. Перевага цього зв'язку - точність та однозначність. Напівявний зв'язок активізує уяву, людина сама розкриває цей зв'язок та перетворюється на співучасника творчого процесу, спілкування.

Неявний зв'язок потребує для розуміння надто великих зусиль, спирається на різноманітні парадигми, але, безперечно, саме він найбільш ефективно впливає на емоційну сферу людини.

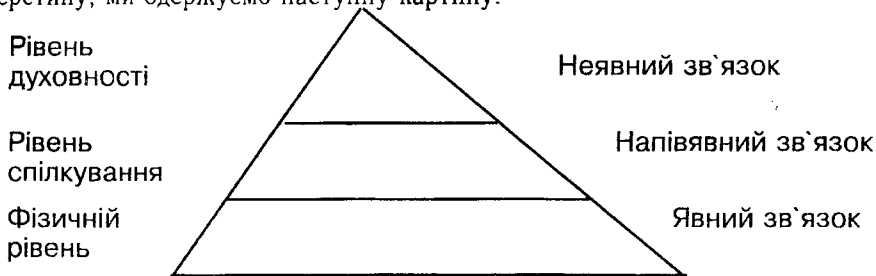
Ці три типи взаємовідносин «текст-малюнок», з нашої точки зору, відповідають трьом рівням золотого перетину у філософській системі або «психосхемі». Все живе побудоване за цією схемою і розміщується на наступних рівнях:

- фізичному рівні;
- рівні карми або спілкування;
- рівні духовності або непізнаного.

Людина має три рівні свідомості, які відповідають золотому перетину: підсвідоме, свідоме та зверх Я (я знаю, навіщо я знаю і можу цим керувати). У теорії спілкування є три рівні розмови: захисна, потреба у спілкуванні та «відкрита» розмова. І, нарешті, будь-який психічний феномен описується трьома рівнями:

- когнітивним рівнем;
- афективним рівнем;
- конатативним рівнем.

Отже, поєднуючи «текст-зображення» зі схемою золотого перетину, ми одержуємо наступну картину:

Ця схема наочно показує ієрархічне розміщення зв'язків. Найвищий рівень взаємозв'язку тексту з зображенням дуже часто складається також з попередніх рівнів. Отже, існують не лише горизонтальні зв'язки між рівнями, а також вертикальні взаємовідносини.

Як відомо, ефективність переконуючого впливу залежить від багатьох факторів. На нашу думку, взаємозв'язки між текстом та зображенням у сполученні мають дуже важливе значення в ході цього впливу. Врахування рівней-зв'язків дають можливість поліпшити сприйняття та розуміння інформації, компенсувати недоліки зображення та тексту за рахунок їх переваг, рекомендувати практикам конкретні шляхи моделювання параметрів переконуючого впливу і збільшувати його ефективність.

ЛІТЕРАТУРА

1. Антонов А.В. Проблема наглядности в восприятии и понимании информации. - К., 1976.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. - М., 1979.
3. Викентьев И.Л. Приемы рекламы. - Новосибирск, 1993
4. Слюсаревский Н.Н., Карамушка Л.Н., Федоришин А.Б. Слово. Рисунок. Цвет. - К., 1995
5. Смирнов С.И. Шрифт в наглядной агитации. - М., 1990
6. Ульяновский А. Мифодизайн рекламы. - СПб, 1995
7. Nestergaard Torben, Schrder Kit. The language of advertising. - New-York, 1985

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Васильев Я.В.

НАДСИТУАТИВНОСТЬ И ДИНАМИКА УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Ситуаційний підхід у психології дозволив встановити рівневу структуру особистості. Рівні відрізняються широтою та глибиною спектра дій та особливостями співвідношення його когнітивних та емоційних компонентів.

Выделение компонентов структуры личности и их соотношения всегда в психологической науке довольно красноречиво характеризовало позицию той или иной школы. Указание на причастность к "динамической психологии" можно встретить у З.Фрейда, К.Юнга, К.Левина, К.К.Платонова. В большей степени проблема динамичности инстанций личности разработана у З.Фрейда и К.Юнга, а в контексте ситуаций у К.Левина. Разрабатываемый нами ситуационный подход привел нас к обоснованию уровневой структуры личности, которая также основана на динамическом функционировании этих уровней.

Такое представление об уровневой структуре личности возникло в результате изучения деятельности субъекта в ситуациях различных классов и типов. Было замечено, что одну и ту же ситуацию /состав внешних условий/ разные люди могут решать по-разному. Так, при исследовании психологических механизмов решения тактических задач методом поэтапного формирования умственных действий и понятий, в процессе констатирующего эксперимента одни испытуемые решали

задачи на полной ориентировочной основе действий, т.е. правильно, а другие на неполной ООД и, соответственно, неверно.

После проведения формирующего эксперимента все испытуемые решали задачи на полной ООД, в том числе и те, которые их ранее не могли решить. Следовательно, уровень их вооруженности повысился. Вместе с тем, в числе всех испытуемых были такие, которые не ограничивались достигнутым уровнем знаний, умений и навыков и, отталкиваясь от наличных ситуаций, экстраполировали их развитие и создавали новые. Последние выходили за пределы ситуации и поступали "надситуативно". Следовательно, они поднимались не более высокий уровень, который мы обозначили как надситуативный.

Примечательно, что наличие таких трех уровней можно наблюдать при разрешении субъектами всего лишь одной ситуации. Исходя из положений ситуационного подхода, каждую ситуацию следует рассматривать как единицу психической деятельности, самостоятельный поведенческий акт, целостную систему. О такой структуре целостного акта писали физиологи и психологи П.К.Анохин, Н.А.Бернштейн, Д.Миллер, Ю.Галантер и К.Прибрам. Достоинство ситуационного подхода заключается в четкой фиксации внешних условий ситуации и реакций субъекта, а также возможности непосредственной коррекции его поведения при неудачных попытках достижения цели. Этим объясняется успех психотерапевтических групповых методов и тренинговых занятий.

Последовательная смена ситуаций, отвечающая логике предметной деятельности, позволяет решать задачи более сложного характера, которые составляют целостные фрагменты такой деятельности. Этого мы добились при формировании совместного решения тактических задач в нападении против личной защиты в спортивной игре баскетбол. Следовательно, любую деятельность личности можно рассматривать как систему последовательно сменяющих друг друга ситуаций, а в широком смысле - и всю жизнедеятельность, где ситуации являются необходимым условием ее существования.

Вместе с тем, не любую деятельность субъекта можно формировать с заранее заданными свойствами, а только нормативную. Для таких видов характерен полный состав условий ситуаций, и теория планомерного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина достигла в этой области значительных результатов. С другой стороны, существует второй большой класс ситуаций, у которого нет полного состава условий, опираясь на которые, можно гарантированно достигнуть цели. Первый класс ситуаций был определен нами как класс нормативных ситуаций, а второй - неопределенных. Решение первого класса задач может осуществляться на двух уровнях: при неполной ООД обозначен нами - "ситуативный",

а при полной ООД – "ситуационный". Разрешение неопределенных ситуаций из-за отсутствия достаточных внешних условий связан с выходом за пределы ситуации и назван нами надситуативным уровнем. Для таких ситуаций невозможно создать полную ООД.

Ситуаций неопределенного класса в нашей жизни большинство. Их надо решать и все их решают. Наши результаты изучения процесса решения педагогических задач и исследования целевой направленности подтверждают это. Решения неопределенных ситуаций, в том числе и одной, может разрешаться на трех перечисленных выше уровнях. Эффективность таких решений зависит от уровня, которого достигла личность в процессе обучения и развития. Ситуационный подход позволил выявить особенности таких решений. Признавая приоритет и эффективность теории планомерного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина, мы сохранили воззрения на наличие во внутреннем плане личности структуры ООД, но ввели понятие "спектра действий".

Спектр действий отличается от схемы ООД четкостью и жесткостью структуры действий, но позволяет фиксировать состав применяемых при разрешении ситуаций неопределенного класса действий по "широте" и "глубине". Широта спектра действий показывает количество действий, глубина – обобщенность, осознанность и осмысленность, как принято в вышеуказанной теории. Вместе с тем, в широту и глубину действий мы также, в отличие от этой теории, включаем эмоциональные компоненты образа действий: эмоции, чувства, оценки, "имажинативные слова" и прочее. О наличии эмоциональных компонентов образа писали К.Юнг, А.В.Запорожец, В.К.Виллюнас.

При исследовании педагогического общения и целевой направленности личности в речевых формулировках действий нами были обнаружены слова, несущие эмоциональную нагрузку. При разрешении педагогических ситуаций были отслежены личностные тенденции испытуемых, которые проявлялись в ориентации на эмоциональное или деловое разрешение их. В спектре действий наблюдалось наличие двух полюсов. На ситуативном уровне деловой стиль характеризовался формализмом, а эмоциональный – агрессивностью и импульсивностью. На ситуационном уровне деловое разрешение ситуаций заключалось в менторских и демагогических рассуждениях и обсуждениях сложившихся ситуаций, а эмоциональное – в обращении к качествам личности и коллективистическим чувствам. На надситуативном уровне деловые решения отличались уверенностью в правильности принимаемых решений с опорой на авторитет педагога, а эмоциональные – в смене позиции в системе "педагог – ученик", юмористическом отношении к новой и неожиданной для ученика ситуации, проявлении творчества последнего.

При исследовании целевой направленности личности спектр действий также отличался соотношением интеллектуальных и эмоциональных компонентов. На ситуативном уровне проявлялись действия, указывающие на достижение конкретной цели как предмета насущной потребности, что свидетельствует об актуальности снятия эмоциональной напряженности данного момента. На ситуационном уровне эмоции проявлялись в форме оценочных слов, включенных в контекст условий достижения цели. На надситуативном уровне функционировали "имагинативные слова" типа абстрактных понятий: "добро", "счастье", "мир", "справедливость", которые выходили за пределы наличной ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что при разрешении ситуаций в спектре действий одновременно и на разных уровнях в тесном единстве функционируют интеллектуальные и эмоциональные компоненты. На ситуативном уровне в большей степени преобладают эмоциональные реакции и импульсивность, которые отражают напряженность базальных потребностей в узкой ориентации на цель. Поэтому действия стереотипны и автоматичны и не учитывают условий ситуации. Проявляются подсознательные механизмы реализации энграмм памяти, типологические свойства темперамента и эгоцентричная утилитарная и меркантильная мотивации.

На ситуационном уровне интеллектуальные компоненты действий функционируют на основе выделения существенных параметров условий ситуаций при помощи понятийного мышления. Эмоции превращаются в чувства за счет интеллектуализации их и выполняют оценочную функцию. Сознательность выполняемых действий свидетельствует о расширении их спектра и углублении его в сторону осмысления собственного внутреннего мира, а это ведет к формированию характера, как ведущего типологического свойства личности при престижной и прагматической мотивации. На надситуативном уровне происходит гармоничная интеграция интеллекта и аффекта, о чем свидетельствуют "имагинативные слова" как сплав понятий и чувств. Ведущим познавательным процессом является воображение, что позволяет выходить за рамки ситуаций и осуществлять "смену позиций". Необусловленность выхода в надситуативность объясняет функционирование интуиции, свободной воли и движения в сторону раскрытия потенциальных способностей на основе альтруистической и творческой мотивации.

При наличии тесного единства между эмоциями и интеллектом, следует динамику перехода с уровня на уровень объяснять функционированием эмоций. Интеллектуально можно научить в принципе любого. Об этом свидетельствуют успехи теории планомерного формирования умственных действий и понятий, но выходу в надситуативность научить нельзя, хотя интеллект может

позволить понять такую возможность. Во многом это зависит от широты спектра действий. Как показали наши исследования на ситуативном уровне личности, спектр действий узкий. Он ограничивается напряженностью эгоцентричных потребностей и шизоидно-параноидальным комплексом черт личности. На ситуационном уровне спектр действий расширяется за счет ранее указанной мотивации и в процессе обучения. На надситуативном уровне расширение спектра приводит к достижению крайних пределов, и если человек неудовлетворен этим, то он по законам парадоксальной логики начинает изменять внешние условия, создавать новую ситуацию. Такой механизм связан с диалектическими принципами: "крайности сходятся", "тезис - антитезис = синтез" и т.п..

Единство интеллекта и аффекта позволяет эмоциям стимулировать этот процесс. Побудительная сила эмоций на ситуативном уровне заставляет субъекта методом "проб и ошибок" достигнуть сфокусированной в подсознании цели. Личность выделяет условия ее достижения, но при этом начинает осознавать решающую роль действий. Осознание такого порядка вещей в спонтанном отношении к действительности поднимает личность на ситуационный уровень. Выделяются существенные параметры действий и формируются понятия. За счет речи они осознаются и сворачиваются, но главным двигателем является действие, которое сродни поступку. Следствием обобщения являются превращенные в чувства эмоции. Овладев ситуациями на ситуационном уровне, субъект может быть удовлетворен собой и достигнуть в жизни больших успехов при разрешении нормативных задач.

Чувства неудовлетворения от достигнутого могут, но не обязательно, стимулировать человека к проникновению в непознанную неопределенность мира, к поиску истины или смысла жизни. Если такой механизм срабатывает, то субъект может перейти на надситуативный уровень. Такая деятельность может быть только безусловной, творческой, альтруистичной, основанной на свободной воле, желании раскрыть свои способности как самоценность. Сделать такой шаг может помочь только воображение. На связь воображения и эмоций указывали еще Т.Рибб и Л.С.Выготский. Неопределенность ситуаций создает новизну, а новизна вызывает эмоции /Е.Н.Соколов, П.В.Симонов/, а эмоции включают воображение, и наоборот. Воображение создает новые ситуации и обычно вызывает надежду и положительные эмоции.

Все это позволяет утверждать, что существует триада: "эмоции - действия - воображение". Она соответствует трем уровням личности и трем основным категориям психологии: образу, действию и мотиву /эмоция/. Действие следует понимать расширенно, как слово которое может осуществляться на основе пяти форм: физическое,

материализованное, внешнеречевое, внутреннеречевое и умственное. Действие позволяет преобразовывать образы, включая воображение, и эмоции. Ведущим психологическим механизмом выхода на надситуативный уровень, как показали наши исследования, является "смена позиции".

Под позицией следует понимать наличие совокупности "точек зрения" на ту или иную ситуацию. "Точки зрения" есть ни что иное, как спектр действий. При формировании тактического мышления мы сознательно создавали условия видения ситуации с "позиции другого", причем используя полную ООД. При принятии совместного решения испытуемые преднамеренно выполняли "роль другого", несвойственную им. Они видели обычную для них ситуацию, но "глазами другого". Это приводило к выходу в надситуативность и изменяло понимание ситуации, что вело к взаимопониманию. Педагоги, как было отмечено ранее, также осуществляют обмен ролями, например, учитель спрашивает у опоздавшего на урок ученика: "Ничего, что мы без тебя начали урок?".

Смена позиции, как способ выхода в надситуативность, заставляет человека задуматься, увидеть обычное иными глазами и ведет к результатам, обратным парадоксальной логики: "Не делай другим такого, чего себе не желаешь". Важным моментом надситуативной деятельности является изменение смысла ситуации при смене позиции. Меняя за счет действия ситуацию, можно влиять одновременно на эмоции и воображение. Физическое изменение позиции влияет на смыслы личности, вплоть до оздоровительных эффектов, о чем писали В. Франкл и В.В. Налимов. С другой стороны, творческое воображение влияет на действия человека и, естественно, на эмоции.

Таким образом, уровневая структура личности имеет вертикальное соподчинение и ее динамизм основан на функционировании двух взаимодополняющих и взаимообусловленных механизмов: эмоций и действий. В эмоциях проявляется архетипичное в человеке, его максимальную предназначенность в этом мире. Действия помогают человеку найти это главное в нем и реализовать себя. Действиями можно извне вооружать субъекта и тем самым помогать ему раскрыться, или он при их помощи может сам себя создавать. Гармоничное сочетание действий и эмоций может привести субъекта к выходу в надситуативность, к желанию преодолевать неопределенность или специально ее искать и создавать, то есть, стремиться к новому: истине или смыслу жизни. Смена позиций может в этом помочь, помочь увидеть другой смысл ситуации или существования вообще. Надситуативность – это значит раскрыть себя на пределе своих возможностей. Это и является основным двигателем перехода с одного уровня на другой.

О трехкомпонентной структуре личности говорили многие ученые, в том числе З. Фрейд и К. Юнг. Религия тоже говорит о триаде: тело, душа, дух. Уровневая структура личности установлена нами в результате экспериментального исследования разрешения ситуаций. Ситуационный подход не отменяет эти взгляды, а только дополняет их и позволяет увидеть их в новом свете, с иной позиции.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Васильев Я.В.

УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ОНТОГЕНЕЗА ЛИЧНОСТИ

Рівнева структура особистості дозволила виявити закономірну зміну їх у процесі онтогенезу. За пам'яттю та мисленням ведучим пізнавальним процесом стає уява, яка характерна для дошкільного періоду та ранньої юності.

Ситуационный подход, применяемый нами для анализа психических явлений, рассматривает ситуацию как единицу человеческой деятельности, а систему последовательно сменяющих друг друга ситуаций, как условия жизнедеятельности субъекта. Личность всегда находится в определенной ситуации. Как показали экспериментальные исследования, существует два больших класса ситуаций: нормативные и неопределенные. Первые отличаются полным составом условий для достижения цели, а вторые – нет. Ситуации неопределенного класса могут разрешаться на трех уровнях: ситуативном, ситуационном и надситуативном. Эти данные были получены на различных видах деятельности.

Каждая ситуация включает два элемента: внешние условия и субъекта деятельности. Ссылаясь на теорию планомерного формирования умственных действий и понятий П.Я.Гальперина, можно утверждать, что субъект в плане образа отражает внешние условия и осуществляет ориентировку для выполнения действий, которые могут выполняться в пяти формах. При неполной ориентировочной основе действий личность разрешить ситуацию правильно не может. В нашем подходе это соответствует ситуативному уровню. При полной ООД цель достигается, что соответствует нашему ситуационному уровню. Такое деление уровней характерно для нормативных ситуаций, в которых есть все внешние и внутренние /полнота ООД/ условия для достижения цели.

Применение данной теории к определенному классу задач, например, решению педагогических ситуаций показало, что не всегда

можно формализовать внешние условия и, соответственно, создать полную ООД. Это происходит в тех случаях, когда этих условий недостаточно. Такие ситуации, как было отмечено выше, были отнесены к классу неопределенных. Им и были посвящены дальнейшие исследования. Оказалось, что в структуре действий по их разрешению присутствуют эмоциональные компоненты. В вербальных формулировках они выражались при помощи слов. О наличии в образах, в том числе и действий, эмоциональных компонентов писали К. Юнг, А.В. Запорожец, В.К. Вилюнас.

Результаты проведенных экспериментальных исследований показали, что интеллектуальные и эмоциональные компоненты функционируют целостно и в единстве. Эмоции побуждают и оценивают процесс и результаты действий, а действия реализуют эмоциональное напряжение и через них проникают во внутренние пласты человеческой психики, вскрывая заложенные в ней потенциальные возможности и способности. Триединство образа, действия и эмоций составляют поверхностный конгломерат любой ситуации, за которым стоят более крупные глубинные сочетания и комплексы свойств личности: мотивы, состояния, свойства, архетипы.

Ситуационный подход позволил выявить основные сочетания интегративной психической деятельности в экспериментальных исследованиях, которые функционируют в виде уровней. Эти уровни, имея свою специфику, тесно взаимодействуют между собой, указывая на динамический характер отношений между ними. На каждом уровне преобладает ведущий познавательный процесс, способ эмоционального реагирования, одно из типологических свойств личности и ведущая мотивация. Для каждого уровня характерен и собственный физиологический рефлекс. Введенное нами понятие "спектра действий" соответствует структуре ООД, но включает и эмоциональные компоненты. Он характеризуется широтой — количеством действий и глубиной — обобщенностью действий и представленностью в нем эмоциональных компонентов.

На ситуативном уровне ведущий познавательный процесс — память, импульсивные эмоциональные реакции, стереотипные и шаблонные автоматизмы действий, ярко проявляется темперамент и меркантильная и утилитарная мотивация. Преобладает "шизоидно-параноидальный" комплекс черт личности. Спектр действий узкий, ориентированный на удовлетворение потребностей через поиск цели, но без учета условий ее достижения. Ведущий физиологический рефлекс — условный.

На ситуационном уровне ведущий познавательный процесс — мышление, оперирующее понятиями. Эмоции осознаются и становятся чувствами. Осознанность действий и чувств ведет к формированию характера при прагматической и престижной мотивации. Преобладает

"психопатично-доминирующий" комплекс черт личности. Спектр действий расширяется, что позволяет выделять условия достижения цели и осуществлять оценку их существенности по отношению к достижению цели. Ведущий физиологический рефлекс – ориентировочный.

На надситуативном уровне ведущий познавательный процесс – воображение. Чувства и эмоции контролируются волей, причем волей свободной, способной самостоятельно ставить препятствия и преодолевать их. Так как заставить переходить на надситуативный уровень нельзя, то побуждают это сделать стенические эмоции или надежда и ожидание получить их. На этом уровне раскрываются способности субъекта на основе творческой и альтруистичной мотивации. Преобладают "ипохондро-эмотивные" черты личности. В спектре действий широта их достигает пределов, а крайности сходятся. Осуществляется смена позиции по отношению к наличной ситуации, что способствует выходу в надситуативность при помощи предвосхищения и интуиции. Увеличивается временная перспектива с ориентацией на будущее. Функционирует исследовательский рефлекс.

Познавательные процессы: внимание, ощущение и восприятие могут функционировать в режиме безусловно-рефлекторной деятельности автоматически или под эгидой одного из трех уровней при произвольной деятельности. Примат произвольности и познавательных процессов на этих уровнях объясняется не их главенствованием по отношению к эмоциональной сфере, а большей разработанностью в психологии и возможностями корректирования действий, которые снимают эмоциональное напряжение и, тем самым, позволяя проявиться потенциальным способностям и возможностям субъекта.

Логика уровневого подхода к смене фаз психического развития ребенка, по нашему мнению, имеет определенные основания. Последовательная смена уровней происходит, например, в процессе традиционного обучения. Ситуативность проявляется в сужении спектра действий при запоминании знаний на первой стадии процесса обучения. Затем происходит ситуационное расширение спектра действий при применении полученных ранее понятий к новым условиям ситуаций в процессе овладения умениями. Надситуативность возникает после формирования навыков, и за счет свернутости и автоматизма действий возможно возникновение мастерства и творчества на основе воображения.

В психологической науке разработано несколько периодизаций психического развития ребенка. К ним можно отнести типологии З.Фрейда, Ж. Пиаже, Э. Эриксона и Д.Б. Эльконина. Во многом они сходятся, но имеют и принципиальные различия. В своем анализе периодизации психического развития мы будем опираться на

исследования Д.Б. Эльконина, т.к. она более разработана и известна в постсоветском обществе. Остальные типологии будут привлекаться по мере необходимости.

Рассмотрение периодизации психического развития личности в онтогенезе с точки зрения ситуационного подхода наталкивается сразу на разрешение дилеммы, возникшей в споре Л.С.Выготского с З.Фрейдом, Ж.Пиаже и Т.Рибо. В этом теоретическом споре оппоненты Выготского утверждают, что ребенок рождается с воображением, а он отвергал это положение. Ситуационный подход позволяет утверждать, что правы оппоненты. Это утверждение основано на том, что ребенок сразу после рождения попадает в неопределенные ситуации, как бы на надситуативный уровень. У него нет и не может быть полной ООД, а значит властвует воображение. Оно, конечно, не творческое, но воссоздающее, которое воссоздает отсутствие опыта. Однако, постепенно этот опыт обогащается и воображение заменяется памятью. Еще один аргумент в пользу воображения – наличие эмоций как ведущего компонента деятельности младенческого периода по типологии Д.Б.Эльконина. Эмоции и возникают при неопределенности, то есть новизне, и все исследователи воображения подчеркивают его связь с эмоциями.

По периодизации Д.Б.Эльконина, ведущей деятельностью младенческого возраста является "непосредственный эмоциональный контакт". Против этого возражений нет. Вместе с тем, какой уровень функционирует в этом возрасте с позиций ситуационного подхода? Можно утверждать, что ситуативный. Об этом свидетельствуют импульсивные эмоциональные реакции, стереотипные и шаблонные движения, меркантильно-утилитарная мотивация, проявления темперамента и стабилизирующая функция условного рефлекса. До появления "комплекса оживления" присутствует ориентировочный рефлекс, который может быть и исследовательским, что указывает на имaginативную деятельности, но это в данном случае возрос не принципиальный. Важно для нас то, что после комплекса оживления фиксируется лицо матери. Ребенок в первом своем социальном акте осуществляет мнемический процесс. Затем он запоминает лица близких, но при появлении посторонних возникает плач, так как не происходит процесса узнавания. Все факты говорят о том, что у него ведущим познавательным процессом является память, особенно эмоциональная.

В раннем детстве ведущей деятельностью Д.Б.Эльконин считал "овладение орудийными действиями". Он соглашался с Ж.Пиаже, что в этом возрасте функционирует наглядно-действенное мышление. С этими выводами можно полностью согласиться, так как ситуационный уровень опирается на мышление и, естественно, расширяется спектр действий. В этом возрасте формируется характер, о чем

свидетельствует завершающий его кризис трех лет или кризис "Я". В дошкольном возрасте ведущая деятельность по Д.Б.Эльконину – "присвоение ролевого поведения". Основная форма этой деятельности игра. Ж.Пиаже считал ведущим познавательным процессом данного периода – наглядно-образное мышление. Что оно обозначает? Это значит, что ребенок решает задачи при помощи перемещения образов в наглядноданных условиях. Такое перемещение образов позволяет создавать новые их комбинации, особенно в игре и продуктивных видах деятельности. Сама игра предполагает вымышленные условия деятельности и стимулирует создание ребенком новых образов. А это значит, что функционирует воображение как ведущий познавательный процесс данного возраста. Даже в обычной сюжетной игре ребенок вынужден фантазировать в роли "мамы", "папы", "воспитательницы", "пожарного" или "милиционера".

Ситуационный подход позволяет утверждать, что в этом возрасте ребенок осуществляет выход за пределы наглядной ситуации и создает новые образы в процессе игры, рисования, лепки, слушания сказок. Это воображение воссоздающее, но по отношению к его опыту оно творческое и надситуативное. Оно еще произвольное, но именно произвольность заставляет нас считать, что воображение является ведущим в данном возрасте и является завершающей стадией спонтанного развития ребенка, как достижения третьего уровня структуры личности – надситуативного. Этим уровнем завершается первая фаза развития личности в онтогенезе, которую можно назвать "примитивной" по Л.С.Выготскому или произвольной.

Следующий возрастной период – младший школьный. Ведущая деятельность – учебная. Основной механизм овладения познанием – "действия по образцам", на основе произвольного запоминания. Опора на память является основным методом изучения основ наук в традиционной школе. Возможности воссоздающего воображения используются только, пожалуй, на уроках рисования, о нем как бы забывают. Но это уже другой вопрос. Ребенок импульсивен, ярко проявляется его темперамент, что свидетельствует о функционировании ситуативного уровня.

Подростковый возраст характеризуется развитием абстрактного мышления. Это признают все психологи, включая и Ж.Пиаже. Сформировавшаяся на предыдущем этапе развития произвольность, позволяет утверждать о достижении ситуационного уровня развития личности, с его осознанием условий деятельности, опорой на понятийное мышление и рефлексией своего внутреннего мира. Формируется характер в процессе проигрывания взрослости в ведущей деятельности – "интимно-личном общении" по Д.Б.Эльконину.

Следующий возрастной период ранней юности характеризуется ведущей деятельностью по Д.Б.Эльконину – "учебно-

профессиональной". Как и за счет чего учащиеся "примеривают" профессию к себе? Чтение книг, профессиограмм, беседы и даже экскурсии на предприятия не являются типичными наличными ситуациями их будущей деятельности. Такое "примеривание" можно осуществить только в плане воображения, то есть надситуативно. Если к этому добавить стремление к ведению дневников, сочинению стихов, формированию образа "альтер-эго", то становится понятной ведущая роль воображения в этом возрасте. Обращение к мировоззренческим проблемам и поиску смысла жизни свидетельствует о том, что место научных понятий занимают другие когнитивные образования, которые в традиционной лингвистике именуются "абстрактными понятиями".

Обозначение определенного класса слов "абстрактными понятиями", типа: "справедливость", "добро", "зло", "счастье" и др., есть тавтология. Все понятия в большей или меньшей степени абстрактны. С точки зрения ситуационного подхода понятия должны отвечать еще одному критерию. В конкретных условиях ситуаций понятия должны осуществлять познавательную-прикладную функцию: включать в себя признаки, позволяющие на их основе принимать осознанные решения. В педагогике и психологии это известно как выполнение операции "подведения под понятие". Есть ли у приведенных выше понятий "абстрактного" типа такие существенные признаки, на которые можно однозначно опираться? Нет. Эти понятия нельзя представить конкретно — их можно только вообразить! Поэтому такие "понятия" мы предлагаем назвать "имгинативными словами".

Опора на такие слова и все перечисленные выше факты объективно свидетельствуют о функционировании на этом возрастном периоде воображения как ведущего познавательного процесса. Юноша вынужден выходить за пределы наличной ситуации: размышлять о смысле бытия, мечтать о будущей профессии, фантазировать по поводу будущего стиля жизни и прочее, и прочее, но это можно сделать только на основе воображения и интуиции. Строить перспективные цели личности иначе нельзя. В этом периоде функционирует творческое воображение, если его понимать, вслед за Я.А.Пономаревым, как открытие нового для себя или в себе, а не как открытие нового, имеющего социальное признание. Тогда выстраивается закономерный ряд ведущих познавательных процессов в онтогенезе: память, мышление, воображение, которые соответствуют трем уровням в структуре личности: ситуативному, ситуационному и надситуативному.

Как показали исследования структуры личности на основе ситуационного подхода, ведущими индивидуально-типологическими особенностями личности надситуативного уровня являются способности. Они наиболее полно раскрываются в неопределенных ситуациях, разрешаемых на надситуативном уровне. Об этом свидетельствует бурное развитие творческой деятельности в

дошкольном возрасте и ранней юности, если сравнить их с другим возрастами. У субъекта могут быть разные способности, но высшие для него всегда связаны с творчеством, с созданием нового при помощи имажинативной деятельности. Раскрытие своих способностей на грани возможностей личности и есть смысл жизни человека.

В начале статьи была показана схема прохождения трех уровней личности в процесса традиционного обучения. Эти стадии функционируют в том же единстве, но только в ином направлении по сравнению с спонтанным процессом онтогенетического развития. При нетрадиционном обучении первой стадией должен быть надситуативный уровень. На нем происходит самостоятельная добыча информации под руководством учителя при неопределенных условиях ситуации. Осуществляется интуитивный поиск разрешения проблемы /проблемной ситуации/. За счет воображения проблема рассматривается с различных позиций и выбирается общий главный принцип решения.

На ситуационном уровне эта главная идея находит свое подтверждение в процессе разрешения нормативных ситуаций. Формируется полная ориентировочная основа действий при помощи теории планомерного формирования умственных действий и понятий. Происходит сознательное освоение действий в разных классах задач определенного содержания, что ведет к выработке умений. На ситуативный уровень передаются автоматизированные компоненты действий, которые произвольно запоминаются. Этот уровень обеспечивает функционирование навыков и наиболее эффективен при действиях в стереотипных условиях.

Применение ситуационного подхода к проблемам онтогенетического развития личности показало, что периоды психического развития совпадают с уровневой структурой деятельности субъекта. Развитие ребенка проходит поочередную смену трех уровней. Каждый из этих уровней имеет определенный ведущий познавательный процесс. В отличие от предшествующих авторов периодизации психического развития ребенка, мы настаиваем на том, чтобы познавательный процесс воображения рассматривался как завершающий этап развития одной фазы, как произвольного, так и произвольного развития /дошкольной и школьной/. Воображение позволяет осуществить "отрыв" от наличной ситуации и перейти на надситуативный уровень, который обеспечивает творческую деятельность и ведет к созданию новых ситуаций, как в предметной сфере, так и в общении с другими людьми.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

ПРОИЗВОЛЬНАЯ И НЕПРОИЗВОЛЬНАЯ ПАМЯТЬ С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА БУДУЩЕЕ И БЕЗ НЕЕ

У статті викладено наслідки експерименту, що мав за мету дослідження продуктивності довільного та мимовільного запам'ятовування англомовного матеріалу в різних умовах роботи з ним. Виявлено, що при розглянутих підходах роботи з матеріалом у групах, які відрізняються кількістю учнів, запам'ятовування матеріалу є неоднаковим, при цьому "орієнтація на майбутнє" позитивно впливає на запам'ятовування і обумовлює кращі результати.

Проблема изучения памяти является достаточно традиционной для психологии. На протяжении многих лет сформировалось ряд подходов (функциональный, структурный, информационный и др.), направленных на ее изучение.

Последователями харьковской психологической школы разрабатывался деятельностный подход к памяти, который нашел наиболее яркое воплощение в работах П.И.Зинченко. Следующим шагом в разработке этого подхода, воплотившего в себе намерение по новому подойти не только к памяти как таковой, но и к феноменам, оставшимся без объяснения, был интенциональный подход, разрабатываемый Г.К. Середой [2]. В работах Г.К. Середы было показано, что ориентация на будущее является одним из важных факторов, определяющих процессы памяти, их направленность, а также указано на то, что эта ориентация может служить фактором, влияющим на продуктивность запоминания.

Предметом нашего изучения явилась продуктивность произвольного и непроизвольного запоминания англоязычного материала в различных условиях работы над ним.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: мы предположили, что задаваемая ориентация на будущее будет повышать продуктивность как произвольного, так и непроизвольного запоминания, а также, что в зависимости от организации активности обучаемых при овладении иностранным языком эта продуктивность будет тоже изменяться.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы было необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить продуктивность произвольного и непроизвольного запоминания с дополнительной установкой – "ориентация на будущее" и без нее.

2. Сравнить продуктивность изучаемых видов запоминания при различных способах работы с материалом.
3. Определить некоторые условия (в частности, количество обучаемых в группе), способствующие большей эффективности как произвольного, так и непроизвольного запоминания с ориентацией на будущее и без нее.
4. Изучить вышеописанные феномены в различных возрастных группах.

В качестве испытуемых были выбраны три группы. В первой группе работа проводилась индивидуально (всего в эксперименте участвовало 16 человек), во второй группе занятия проходили в подгруппе из 4 человек (всего 64 человека) и третья группа состояла из 12 человек (всего 192 человека). Экспериментальная работа велась с испытуемыми двух возрастных групп – 10 – 11 лет и 13 – 14 лет.

Обоснование выбора именно данных групп описано в предыдущей работе [1].

После пилотажного эксперимента [1] нами было проведено два эксперимента, целью которых являлось определение степени эффективности запоминания в зависимости от способов работы над материалом.

Способы работы над материалом в каждом из этих экспериментов были отличными.

В первом эксперименте после первого прочтения текста (повествовательного и диалогического) про себя учащимся предлагалось самостоятельно сформулировать и задать вопросы по содержанию и ответить на них. Далее, как и в пилотажном эксперименте, перед учащимися ставилась задача повторного прочтения и письменного воспроизведения текста.

Во втором эксперименте перед учащимися была поставлена задача составить текст (диалог) подобный прочитанному, самостоятельно, а затем, как и в первый раз, воспроизвести письменно исходный текст.

При анализе воспроизведения текста учитывалась вербальная и семантическая точность (таб. 1, 2, 3, 4).

Результаты первого эксперимента в возрастной группе 10 – 11 лет показали, что наиболее эффективным оказалось непроизвольное и произвольное запоминание с ориентацией на будущее в группе из 4 человек как при работе с повествовательным текстом, так и с диалогом. Наименее эффективным оказалось непроизвольное запоминание без дополнительной установки в группе из 12 человек при работе с текстом и диалогом, а также при индивидуальной работе с текстом.

В возрастной группе 13-14 лет максимально эффективным было произвольное запоминание с ориентацией на будущее в группе из 4 человек и индивидуально при работе с повествовательным текстом, а

при работе с диалогом этот же вид запоминания как с дополнительной установкой "ориентация на будущее" так и без нее в группе из 4 человек. Самая низкая продуктивность запоминания была обнаружена при произвольном запоминании без ориентации на будущее в группе из 12 человек.

Результаты второго эксперимента в возрастной группе 10 – 11 лет выявили следующие закономерности: наиболее продуктивным является произвольное запоминание с ориентацией на будущее в группе из 4 человек и индивидуально при работе с текстом и произвольное запоминание с дополнительной установкой, а также произвольное запоминание (в данном случае ориентация на будущее не имела значения) в группе из 4 человек при работе с диалогом. Наименее эффективным оказалось произвольное запоминание без ориентации на будущее в группе из 12 человек при работе и с текстом и с диалогом.

В возрастной группе 13 – 14 лет максимальные результаты получены при произвольном запоминании с ориентацией на будущее и без нее индивидуально при работе с текстом и при произвольном запоминании с ориентацией на будущее в группе из 4 человек при работе с диалогом. Самые низкие показатели выявлены при произвольном запоминании в группе из 12 человек при работе с текстом и диалогом.

Проведенные эксперименты показали, что в большинстве случаев эффективность произвольного запоминания с установкой на будущее выше эффективности произвольного.

При различных способах работы с материалом продуктивность запоминания изменялась. Так, при работе с текстом в обеих возрастных группах самостоятельное составление теста на основе предъявленного оказалось более эффективным способом, чем постановка вопросов к тексту и приводила к большей продуктивности запоминания. В возрастной группе 13 – 14 лет при работе с диалогом запоминание выше, если задание направлено на придумывание вопросов и общение детей друг с другом (первый эксперимент).

На эффективность запоминания влияет и количество обучаемых в группе. В наших экспериментах самые высокие показатели запоминания обнаружены при работе в группе из 4 человек и при индивидуальном обучении.

Таким образом данное исследование показало, что при различных способах работы с материалом и в группах, отличающихся по количеству учащихся, запоминание иноязычного материала будет различным, причем дополнительная установка "ориентация на будущее" положительно влияет на запоминание и приводит к его более высоким результатам.

Литература:

1. Вerezub E.N. Особенности произвольного и непроизвольного запоминания в процессе обучения иностранному языку // Вестник ХГУ. – 1997. - №391 – с. 85 - 90.
2. Серeda Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта. - Вестник Харьк. гос. ун - та, № 253. Психология деятельности и познавательных процессов. - Харьков, 1984. - С. 10 - 18.

Поступила в редакцию 08.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Власов П.К.

Ганчук В.С.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

В статті досліджується процес інтеграції, який об'єднує співпрацівників організації заради досягнення її завдань. Продemonстрован прямий зв'язок інтеграції із ефективністю організації. Відмічена значна роль приєднання в інтеграційних процесах. Продemonстрован вплив особистості керівника на тип інтеграційного процесу.

В настоящей работе мы исследуем явление интеграции как важный показатель эффективности современной организации. Мы ставим себе цель исследовать структуру интеграции, факторы, влияющие на эту структуру и связи этой структуры с эффективностью.

За последние годы изменения в системе политического устройства нашей страны привели к смене способов управления экономическим поведением и к существенному изменению субъективного образа социально-экономического пространства. Детерминированная система управления уступила место недетерминированной. Это привело к возникновению новых социальных групп, новых принципов и норм существования. Появившиеся в последнее время новые социальные группы, конечно же имеют свои отличительные признаки. Кроме того, у них свои, отличающиеся от прежних, способы и каналы взаимодействия. Взаимодействуя между собой, они образуют социально-экономические организации как системы.

Недетерминированная система управления ведет, так же, к повышению сложности окружающей внешнеэкономической (по отношению к новым социально-экономическим организациям) среды. Очевидно, чем выше сложность внешней системы, тем выше должна быть внутренняя сложность самой организации. (Или, по крайней мере, внутренняя сложность должна соответствовать сложности среды).

Несмотря на разнообразие характера деятельности организаций, есть нечто объединяющее людей, которые в них работают. Мы полагаем, что это качество есть интеграция, объединяющая сотрудников организации для достижения ее целей. Причем, это объединение происходит не только (и не столько) на уровне прагматических целей, но и на уровне организационной идеи, философии, ценности и культурных норм.

Понятие интеграции (от лат. *integratio* - восполнение, восстановление; *integer* - целый) означает состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое и процесс ведущий к такому состоянию (11, с. 119). С точки зрения А.Д.Ковалева, социальная интеграция-понятие характеризующее совокупность процессов, благодаря которым происходит сцепление разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; формы поддержания социальными группами определенной устойчивости и равновесия общественных отношений; способность социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам, к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений затруднений, противоречий (11, с. 120).

Нам ближе определение интеграции данное М.Х.Мескон, М.Альберт и Ф.Хедоури, которые под интеграцией понимают процесс объединения усилий различных подсистем (подразделений) для достижения целей организации (7, с.685)

Чем выше сложность среды в которой (с которой) функционирует организация, тем, вероятно, организация должна быть более интегрирована. Это необходимо для более быстрого и качественного принятия решений. При высокой степени интегрированности гораздо меньше времени уходит на принятие решений, персонал чувствует себя более комфортно и более точно своими представлениями и прогнозами закрывает неопределенную область, принимая именно те решения, которые ведут к реализации целей организации. Чем более изменчива и неопределена среда тем показатель интеграции должен быть выше, иначе, в противном случае, эта организация имеет тенденцию распадаться, не выдерживая тех условий к которым она адаптируется.

Таким образом, ясно прослеживается связь такой организационно-психологической особенности как интеграция с эффективностью функционирования организации.

Интеграция организации происходит на основе организационной идеи или ее миссии. Миссия предприятия определяет цели и ценности, которые выражаются в культуре организации определяющей, в свою очередь, ее поведенческие нормы. Под организационными ценностями мы понимаем совокупность предметов, процессов и явлений, направленных на удовлетворение потребностей членов организации(9). На основе организационных ценностей формируются специфические для данного предприятия нормы традиции, формы поведения, способы взаимодействия. Все вместе это составляет организационную культуру. Культура предприятия может быть рассмотрена как одна из субкультур, в которой специфически выражены все основные элементы общественной культуры: представления, символы, ценности, образцы поведения, идеалы и т.д. Культура предприятия находится в прямой зависимости от фундаментальных идей и ценностей общества, на основе которых интегрируются индивиды и группы.

Таким образом, предприятие представляет собой сложную систему, состоящую из подсистем: технологической, административной, социальной и т.д.

Каждое предприятие создается для поставленной предпринимателем цели. Способ, которым осуществляется предпринимательская деятельность, придает организации индивидуальную окраску, персонифицирует ее.

Таким образом, организационную культуру можно охарактеризовать как специфическую для данной организации систему связей, действий и отношений, осуществляющихся в рамках конкретной предпринимательской деятельности, способа постановки и ведения дела (9).

Анализ причин эффективности успешных американских компаний, проведенный специалистами фирмы "МакКинси", показал, что способность предприятия создать ключевые ценности, которые объединяют усилия всех структур того или иного предприятия, является одним из источников процветания предприятий. Было установлено, что в успешных компаниях существует хорошо выраженная система руководящих убеждений. В компаниях, показатели которых далеки от идеала, либо нет системы непротиворечивых убеждений, либо имеются четкие цели, выраженные количественно: финансовые, показатели роста и т.д. Эти компании имеют худшие финансовые показатели, чем компании с менее точными, но качественными целями. В результате этого исследования были выделены следующие общие признаки образцовых компаний, несмотря на различия в ценностных установках:

- установки выделены в качественной форме, финансовые цели характеризуются неопределенностью и рассматриваются в контексте с другими вещами;

- стремление воодушевить людей на нижних уровнях;
- системы ценностей явно смещены от издержек к обслуживанию? от стабильности к нововведениям, от формального к неформальному и т.д.(8)

Формирование ключевых ценностей или принципов деятельности современного предприятия имеет своей главной целью создать в окружающей среде и в глазах сотрудников определенный образ, “кредо” предприятия. Этот образ не только создает имидж современной организации для взаимодействия с внешней средой, он, по сути, провозглашает миссию организации, ее оргидею и, следовательно, является той целью, вектором, который объединяет усилия каждого сотрудника. Очевидно, что наличие ясной, принимаемой всеми цели - необходимое условие эффективности группы (1,2,3,15,16). Цель является системообразующим фактором. На ее основе происходит интеграция сотрудников. Существуют экспериментальные данные, подтверждающие, что человек, хорошо понимающий общую цель и свой вклад в ее достижение, сильнее привязан к коллективу и открыт для взаимодействия с другими членами (2, с. 113). Поэтому понятно, что успешные предприятия выдвигают в первую очередь не связанные с прибылью цели.

Можно предположить, что такие цели больше отвечают личным целям персонала, они выглядят достойными и увлекательными по сравнению с трудом для достижения финансовых показателей.

Таким образом, ясно, что главнейшим условием интеграции организации, а значит и ее эффективности, является система ключевых ценностей или орг.идея, которая объединяет усилия всех сотрудников. Однако, организационная идея разделяется большинством членов организации только в том случае, если она способна удовлетворить их основные потребности.

Итак, сделаем вывод о том, что создание развитой системы ценностей, которые удовлетворяли бы потребности персонала, является для организации мощным рычагом в мотивации ее членов. Очевидна роль в этом руководителя. Как пишет Ли Якокка: “... менеджер добился многого, если оказался способным побудить к энергичной деятельности хотя бы одного человека” (14, с.66). Существуют экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что высокий мотивационный потенциал руководителя (т.е. его способность мотивировать работников к деятельности), является важным условием роста продуктивности коллектива при одновременном росте удовлетворенности сотрудников (4).

Таким образом, основная задача интеграции состоит в прояснении системы ценностей, наполнении ее реальным содержанием и тиражировании этих ценностей на сотрудников. В этом мы видим залог эффективного развития организации.

Как следует из приведенного выше обзора объединяющим фактором для организаций является организационная идея, что часто в специальной литературе называется миссией организации. Эта идея определяет целевую и ценностную ориентацию организации, которая вырабатывается в организационной культуре определяемой организационными нормами.

Экспериментальная часть.

Однако, проблема интеграции не исчерпывается только задачей определения организационной идеи. Интеграция включает в себя, кроме того, и процессуальную и системную составляющие. Для ее изучения необходимо определиться с ее структурой. Нам представляется оптимальным использовать модель В.Шутса представленную в методике Элемент J. "Качество рабочей жизни" QWL (13). Методика представляет собой опросник, описывающий отношения на "настоящей" работе и на работе, которую испытуемый считает для себя "идеальной". Испытуемым предлагается оценить по шкале от 0 до 9 степень присоединения, контроля, открытости, значительности, компетентности и эмоциональной привлекательности, проявляемой им по отношению к начальникам, коллегам, подчиненным, клиентам, а также степень проявления этих качеств представителями данных групп по отношению к испытуемому. Значение использованных в опроснике терминов следующее:

- присоединять(ся) - делать что либо вместе, разделять
- контролировать - нести ответственность, влиять
- открытый - искренний, говорящий о своих истинных чувствах
- значительный - важный, имеющий значение
- компетентный - способный, умеющий справиться
- нравиться - хорошо себя чувствовать с ..., получать удовольствие от общества.

Для нашего исследования такая структура представляет особый интерес, т.к. мы полагаем, что необходимо изучить подобный системокомплекс, объединяющий людей не только как субъектов профессиональной деятельности, но и как субъектов отношений в социально-экономическом пространстве организации.

Для достижения нашей цели (исследование процесса и структуры интеграции в организациях) нам пришлось модифицировать обработку методики QWL В.Шутса. Мы анализировали степень рассогласования испытуемыми указанных выше параметров. Для исследования были выбраны две абсолютно разные организации: небольшая коммерческая организация направленная на оказание услуг по дизайну и моделированию одежды и крупное производственное предприятие пищевой промышленности. Данные организации отличаются друг от

друга как по истории создания так и по количеству сотрудников, по роду деятельности, по сложности структуры и т.д.

Исследование первой организации (Салон модельеров) было проведено Бубновой А.В.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ.

Посредством экспериментального исследования мы стремились определить составляющие системокомплекса интеграции организации именно: определить как влияют особенности личности руководителя на интеграционные процессы в организации; выявить специфические отличия, связанные с различными сферами деятельности организационных структур; исследовать параметры наиболее сильно влияющие на интеграцию; верифицировать специфическое влияние на эффективность организации этих причин и, наконец, проследить взаимосвязь интегрированности организации и ее эффективности.

Деятельность первого предприятия - моделирование, изготовление и реализация одежды под заказ (в структуре предприятия имеется магазин-салон, где продается продукция предприятия и художественные изделия. Всего в организации работают 12 человек.

Прежде всего мы обратили внимание на высокие значения среднего квадратичного отклонения (2,8 - 3,39) при невысоких показателях средней оценки (5,2-6,2) по параметру "присоединение".

Это указывает на невыраженность данной нормы в группе. Руководитель организации дал среднюю оценку степени своего включения в деятельность организации - 5 баллов. Этот факт и нашел свое отражение в оценках по параметру "присоединение" у персонала.

По параметру "контроль" у сотрудников организации выявлено значительное расхождение с оценками руководителя. Руководитель оценивает одинаково высоко как степень своего контроля подчиненных, так и степень контроля со стороны подчиненных (8 бал.). Подчиненные же дали низкую оценку собственного контроля (ответственности, степени влияния на ...) руководителя - 3,7, при высоком показателе разброса оценок (дисперсия - 3,69) и высокую среднюю оценку контроля за ними руководителя - 7 при сравнительно небольшом разбросе данных (дисперсия 2.10).

Высокие показатели по параметру "открытость" руководителя (9) обусловили и среднюю высокую оценку сотрудниками по этому параметру их отношений с начальником со сравнительно небольшим отклонением. Однако, высокие показатели дисперсии оценок данного параметра по отношению к коллегам и по отношению к клиентам (от 2.55 до 3.35) свидетельствуют об отсутствии четко выраженной нормы "открытость" в организации.

Полученные данные по параметрам значительности, компетентности и эмоциональной оценки имеют тенденцию к большей согласованности, что свидетельствует о более четкой выраженности

этих факторов в организационной культуре как ценностей. Данные отразили тот факт, что в организации наиболее ценится квалификация и профессиональное мастерство. Вероятно по этому критерию и проводится подбор персонала.

Дополнительное обследование руководителя по методике определения направленности личности Смекайла и Кучера выявило его доминирующую направленность на себя. Это говорит о преобладании мотивов собственного благополучия, стремлении к личному первенству, престижу. Люди с такой направленностью чаще заняты собой, своими чувствами, переживаниями. Мало реагируют на потребности людей вокруг себя.

Таким образом экспериментальные данные по "Салону модельеров" свидетельствуют о существенном влиянии на интеграционные процессы в организации личностных особенностей руководителя. В частности невыраженность присоединения и высокая степень контроля со стороны руководителя не способствуют интеграционным процессам на предприятии, что выражается в высокой текучести кадров и неудовлетворенностью качеством рабочей жизни персонала, срыве сроков поставки, снижения норм качества*.

Объектом второй части нашего исследования является крупная производственная организация со сложной структурой, неявно выраженной иерархией и сложной деятельностью.

На этом предприятии выборку составили также 12 человек. Это были руководители всех основных подразделений и служб предприятия, а именно: все представители высшего руководства предприятия (администрация), начальники всех производственных цехов, отделов снабжения, сбыта, кадров и службы охраны. Проведение методики В.Шутса элемент J (с модифицированным вариантом обработки) было дополнено методикой "фотография рабочего дня" и интервью с руководителями.

В результате проведенного исследования были получены данные свидетельствующие о том, что в этой организационной структуре также слабо выражена норма присоединения (средние показатели (5.7-6.58) при высоком среднем квадратичном отклонении). Причем невыраженность данной нормы характерна как по отношению к руководству, так и по отношению к подчиненным, коллегам и клиентам. Особо следует отметить низкую среднюю оценку по параметру "Меня присоединяет начальник" (5.7) при сравнительно высоком значении среднего квадратичного отклонения (2.24). Это свидетельствует о слабой включенности персонала в деятельность организации и о слабой иерархизированности структуры.

* Эти данные получены посредством исследования документации, структурированного интервью клиентов и руководителей организации.

По всем остальным параметрам (контроль, открытость, значительность и эмоциональное содержание) наблюдались высокие показатели, свидетельствующие о выраженности этих норм в организации.

Данные фотографии рабочего дня и интервью с руководителями свидетельствуют о том, что у исследуемой организации есть существенные проблемы связанные с эффективностью, которые приводят к слабому включению в деятельность организации, к потери информации, слабому включению клиентов в деятельность предприятия и т.д.

Это выражается в дублировании функций подчиненных; выполнении несвойственных должностных функций (вплоть до выполнения функций других подразделений организации), неудовлетворительной организации работы с клиентами, отсутствии четко спланированного контроля за поставками сырья и т.п.

Как следует из приведенных данных обе организации имеют весьма невыраженные показатели по параметру "присоединение".

Присоединение имеет отношение к объединению людей, принадлежности, включенности, т.е. степень присоединения отражает степень интегрированности. Отсутствие включенности как ценности влечет за собой ряд последствий:

- отсутствует приверженность идеи организации, т.е. персонал "использует" предприятие для реализации своих целей (например, материального обеспечения), не включаясь в выполнение целей организации, что может приводить (и приводит) к повышенной текучести кадров в случае изменения внешних условий, к снижению качества и срывов сроков выполняемой работы и т.д.;
- затруднен обмен информацией, информационный поток направлен только по вертикали, соответственно нет координации усилий между сотрудниками, обмена профессиональным опытом;
- усложняется процесс адаптации новых сотрудников.

Проблемы присоединения связаны с ощущением собственной значимости. При низкой самооценке и желании повысить свою значимость, человек либо отстраняется от людей, либо стремится обратить на себя внимание "всеми способами". При этом, как считает В.Шутс (13), стремление сохранять дистанцию связано со страхом быть проигнорированным, так же как и стремление быть замеченным.

Мы можем сделать предположение о том, что невыраженность нормы присоединения является следствием сложной структуры деятельности предприятия в которой результат обратной социально-экономической связи не влияет на деятельность персонала.

Фактически исследуемые организационные структуры дезинтегрированы, т.к. в них существующие организационные цели, философия не связаны с функциональной целью организации. Таким образом, организации представляют скорее группы людей, которые пытаются стохастически определить некоторые их фрагменты. Такое положение дел можно объяснить тем, что эти организации удерживает не общая цель, а, вероятнее всего:

1. Монопольное положение на рынке.
2. Исторически сложившиеся традиции, деятельность, нормы и т.д.;
3. Производственный процесс как цель деятельности;
4. Удовлетворение личного материального интереса;

В настоящий момент эти организации теряют рынок сбыта, фактически не в состоянии обеспечить ассортимент и качество выпускаемой продукции.

Нестабильность (дезинтеграция) вступает в противоречия с требованиями стабильности, прогностичности и непрерывности технологического процесса, которые предъявляет внешнее социально-экономическое окружение.

Сравнивая систему интеграции этих двух непохожих организаций сделаем основные выводы.

Во-первых, интеграция организации, как организационно-психологическая составляющая эффективности, связана с моделью включения организации в социально-экономическое пространство, т.к. неискаженная обратная связь Среды стимулирует организацию к усложнению системы целей, структуры управления, деятельности и т.д. А это, в свою очередь, приводит к большему весу интеграции в эффективности (большей интеграции) в таких предприятиях, по отношению к предприятиям "монополистам". "Монополизм" фактически является заменителем интеграционных процессов и компенсирует недостаточность, например, организационной идеи.

Во-вторых, существенным влиянием на интеграцию обладают система личностных ценностей руководителя реально определяя ценности организации, систему интеграции и трудности при адаптации предприятия к изменчивым и неопределенным условиям рынка.

Заключение.

В результате экспериментального исследования нами были получены следующие результаты:

- методика QWL позволяет исследовать организационно-психологическую составляющую эффективности организации как систему;
- обнаружена прямая связь степени интеграции организации с эффективностью ее деятельности;

- обнаружена, что уровень интеграции организации зависит от сложности ее деятельности и структуры;
- в организациях с объективированной обратной связью включенным в социально-экономическое пространство существенное влияние на интеграционные процессы оказывает руководитель организации в отличие от крупных и сложноорганизованных предприятий;
- выявлен важный фактор играющий значительную роль в процессах интеграции. Это параметр "присоединение".

Настоящее исследование не исчерпывает всех возможных проявлений системы интеграции организации, а обозначает основные направления исследования. Мы считаем целесообразным и перспективным продолжение исследований такой важной организационно-психологической особенности организаций как интеграция в современных условиях.

Литература.

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
2. Дицель П.М., Рамьян В.М. Поведение человека в организации. М., 1993
3. Иванцевич Дж., Лобанов А.А. Человеческие ресурсы управления. М., 1993
4. Кривчевский Р.Л. Дубовская Е.М. Психология малой группы. М., 1991.
5. Леонтьев О.А. Развитие идеи самоактуализации в работах А.Маслоу // Вопросы психологии. 1987, №3.
6. Макаров С.Ф. Менеджер за работой. М., 1989.
7. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1995.
8. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М., 1986.
9. Радугин А.А., Радугин К.А. Введение в менеджмент : социология организаций и управления. Воронеж, 1995.
10. Роджерс Ф. ИБМ. Взгляд изнутри: Человек. Фирма, Маркетинг. М., 1990.
11. Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.
12. Херцберг Ф., Майнер М. Побуждения к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990, № 1.
13. Шутс В. Глубокая простота. Спб, 1993.
14. Якокка Л. Карьера менеджера. Тольятти, 1995.
15. Katz D., Kahu R. The social psychology of organizations. NY, 1978.

16. Krech D., Crutchfield R., Ballachey E. Individual in society. University of California, 1962.
17. Organizational behaviour / Organ. Texas University, 1986/

Поступила в редакцію 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Гулий Ю.І.

ТИПОЛОГІЧНИЙ ОПИС РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ДВОМОВНОСТІ.

Стаття присвячена типологічному опису російсько-українського білінгвізму за допомогою його комплексного психологічного виміру. Цей вимір дозволив виявити особливості репродуктивного, змішаного та опосередкованого типів білінгвізму в ситуації російсько-української двомовності у м. Харкові.

В існуючій психологічній типології білінгвізму можна виділити три основних критерії, за допомогою яких, на наш погляд, адекватно описується російсько-українська двомовність (за матеріалами - [1, с.22-28]):

I. Критерій "кількість дій, які виконуються на основі даного вміння" ("говорящий-слушающий"). Виділяється три типи білінгвізму: рецептивний - вміння розуміти "мовний твір", який належить вторинній мовній системі; репродуктивний - вміння відтворювати, цитувати у голос те, що білінгв прочитав або почув за допомогою другої мови; продуктивний - вміння породжувати "мовний твір", забезпечувати комунікацію другою мовою, тощо. Додамо, що синонім рецептивного типу - пасивний, репродуктивного - відтворюючий ("воспроизводящий"). Продуктивний тип характеризується також поміркованістю ("осмысленностью") мовлення, вмінням побудувати відповідно ситуації мовлення другою мовою, забезпечуючи при цьому взаємопорозуміння. Безумовно, що рецептивний та репродуктивний типи більш "зв'язані" з можливостями пам'яті, а продуктивний - мислення.

II. Критерій "співвіднесеність двох мовних механізмів між собою". Існує дві класифікації білінгвізму за цим критерієм:

1. Мовні механізми, які забезпечують породження мовлення та послідовно належать двом мовам з одного боку - не залежать один від одного (чистий тип), а з другого - можуть бути зв'язані між собою постійним зв'язком (змішаний тип) (Щерба Л.В. та ін.).
2. На утворення різних типів зв'язку між двома механізмами породження мовлення впливає спосіб вивчення другої мови.

Якщо той, хто вивчає другу мову в окремій мовній ситуації використовує цю мову, а, наприклад, вдома - першу мову, то мовні механізми не зв'язані (чистий тип). Змішаний тип - якщо в одній і тій же ситуації з комунікативною метою використовуються дві мови. Спостерігається, коли різномовні народи живуть на одній території (Ервін С. та Осгуд Ч.).

III. Критерій "спосіб зв'язку мовлення кожною з двох мов із мисленням" (Беляев Б.В.):

- 1) Безпосередній білінгвізм - перша та друга мови пов'язані з думкою безпосередньо (підсвідомо - інтуїтивне практичне володіння);
- 2) Опосередкований - думки, які виражаються першою мовою кодуються та декодуються за допомогою другої мови (кової системи) для позначення виразних модальностей рідної мови. Тобто вторинні мовні вміння зв'язані з мисленням опосередковано (через первинні).

Треба відзначити, що більшість існуючих психологічних типів білінгвізму виділяється лише на основі зовнішньої фіксації певних характеристик мовної поведінки білінгва. Тому для більшості експериментальної обґрунтованості виділення типологічних "рис" білінгвізму необхідно, на наш погляд, опиратися як на можливості існуючої психологічної типології, так і на дані комплексного психологічного виміру двомовності. Такий вимір був здійснений нами в умовах ситуації російсько-українського білінгвізму у м. Харкові. Вимір проводився на засадах системного підходу до вивчення психологічних явищ (Ломов Б.Ф., Юдін Е.Г.) і був спрямований на виявлення індивідуальних особливостей носія двох мов (білінгва) на трьох рівнях його психічної активності (мнемонічному, інтелектуальному та індивідуального мовного досвіду). Детальне викладення результатів нашого виміру серед білінгвів-мешканців Харкова - див. [2]. В свою чергу, узагальнення цих результатів дозволило виявити наступні типологічні особливості російсько-українського білінгвізму:

1. У білінгвів сформовані вміння відтворювати та цитувати український вербальний матеріал. Але існуючі мовні вміння не дозволяють білінгву вільно "міркувати" українською мовою (схоже - репродуктивний білінгвізм за критерієм "кількість дій, які виконуються на основі даного вміння").
2. За критерієм "співвіднесеність двох мовних механізмів між собою" виявляється, що мовні механізми породження мовлення при російсько-українському білінгвізмі постійно зв'язані та мовець може у схожих ситуаціях з комунікативною метою використовувати обидві мови. Отже визначаються особливості, аналогічні змішаному типу білінгвізму. Даний тип є цілком природним для ситуації

російсько-українського білінгвізму у м. Харкові, оскільки існує давня взаємодія близькостпоріднених мов на одній території.

3. За критерієм "спосіб зв'язку мовлення кожною з двох мов із мисленням" виявлено, що цей зв'язок носить опосередкований характер, тобто вміння "міркувати" українською опосередковані більш сформованими вміннями логічно оперувати російськими словами.

Зауважимо, що коректніше говорити тільки про штучний характер одержаних в результаті відповідного вимірювання даних типологічного опису білінгвізму. Хоча, вірогідність цих даних підтверджується статистичним аналізом результатів виміру, тобто робиться більш об'єктивне, спрямоване на виявлення індивідуальних особливостей білінгва в конкретних регіональних умовах "типологічне" дослідження двомовності. Наш типологічний опис білінгвізму стосується тільки вибірових даних виміру, які, в свою чергу, можуть певною мірою проектуватись на сучасну ситуацію російсько-української двомовності у м. Харкові.

Таким чином, для здійснення більш об'єктивного типологічного опису російсько-української двомовності необхідне його експериментальне обґрунтування, тобто зіставлення результатів комплексного психологічного виміру білінгвізму з існуючими типологічними класифікаціями. Це дозволить не тільки робити теоретичні узагальнення при моделюванні типів білінгвізму, але й здійснювати їх експериментальну перевірку та відповідний типологічний опис за допомогою психодіагностичних засобів виміру.

ЛІТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). -М.: Изд-во МГУ, 1969. -160с.
2. Гулий Ю.І. Специфіка психологічного підходу до виміру російсько-української двомовності //Вестник ХГУ. - 1997. - №391. -С.10-13.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

*Дворцевая Н.Г.
Лукашнюк И.Н.*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ БЫТИЙНОСТИ.

Розглядаються засоби презентації категорії буття з позиції логіки та психолінгвістики. При використанні

Изучение природы функциональных эквивалентов (среди основных частей речи) предполагает установление, прежде всего, их общих семантических и логических характеристик.

При исследовании принципов структурирования ФСП (функционально-семантического поля) синтаксической категории основное внимание уделяется логико-семантическим отношениям его конstituентов.

Рассмотрим, в качестве примера, признаковые свойства элементов, формирующих ФСП бытийности во французском языке.

Конституентом поля могут являться лишь те элементы языковой системы, которые имеют оптимальные формы выражения идеи бытия и способны номинировать ситуацию, актуализировать объект, его признак и область бытия.

Такими качествами обладают центральные единицы морфологической системы языка ГЛАГОЛ и ИМЯ, выполняющие идентичную функцию на синтагматическом уровне.

Глаголы существования логического и качественно-логического значения морфологически выражают предикативность - основное свойство предложение; имя существования (имя - пропозитив) своей (субстантивной) формой выражает предикат бытия.

В соответствии со степенью выраженности основных грамматических категорий распределяются конституенты поля бытийности.

Центральная зона представлена доминантными конституентами, а периферийная - недоминантными.

Центр занимают:

- экзистенциальные и неакциональные глаголы двусоставных предложений и безличные конструкции (*être*(быть), *il y a*(иметься), *il existe*(существует));
- статальные глаголы, выражающие состояние внешней среды, погоды (*il fait beau* - хорошая погода, *il pleut* - идет дождь, *il gele* - морозно);
- глаголы перцепции (*voir, remarquer, apercevoir, distinguer*)
- глаголы *devenir, apparaître* со специфическими условиями реализации семы существования (2).

При отдалении от центра наблюдается качественное изменение признаков конституентов, изменяется степень их грамматизации и появляются другие признаки и средства: интонация (просодическое средство) и модальное значение контекста, то есть включаются элементы речевой системы. Поэтому в переходной зоне от центра к периферии расположены недоминантные конституенты, - имена;

- абстрактные, в основе которых лежит образная форма - представление; эти имена семантически близки глагольному типу и способны выражать значения событийности, процессуальности, результативности (3): action - действие, le travail - работа, le soutien - поддержка, la distribution - распределение, l'événement - событие, le chômage - безработица, l'inflation - инфляция, la manifestation - демонстрация, le début - начало, le commencement - начало, la fin - конец и т.д.

Событийные и фактуальные имена различаются по признаку реальность - представление. Факт является суждением, которые индуцируется событием: le fait - факт, l'affaire - дело, l'activité - деятельность. Факт в отличие от события характеризуется психологическими и логическими параметрами (4). В связи с этим функции событийных имен соответствует соотносимым с ними референтам: событию, факту и пропозиции - гипотетическому суждению.

В микрозоне абстрактных имен возможны контекстуальные семные смещения доминантной семы в пользу периферийной. В таких случаях семантические границы между событийными и акциональными именами стираются.

В основе абстрактных имен лежат аспектуальные характеристики этапов действия, которые выражаются традиционно глагольными формами.

В основе имен конкретно-предметного значения лежит логическая форма мышления - понятие, высший уровень обобщения основных признаков объекта. Имена с семой "предметность" или "субстанция" образует перифирийную зону поля бытийности (5).

Схематически ФСП бытийности представляются следующим образом:

В пределах поля имена-пропозитивы имеют двойную номинацию: семы "бытие + признак объекта". Их постоянным признаком можно

считать субстантивную форму выражения предиката суждения о бытии и признаке ситуации.

В функционально-семантическом плане имя-пропозитив и глагольные предложения выражают одну пропозицию и являются речевыми эквивалентами в рамках ФСП бытийности.

Следует отметить, что рассмотрение логических и семантических связей между конstituентами поля бытийности позволяет обучающему в доступной форме раскрыть значение категории бытия, активизировать мыслительный процесс учащихся, способствует более глубокому пониманию природы некоторых психолингвистических явлений и, в конечном счете, их лучшему усвоению.

Используемая литература:

1. Бондарчук Л.Г. Семантико-синтаксическая организация бытийных предложений в современном французском языке. Диссерт. ... канд. филол. наук, - Минск, 1987 - с. 43, - 136 с.
2. Wagner R.L., Pinchon I. Grammaire du francais classic et moderne. - P.; Hachette, 1962, p. 312, - 640 p.
3. Picabia L. Langue francaise: Determinants et determinations. - p.: L.Larousse. - p.33. p. 3-38.
4. Данилевич А.В. Номинативная и текстообразующая функция событийных имен в современном французском языке. Автореф. канд. дис. филол. наук. - Минск: 1984, - с.13, - 21с.
5. Дворцевая Н.Г. Диссерт. канд. филол. наук, - Киев, 1993. - с. 35-36, - 142 с.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Загайкевич С.В.

О ДВУХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ КРИЗИСНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В статті розглядаються два напрямки психології, які мають традиції теоретичного осмислення та імперичних досліджень життєвих криз: об'єктний та суб'єктний. Також розглядається новий підхід до проблеми виходу з кризи, який полягає в побудові нової суб'єктивної реальності.

Современное состояние общества, перемены, происходящие в нашей стране /и в мире в целом/ предъявляют новые требования к человеку как активному участнику социально-экономических отношений, для реализации которых необходима не просто энергия в

претворении их, но и умение отвечать за сделанное, за то, что еще предстоит. Однако в наше время все большее число людей считает, что находится в безнадежной, тупиковой ситуации и реагирует на нее беспомощностью, неспособностью противостоять травмирующим обстоятельствам.

Выделяются два направления, имеющие традиции теоретического осмысления и эмпирических исследований проблем жизненных кризисов. Одно из них раскрывает особенности жизненного пути с точки зрения объективных условий жизни индивида : объясняет детерминирование жизнеосуществления человека со стороны внешних источников развития. Примером подобных представлений могут послужить выводы психологов Боннского круга : конкретно-исторические условия существования определяют переживания и способы решения жизненных проблем (Анцыферова В.П., 1995г.).

Теоретической основой данного направления психологии жизненного пути стали идеи К.Левина о психологическом единстве человека и окружающего его мира. Внимание внешним обстоятельствам, стрессогенным факторам в своих работах уделяют Линдеман (1994г.), Каплан (1963г.), Хофф (1978г.). Они рассматривают человека как субъект переживаний кризиса. В этих работах осуществлена попытка выделить основные стрессогенные ситуации в жизни человека. Так доктор Т.Холмс с коллегами в 1970 году построил шкалу LCU (Жизнь изменяет ваши потребности), в которой стрессогенные ситуации расположены в порядке убывания в такой последовательности : смерть супруга, развод, травма от оскорбления, женитьба или замужество, увольнение с работы, ухудшение состояния здоровья и т.д. (Р. Zimbardo , 1975г., стр.370).

В последние годы были описаны основные стрессогенные ситуации в трудовой деятельности. К ним стали относить ролевую неопределенность, ролевую перегрузку и недогрузку, ролевой конфликт, трудное начальство, использование умений и способностей не в полной мере.

Активное становление этого направления происходило в Америке конца 60-ых -70-ых годов, когда после репатриации военнопленных из Вьетнама встала задача возвращения их к нормальной гражданской жизни Bruno Betterhame(1960), Nardini (1962), Schein(1957) впервые описали "синдром отверженных", проявляющийся в потере надежды освободиться из плена когда либо. Страдания от постоянного запугивания и унижений, потери самоуважения, ежедневной неопределенности существования, социально-психологической изоляции привели к тому, что эти люди становились подобными зомби - их называли "ходячими трупами". Был сделан вывод о том, что в безнадежной ситуации люди становятся беспомощными. Тогда же были поставлены первые эксперименты по изучению синдрома

"сформированной беспомощности", которые позволили сформулировать основные терапевтические приемы предупреждения и лечения "беспомощности" : иммунизация, антиципация и ретроактивная терапия. В 1963 году в Америке в результате проведенных исследований стало возможным открытие первых центров психического здоровья - так называемых кризисных центров.

Традиции теоретических изысканий отечественных психологов обусловили и иное объяснение источников жизненных кризисов. Вслед за С.Л.Рубинштейном, К.А.Абульхановой-Славской, Ф.Василюк(1984г.), Т.Б.Карцева (1989г.), А.А.Кроник (1994г.), Л.И.Анцыферова (1995г.) и другие считают, что в развитии человека ведущая организующая роль принадлежит активности самого : внешнее преломляется через внутреннее - жизнеосуществление происходит с точки зрения самодетерминации, самоосуществления.

Такой подход рассматривает человека как субъекта своей жизни, предполагает сознательное устройство человеком своей жизни. В самосознании человека могут быть представлены как внешние так и внутренние источники развития. Формой же такого отражения является субъективная картина жизненного пути (А.А.Кроник, 1994г.). В этой картине отражается мера различных источников развития в жизнеосуществлении человека с точки зрения самого человека. Степень полноты и адекватности отражения этих источников, возможно, является мерой обладания субъектным потенциалом в жизнеосуществлении. Картина жизненного пути, отражая эти источники, служит ориентиром в жизни человека, выполняя регулятивную функцию.

В логике этих рассуждений находятся и представления о возможных путях или способах выхода из ситуации жизненного кризиса. Исходя из положений о том, что человек - пассивный субъект переживания кризиса, возникли представления о том, что возможные стратегии преодоления это только пассивные, деструктивные - уход от действительности, "бегство" в мир грез : алкоголизация, наркомания, депрессия. В рамках этих представлений человек только посредством помощи со стороны может пережить кризис, вновь обрести душевное равновесие, смысл жизни.

То психологическое направление, которое рассматривает человека с точки зрения активного субъекта допускает, что моменты переживания трагичности жизни - это и моменты синтеза личности, когда объединяются разум (в понимании противоречия), воля (в усилиях не воспользоваться различными способами "ухода" из ситуации) и чувства (в самом переживании).

"Неразрешимые" ситуации несмотря, а точнее, именно из-за своей труднопереносимости и мучительности переживаний, оказываются подлинным богатством личности и средством ее развития.

Отказ от немедленного лишь когнитивного ("а что оставалось делать..."), либо лишь эмоционального (агрессия на других или себя), либо лишь волевого ("все в жизни зависит только от моих усилий...") решения - предотвращает наступление момента раздельного функционирования воли, ума, чувств, а целостный человек сам становится "ответом". Он даже не развивается, а именно изменяется, то есть преодолевает линейный и во многом предсказуемый путь развития, а обретает иные качества, иногда непредсказуемые (М.И.Воловикова,1993г.).

Таким образом в рамках данного психологического направления допускается возможность активного конструктивного выхода из кризисной жизненной ситуации, когда сама эта ситуация становится источником дальнейшего развития человека, он постигает новое "смысловое соответствие сознания и бытия" (Ф.Е.Василук, 1984г.) .

В определении источников жизненного кризиса, на наш взгляд, нельзя сказать однозначно, что причины проблем заключаются в трудных жизненных обстоятельствах или же исключительно в особенностях самого человека. Причинами кризиса могут быть одновременно первое и второе. Главное, на наш взгляд, заключается в исследовании меры "вклада" самого человека в "провоцирование" жизненного кризиса и меры жизненных обстоятельств. Другими словами, каким образом внешнее, преломляясь через внутренний мир человека, определяет его жизненный путь.

Человек на протяжении жизни строит, преобразует, достраивает глубоко личностную теорию мира, включая и самоконцепцию. Весь опыт жизни, а также предвосхищаемое будущее закрепляется в минитеориях в виде систем значений и значимостей, убеждений и ценностей. Люди мотивированы верить в справедливый и упорядоченный мир, в котором они получают то, что заслужили, в то, что плохие вещи не случаются с хорошими людьми. Воздействие травмирующего события становится для них разрушительным.

Субъект сам в силах изменить свою индивидуальную теорию, сделать ее более рационалистичной - в этот момент он учится антиципировать и предотвращать трудности. Таким образом, в настоящее время формируется новый подход в решении проблемы выхода личности из ситуации жизненного кризиса - от когнитивно-поведенческой парадигмы к теории построения новой внутренней субъективной реальности.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. ,Мысль,1991.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизнен ных ситуациях. Психологический журнал, N 1, 1995.
3. Ахмеров Р.А. Биографические кризисы личности. Авт. дис.канд.псих.н.,ИПРАН,1994.

4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. МГУ, 1984.
5. Воловикова М.И. О едва заметных различиях, в сб. Психология личности в условиях социальных изменений. М.,ИПРАН,1993.
6. Карцева Т.Б. Изменения образа Я в ситуациях жизненных перемен. Автореф.дис.канд.псих.н., М.,1989.
7. Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути. Авт.дис.док.псих.н.,М.,1994.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. Проблемы общей психологии, М.,1973.
9. Zimbardo Phillip. Psychology and life. Illinois, 1975.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Заика Е.В.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ ИЗВЛЕКАТЬ И ПЕРЕРАБАТЫВАТЬ СКРЫТУЮ ИНФОРМАЦИЮ.

Описано дев'ять вправ з графічним та вербальним матеріалом. Розраховані на школярів та студентів.

Одно из сложнейших свойств развитого мышления - способность быстро находить и перерабатывать так называемую скрытую, неявную, не лежащую на поверхности, не отчетливо представленную информацию. Чтобы было ясно, о чем идет речь, заметим, что информация (сведения) может быть представлена человеку в двух видах; 1) в явном: дана четко, конкретно, специально выделена, преподнесена. Например, фраза: "В любом ромбе диагонали пересекаются под прямым углом" — содержит четкую, явную информацию о свойстве диагоналей ромба образовывать угол, равный 90°; а фраза: "И вот теперь он и она даже не узнали друг друга" -дает нам отчетливое сообщение о конкретном событии: два человека друг друга не узнали; 2) однако информация может содержаться и в неявном виде, будучи специально не выделенной, не акцентированной, но все же представленной в сообщении в виде намека, подтекста, возможности сформулировать некоторые выводы или предположения. Так, в приведенной выше фразе о ромбах косвенно содержится информация о том, что и во всех квадратах диагонали также пересекаются под прямым углом, однако, что касается всех четырехугольников и прямоугольников общего вида, то об этом здесь ничего не говорится; нельзя узнать из этой фразы о том, под каким углом диагонали пересекаются в них; далее, во фразе о том, что два

человека друг друга не узнали, содержится также скрытая информация о том, что он и она прежде были знакомы и, вероятно, знакомы очень близко; что после предыдущей их встречи прошло много времени, что они, скорее всего, очень изменились и накануне совершенно не думали друг о друге и т.п.

В отличие от явной информации, которую следует только понять (выделять ее не надо, она выделена и так), скрытую информацию следует специально искать, выделять, формулировать и оценивать на предмет ее достоверности. Эта процедура предполагает наличие у человека сложной мыслительной способности; без быстрого, гибкого, глубокого проникновения в содержание материала такое вычленение невозможно, и человек неизбежно вынужден будет ограничиваться усвоением лишь явной, поверхностной информации, чего совершенно недостаточно для понимания сути многих явлений и текстовых сообщений.

Заметим, что эта специальная мыслительная способность - извлекать и перерабатывать скрытую информацию - у человека целенаправленно не формируется нигде: ни в школе, ни дома; в результате человек не умеет выделять неявную информацию только потому, что его этому не научили.

В основе описываемой способности лежит целый ряд относительно элементарных операций мышления и воображения: расчленение целостного явления (предмета, ситуации) на отдельные элементы (части, свойства); сопоставление каждого элемента с каждым из других; изоляция каждого элемента от каждого из других; поиск многообразных связей между элементами; привлечение всей содержащейся в памяти информации, а также более широкого смыслового контекста для осмысления имеющейся информации; повышенное внимание к каждому элементу или слову с целью извлечения из них максимально возможного объема информации; умение четко разделять свои догадки и предположения на три группы: а) обоснованные, достоверные; б) вероятные, скорее всего правильные, хотя и не абсолютно достоверные; в) лишь гипотезы, один из нескольких возможных вариантов.

Необходимость в быстром, четком извлечении достоверной скрытой информации обнаруживается повсеместно: и в обучении (при понимании и усвоении сложного учебного материала по любому предмету, при анализе и решении задач по алгебре, геометрии, физике, химии), и в научно-техническом творчестве (при создании и открытии нового, что зачастую опирается на умение выделить и использовать неявную информацию), и в повседневной жизни (умение понять другого человека и вникнуть в смысл сказанных им слов, умение глубоко проникать в смысл прочитанного, увиденного и т.п.)

Приводимые ниже упражнения направлены на формирование и "шлифовку" ряда важнейших мыслительных операций, лежащих в основе способности навлекать и перерабатывать скрытую информацию. Упражнения развивают эту способность применительно к образному (геометрическому), числовому и словесному материалу.

Упражнения следует выполнять в группе из 5-10 человек в форме соревнования, с обязательным последующим обсуждением и анализом ответов, благодаря чему достигается максимальная полнота выделения неявной информации, ее тщательная проверка на достоверность, а также обеспечивается возможность каждому игроку познакомиться с подходами и стратегиями, применяемыми другими игроками и за счет этого существенно расширить свой собственный мыслительный диапазон.

Поиск геометрических фигур. Предлагается геометрическая фигура средней сложности, составленная из 7-10 отрезков прямой, наподобие изображенной на рис.1. Самые маленькие (непересекающиеся) ее части пронумерованы. Требуется за ограниченное время (например, за 4 мин) найти и записать на листке как можно больше основных геометрических фигур¹ (треугольник, квадрат, прямоугольник, ромб, трапеция), образованных пересечениями линий внутри предьявленной сложной фигуры.

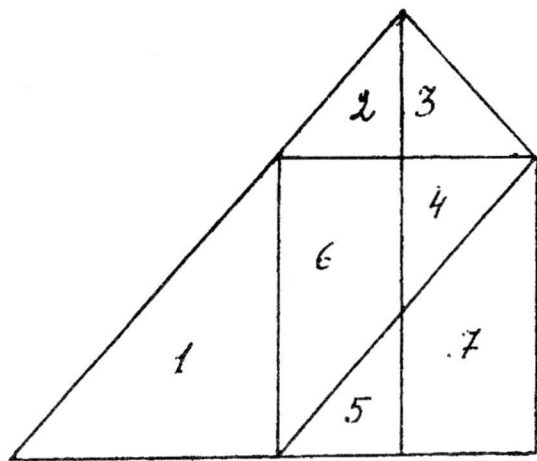

Рис. 1.

¹Упражнение составлено на основе методики И.С.Якиманской (см. ее книгу "развитие пространственного мышления школьников". М., 1980)

Так, например, в нашем случае можно вычлени́ть ряд треугольников; маленьких; 1,2,3,4 и 5, и большего размера; 1265, 23, 34, 57 и 46; один квадрат; 6457; два прямоугольника; 65 и 47; два ромба; 26 и 164; ряд трапеций; маленьких; 6, 7 и большего размера; 562, 165, 16547, 16423 и 2364. Побеждает тот, кто правильно выделит наибольшее количество таких фигур.

Упражнение развивает способность тщательно анализировать визуальные изображения, правильно осуществляя как их анализ (расчленение на отдельные элементы), так и их синтез (составление сложных конструкций из отдельных элементов), а также точно выполнять операции абстрагирования (отвлечения от одних элементов фигуры при осмыслении других). Отмеченные мыслительные операции лежат в основе понимания любого сложного предмета или явления.

Поиск спрятанных букв. Предъявляется сложный осмысленный (изображающий предметы, пейзаж) или бессмысленный (нагромождение пересекающихся линий) рисунок, наподобие рис.2. Надо внимательно рассмотреть все детали рисунка за ограниченное время (например, за 2 мин), выделить как можно больше букв, составленных изгибами и пересечениями его линий. Участники игры заранее договариваются о том, будут ли они учитывать буквы только русские, или еще и латинские или греческие; будут ли они учитывать только буквы в обычном вертикальном расположении или еще и перевернутые в плоскости листа и зеркально отраженные. Побеждает тот, кто за короткое время сумеет правильно выделить максимальное количество скрытых букв. Так, в приведенном примере содержится по две буквы С и Г и по одной К,Х и Л в вертикальной позиции (см.рис.3).

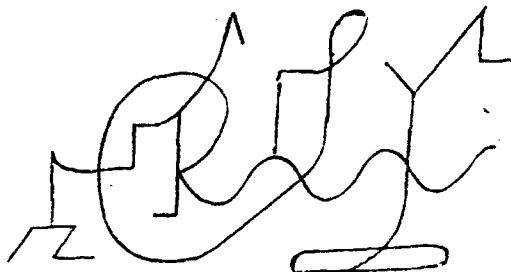

Рис. 2.

Рис. 3.

Это упражнение развивает способности тщательно анализировать отдельные мелкие детали чего-либо, отвлекаясь от целостной картины, быстро узнавать знакомые элементы в сложной незнакомой конструкции, быстро переключаться с одного элемента на другой.

Поиск признаков, общих для двух цифровых рядов.
Предъявляются два ряда из 7-10 цифр, например:

8 2 6 5 7 2 3

7 4 3 6 8 4 3

Тщательно проанализировав их, нужно выписать как можно больше их общих признаков, как явных, бросающихся в глаза, так и скрытых, вычленяемых лишь в процессе ряда арифметических операций (которые разрешается выполнять только во внутреннем плане действия, без использования записей для вычислений). Так, для приведенных двух рядов могут быть отмечены, например, следующие общие признаки; 1) оба ряда оканчиваются тройкой; 2) на втором и предпоследнем местах находятся одинаковые цифры (двойка в первом и четверки во втором); 3) сумма первой и четвертой цифры в обоих рядах равны ($8+5=7+6$); 4) то же в отношении суммы первой и пятой цифр ($8+7=7+8$); 5) вторая и третья цифры в сумме составляют первую ($2+6=8$, $4+3=7$); 6) после семерки через одну цифру следует тройка; 7) суммы цифр, стоящих на втором, третьем и четвертом местах, равны ($2+6+5=4+3+6$); 8) то же и в отношении суммы цифр, стоящих на втором, третьем, четвертом и последнем местах ($2+6+5+3=4+3+6+3$) и т.д. Побеждает тот, кто за короткое время правильно укажет наибольшее число таких и им подобных признаков.

Это упражнение формирует умение быстро вычленить скрытую, не бросающуюся в глаза информацию, оперируя с неявными, нечеткими признаками, и при этом быстро переходить от одних признаков к другим. Развивается также и внутренний план действий, в котором формулируются и проверяются различные гипотезы об общих признаках и осуществляются арифметические операции.

Поиск закономерностей появления числа. Предлагается ряд из трех чисел (все в пределах первых трех десятков), например: 8 14 12.

Сообщается, что третье число здесь выведено из первых двух по некоторой, возможно, достаточно хитрой закономерности. Предлагается отыскать как можно больше разнообразных закономерностей выведения третьего числа, проанализировав для этого все возможные между ними соотношения.

В нашем примере это могут быть следующие закономерности; 1) считаем разность между первым и вторым; $14-8=6$ и ее умножаем на 2, вот и получается третье число; 2) считаем сумму первого со вторым; $8+14=22$ и вычитаем десять; 3) ту же сумму делим на 2; $22:2=11$ и прибавляем единицу; 4) из первого и второго числа вычитаем по 5; $8-5=3$, $14-5=8$, и находим сумму этих разностей; 5) первое и второе числа делим на два; $8:2=4$, $14:2=7$ и находим сумму этих частных, увеличив ее на единицу; 6) после деления первых чисел на два находим их разность: $7-4=3$ и умножаем эту разность на первое частное; 4; 7) находим произведение первых двух чисел; $8 \times 14 = 112$ и уменьшаем его на сто; 8) второе число уменьшаем вдвое; $14:2=7$, далее смотрим, какое число предшествует ему в натуральном ряду - это 6, его, соответственно, увеличиваем вдвое и др.

Это упражнение формирует умение всесторонне анализировать имеющуюся информацию, смело выдвигая разнообразные гипотезы о соотношениях между ее элементами, и сразу же тщательно их проверять и, в случае необходимости, уточнять. Развивается также способность быстро переходить от одного принципа анализа к другому, совершенно отличному от предыдущего, не закливаясь ни на одном из них.

Выделение закономерностей, общих для совокупности последовательностей². Предъявляется 4-6 рядов, составленных из знаков "крестик" и "нолик", всего 6-8 в ряду (рис.4). Надо тщательно проанализировать всю совокупность этих рядов как единое целое и попытаться вычлениить общие закономерности, характеризующие каждый из этих рядов и их серию в целом. Следует прежде всего выделить строгие закономерности, соблюдающиеся на всем предложенном множестве рядов без каких-либо исключений. Так, для приведенного примера могут быть записаны следующие общие закономерности; 1) в каждом ряду есть серия из трех кружков подряд, 2) на первом и третьем местах всегда находятся одинаковые элементы; 3) на предпоследнем месте всегда нолик; 4) в каждом ряду число ноликов больше, чем крестиков; 5) нолики никогда не идут парами, бывают лишь по 1 или 3; 6) крестики не бывают тройками, лишь по 1 или по 3; 7) ни один элемент не встречается подряд 4 и более раз; 8) пары крестиков находятся только в середине; 9) если крестик стоит

² Упражнение составлено на основе методики Ю.Козлецкого (см. его книгу: Психологическая теория решений. М., 1979, с.309).

вначале, то на 5-м и 6-м местах стоят нули; 10) если крестик в конце, то на 2-м месте нолик; 11) если в ряду три крестика, то на 2-м месте - нолик и т.п. Побеждает тот, кто укажет больше всего правильных закономерностей. При подведении итогов игроки поочередно называют обнаруженные ими закономерности, а остальные вычеркивают из своего списка уже прозвучавшие. За называние ложной закономерности (не соответствующей предъявленной совокупности), например; "слева крестиков всегда больше, чем справа" - вводятся штрафные очки.

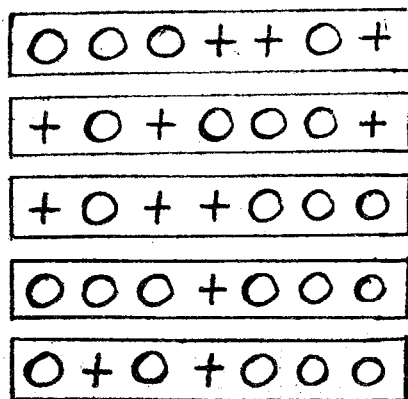

Рис. 4.

Затем следует сформулировать закономерности нестрогие, обнаружившиеся лишь как тенденция, т.е. верные для большинства рядов, но все же имеющие исключения. Например; 1) серии из трех кружков подряд чаще всего бывают в конце; 2) средним элементом ряда чаще всего является крестик; 3) в начале ряда (включая и средний элемент) крестиков обычно больше, чем в конце и т.п. Подведение итогов и определение победителя проводится в соответствии с описанным выше.

Указанное упражнение развивает способность анализировать большие массивы информации, учитывая одновременно всю совокупность отдельных ее элементов и признаков, и четко выделять и формулировать закономерности, общие для большого количества данных, а также точно разделять закономерности строгие (всегда проявляющихся) от нестрогих (проявляющихся как тенденция в большинстве случаев).

Восстановление целостного сюжета на основе нескольких слов. Предлагается три - четыре слова, например; дерево, мать, память. Сообщается, что они взяты из некоторого короткого рассказа. Задача - восстановить (сноска; Упражнение составлено на основе методики Ю.Козелецкого (см. его книгу; Психологическая теория решений. М.,

1979, с.309). по этим словам сюжет рассказа. Следует предложить как можно больше вариантов сюжетов, в которых использовались бы эти слова.

Так, в нашем примере могут быть названы следующие сюжеты; 1) мать посадила дерево на память о ком-то или чем-то; 2) речь идет о сохранении и передаче памяти рода, семьи, которые разрастаются как крона дерева, и центром, корнем которых является мать; 3) мать, сидя под деревом, вспоминает о чем-то; 4) мать вспоминает о каком-то дереве; 5) дерево напомнило матери о чем-то; 6) мать вспоминает о событии, происшедшем под деревом; 7) и у дерева крона, и у матери память - большие, ветвистые; 8) человек без памяти о матери - не человек, а дерево; 9) человек, сидя под деревом, вспоминает о матери; 10) человек вспоминает о матери, сидевшей под деревом; 11) глядя на дерево, человек вспомнил о доме и о матери; 12) дерево-мать рассеивает по свету свои семена в память о себе и т.п.

Упражнение развивает способность создавать целостные сложные построения, основываясь лишь на минимуме исходной информации, и для этого тщательно вычерпывать информацию на каждого фрагмента и их взаимосвязей. Упражнение также формирует установку на множественность возможных таких построений, на полный их перебор и препятствует заикливанию человека лишь на одном-двух вариантах, пришедших в голову первыми.

Прочтение фраз по нескольким буквам. Берется несложная фраза из 5-8 слов, например; "Закрытие выставки сопровождалось показом моделей одежды" - и преобразуется так, чтобы от нее были сохранены лишь 35-55% букв, а вместо остальных ставятся прочерки, например; "За-ы-ие|вы- - - -ки-|-пр- - -жд- - -ь|- -азо-|м- -е- -й|- - -жд-". Если во фразе имеются знаки препинания, то, по договоренности с игроками, их следует либо сохранять, либо устранять. Можно также сообщить некоторую общую тематику закодированной фразы. Например, в данном случае сказать, что предложение взято из заметки о последних новостях культуры города, или что описанное в сообщении совершалось на глазах зрителей, или просто, что зрелище было красивым. При проведении упражнения с детьми младшего возраста можно сказать, что в древности на папирусе было записано несколько мудрых изречений, которые чрезвычайно важно знать каждому из нас и сегодня, но, к сожалению, время стерло (или разрушило) некоторые части папируса, так что от записей остались лишь отдельные буквы, а также известно (с учетом расстояния между буквами и их ширины), сколько букв подверглись разрушению. Задача - восстановить исчезнувшие буквы и прочитать всю фразу. В этом случае предлагаются поговорки или изречения мудрецов, наподобие: "Главное богатство в мире - наши друзья" или "Прежде чем сказать, хорошенько подумай".

Это упражнение развивает способность смело выдвигать разнообразные предположения о скрытой информации (конкретные слова, их сочетания, общие мысли) и сразу же тщательно их проверять, опираясь на информацию явную (буквы и общие контуры слов), а также увязывать между собой и анализировать сразу всю совокупность наличной информации для выдвижения гипотез (т.к. каждое слово здесь должно быть обязательно сопоставлено с другими и общим смысловым контекстом).

Извлечение из простой фразы максимума информации о событии.

Предъявляется несложная фраза из 7-10 слов, например; "Иван вскочил и выстрелил дробью в глухаря". Нужно выделить как можно больше сведений о происшедшем событии; его субъекте, условиях и обстоятельствах совершения, о предшествующих, сопутствующих и последующих событиях и т.п. При этом следует вычленяемую таким способом имплицитную (неявную, невысказанную в словах непосредственно) информацию четко разделять на 3 категории; ф) однозначную, точную, 100%-ную (только так, иначе просто не может быть), б) весьма вероятную (скорее всего так было, но это нельзя утверждать на 100%), и в) неясную, сомнительную, допускающую различные более или менее вероятные гипотезы.

Так, например, однозначной информацией, извлеченной из приведенной фразы, можно считать следующую; 1) Иван и глухарь были в одно и то же время неподалеку друг от друга; 2) Иван видел глухаря, 3) события происходили быстро: вскочил и выстрелил; 4) у Ивана было ружье, стреляющее дробью; 5) ружье было заряжено; 6) Иван нажал на курок; 7) Иван прикоснулся к ружью, держал его; 8) ствол был направлен в сторону, противоположную от Ивана; 9) Иван в момент выстрела не прикоснулся к дробинке и к глухарю; 10) выстрел прогремел, был звук; 11) была отдача выстрела в плечо и т.п.

В качестве весьма вероятной, хотя и не однозначной, можно рассматривать такую; 1) Иван, скорее всего, находился на природе; в лесу, в поле, где водятся глухари, а, например, не в городе или в зоопарке; 2) Иван, скорее всего, прицелился перед выстрелом, а не стрелял не целясь, наобум и др.

В качестве неясной информации, допускающей разные гипотезы, могут быть названы следующие предположения: 1) перед выстрелом Иван то ли сидел, то ли лежал, что именно - неясно; 2) он то ли убил глухаря, то ли ранил его, то ли промахнулся; 3) события происходили то ли утром, то ли днем, то ли вечером; 4) глухарь то ли был неподвижным перед выстрелом, то ли двигался; 5) глухарь то ли издавал звуки, то ли нет; 6) Иван глухаря то ли выслеживал специально, то ли увидел случайно; 7) глухарь был то ли большим, то ли маленьким, то ли молодым, то ли старым, то ли самкой, то ли

самцом; 8) Иван был то ли молодым, то ли старым, то ли высоким, то ли низким и т.п.

После выполнения задания ответы игроков сверяются и побеждает тот, кто вычленил наибольшее количество сведений из фразы и правильно разделил информацию на 3 группы; однозначная - вероятная - неясная.

Упражнение развивает способность внимательно вслушиваться и вчитываться в каждую и извлекать из нее огромное количество имплицитной, не выраженной явно информации (содержащейся "между строк" или "за словами"), всесторонне и полно анализировать любую информацию с целью выделения в ней дополнительных аспектов, а также критически относиться к вычленяемой таким способом информации, оценивая степень ее вероятности.

Извлечение из несложной фразы максимума информации о говорящем. Это упражнение аналогично предыдущему, только здесь акцент делается на получение информации не столько о самом по себе событии, сколько об особенностях говорящего; его личности, мировоззрений, привычках, интересах, стиле мышления и пр. Предъявляется фраза из 15 - 30 слов, сказанная от первого лица. Например; "Сейчас подумаю, какую бы для тебя фразу подобрать, чтобы она была богата смыслом, чтобы ее можно было пораскручивать".

При анализе этого предложения можно обратить внимание прежде всего на отдельные слова: "Подумаю" - не сразу дает фразу, а собирается размышлять, что может свидетельствовать об ответственности человека, его основательности, рациональности, неспешности, а также и нерешительности. "Сейчас" - готовность сразу же приступить к делу, не откладывая на потом и не растягивая. "Вы" - отражает момент размышления, отсутствия готового ответа, а также вносит некоторый интригующий оттенок. "Для тебя" - фраза будет подбираться для конкретного человека, с учетом его индивидуальных особенностей, а не вообще, абстрактно, неизвестно для кого. "Подобрать" - предполагается рассмотрение нескольких вариантов, их оценивание и выбор одного наиболее подходящего, основательный, а не скороспелый подход к делу, сложная мыслительная деятельность. Сопоставляя слова "подумаю" и "подобрать", заключаем, что человек склонен к размышлению и основательным, взвешенным решениям, а не ограничиваться первой пришедшей в голову мыслью, любит думать. "Богата смыслом" - ориентация на глубокое и многоаспектное, многоуровневое содержание, избегает в этой ситуации материала бессмысленного или бедного смыслом, ориентирован на сложный, а не простой материал. "Пораскручивать" - это слово как бы объединяет в себе два слова с разными оттенками значений; покрутить - отражает процесс, длительность, игровой характер действия, и раскрутить - отражает достижение результата, а также высокое напряжение

процесса. Следовательно, имеется в виду, что этот глубокий смысл будет извлекаться постепенно, поэтапно, виток за витком, поворачиваясь каждый раз разными своими аспектами, пока не будет извлечен достаточно полно. Теперь, характеризуя стиль мышления автора этой фразы, сопоставляем обе ее части; и в первой части ("подумаю", "подобрать"), и во второй ("богата смыслом", "пораскручивать") обнаруживаются взаимодополняющие аспекты одной и той же сложной, развернутой мыслительной деятельности, направленной на получение высококачественного результата.

Далее, анализируя построение (синтаксис) фразы, обращаем внимание, что это односложное предложение, состоящее из четырех простых. От главного зависит одно придаточное дополнительное, а от него, в свою очередь, два придаточных определительных. Фраза построена гладко, четко, что свидетельствует о высоком интеллекте автора и связности его мышления. Дважды повторенное слово "чтобы" свидетельствует о четкости, чеканности его мышления. Результаты пословного анализа фразы и в целом совпадают с результатами ее синтаксического анализа.

При выполнении этого упражнения побеждает тот, кто сумеет выделить наибольшее число характеристик говорящего, увязать их между собой и тщательно их обосновать.

Упражнение развивает способность глубоко и четко анализировать каждое слово и словосочетание, извлекая из него неочевидный, не лежащий на поверхности смысл, а также умение на основании некоторых деталей, признаков составить целостную характеристику какого-либо объекта.

Благодаря регулярному выполнению описанного комплекса упражнений у человека постепенно развиваются и совершенствуются весьма сложные мыслительные операции, позволяющие ему достаточно быстро и эффективно проникать за пределы наличной, явной информации и находить и извлекать из нее другую информацию - неявную, скрытую, которая по своему значению часто оказывается не менее существенной, чем явная, а нередко, пожалуй, и более существенной. Отрабатываясь и "оттачиваясь" на сравнительно простом и, возможно, далеко от реальной жизни материале, эти операции, будучи сформированными, могут быть легко перенесены и на переработку более сложного и более тесно связанного с практической работой материала, что окажет человеку весьма ощутимую пользу и в обучении, и в научно-техническом творчестве и в повседневной жизни.

Поступила в редакцию 15.09.97г.

О СПЕЦИФИКЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА.

У статті проаналізована специфіка рекламного тексту. Вона прямо зв'язана із яскраво впадливим впливом ролі рекламних звернень. Ця роль обумовлює мету рекламного тексту - побудження суб'єкта до дій, які спрямовані на навколишній світ.

У статті проаналізована структура та подана класифікація рекламних текстів відносно специфіки впливу на суб'єкта. Підкреслюється важливість орієнтації рекламного тексту на особливості певної аудиторії (мотиви, когнітивну складність, комунікативну подинку) і необхідність експериментальних досліджень щодо впливу рекламних текстів.

Отличительной особенностью рекламного текста является ярко выраженная воздействующая функция, поскольку он призван оказывать непосредственное влияние на социальные группы и является активно влияющим каналом коммуникации.

Эта воздействующая функция рекламного текста связана с общими целями рекламы. Ж.Бодрийяр отмечает, что: "Реклама объявляет своей задачей сообщить о характеристиках того или иного товара и способствовать его сбыту. Такая объективная функция в принципе является и ее первичной функцией" (Ж.Бодрийяр, 1, стр. 136). Следовательно, цель рекламного текста заключается в том, чтобы повлиять на группу реальных и потенциальных покупателей так, чтобы обеспечить необходимый уровень продаж, то есть стимулировать действия, направленные на совершение покупки.

В. Благоев считает, что цель рекламного текста - "передать потребителю точно определенные сведения, которые понятны ему, чтобы заинтересовать его и заставить его реагировать нужным для вас образом независимо от того, каким другим воздействиям он подвержен". (В.Благоев, 2, стр. 357).

Исследователи в области рекламы единодушны в том, что рекламный текст должен оказывать влияние с целью совершения покупки. (Е.В.Тарасов, С.А. Сорокин, Б.Х. Бражников [3], Х. Швальбе [4], А. Дейян, А. Троадек и Л. Троадек [5], D.W. Nylen [6], Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев

[7], B.L. Bovee, W.F. Agens [8], Л.Ю. Гермогенова [9]).

Мы хотим особенно подчеркнуть, что стимулирование действий, направленных на внешнюю действительность (совершение покупки) - это отличительная особенность рекламного текста и рекламных обращений вообще. Проводимые исследования по восприятию

фирменного знака показали, что даже этот компонент рекламного воздействия, казалось бы, нейтральный к воздействию и создаваемый скорее как атрибут, а не как рекламное обращение, стимулирует такую реакцию как действия, наряду с эмоциональным отношением, предметными и абстрактными ассоциациями.*

Поскольку цель рекламного текста мы определили как влияние и стимулирование покупки, следовательно, эффект влияния рекламного текста - готовность субъекта к действию или его непосредственное действие в окружающей действительности. Такое понимание эффекта влияния нам представляется целесообразным и важным. Отметим, что в настоящее время существует тенденция оценивать рекламный текст с позиции "нравится" или "не нравится", то есть, с точки зрения первоначального эмоционального отношения к нему. Мы считаем такое представление о результате воздействия рекламного текста узким, поскольку оно учитывает только часть воздействия и не рассматривает эффект, для которого рекламный текст непосредственно предназначен, а именно действия субъекта. Это, с нашей точки зрения, делает рекламное влияние нецелесообразным.

Приведем еще один из важных аргументов из области продвижения товаров и услуг на рынке в пользу нашей точки зрения. B.L. Bovee, W.F. Agens [8] получили в результате исследований поведения покупателей закономерность, что с ростом стоимости и значимости товара для потребителя увеличивается время принятия решения о его покупке. Авторы, на основании своих исследований делают вывод, что в этом же случае увеличивается эффект эмоциональной и рациональной вовлеченности покупателя в совершение покупки, так как с ростом значимости и стоимости покупателю необходимо взвешивать и сравнивать большее количество критериев для принятия решения. Чем больше вовлеченность покупателя в приобретение товара, тем больше время, за которое он принимает решения (так, например, крупная бытовая техника покупается в среднем не ранее четвертого посещения магазина). Следовательно, при приобретении товаров и услуг, для которых необходима высокая вовлеченность покупателя, эффект влияния рекламного обращения, заключающийся только лишь в непосредственной сиюминутной реакции на рекламное обращение, явно недостаточен для описания поведения покупателя, поскольку в этом случае покупателю явно необходима дополнительная информация о торговом предложении. Обычно покупатель проявляет активность в

* Дипломная работа. "Влияние абстрактного фирменного знака на субъективное восприятие". Факультет "Психологии" СПГУ, 1996. Ж.Ю.Розанова.

том, чтобы ее уточнить. Это выражается в таких его действиях как звонок на место продажи, обсуждение рекламы в близком социальном окружении, личные переговоры с персоналом организации и т.д. Поэтому даже если потребитель не определился в принятии решения, он все равно предпринимает действия, направленные на окружающую действительность. Следовательно, понимание эффекта влияния рекламного текста как действия, является наиболее целесообразным.

Исследования поведения покупателей, полученные на материале анализа откликов на прямую почтовую рассылку также свидетельствуют о том, что покупка вызванная воздействием одного рекламного обращения - явление редкое и, в общем, составляет около 4% от всего количества потенциальных клиентов, на которых было направлено рекламное обращение (Л.Ю. Гермогенова [9]). Для того, чтобы остальные неопределившиеся потенциальные клиенты стали реальными покупателями предлагаемой продукции необходимо продолжительное целенаправленное воздействие, которое предполагает определенные временные этапы рекламного влияния.

В связи с этим выделяют следующие стадии рекламного воздействия, связанные с иерархией обучения покупателя: привлечение внимание; понимание значимых отличий предложения о продаже, формирование заинтересованности; убежденность и предпочтение данных товара или услуги; желание приобрести предлагаемую продукцию; принятие решения и совершение покупки (А. Дейян [10], А. Дейян, А.Троадек, Л.Троадек [5], Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев [7], В.Л. Лебедев, А.К. Боковиков [11], D.W. Nylen [6], B.L. Vovee, W.F. Arens [8]).

Обычно такое целенаправленное продолжительное рекламное воздействие, развернутое во времени называют рекламной кампанией, где необходимость, последовательность и содержание каждого из рекламных аспектов определяются относительно целей и задач организации в определенный промежуток времени.

В связи с этим, рекламный текст, имеющий целью сгенерировать определенные действия потенциального покупателя на каждом из этапов решает эту задачу разными способами: рекламируя название, фирменный знак или лозунг (аспект престижа), раскрывая значимые отличия в философии организации и преимущества предложения о продаже для потребителя (аспект философии), сообщая технические характеристики товара, его стоимость, способы функционирования, методы работы с покупателями и т.д. (аспект сферы деятельности). Поскольку каждый из этапов по-разному влияет на совершение покупки, то эффект влияния рекламного текста будет иметь различную степень выраженности: от обсуждения предложения о продаже с близким социальным окружением, до личных переговоров на месте продажи и непосредственной покупки. Поэтому рекламные тексты

можно классифицировать по принадлежности к тому или иному аспекту в рекламе и по выраженности эффекта влияния.

Так, можно выделить мотивирующие тексты, призванные непосредственно генерировать действия потенциальных покупателей. Их эффект влияния наиболее выражен и ближе всего к совершению покупки, например, посещение места продажи, личные и телефонные переговоры с персоналом организации о приобретении тех или иных товара или услуги, обсуждение предложения о продаже с близким социальным окружением, совершение покупки. Мотивирующие тексты свойственны, в основном, для аспектов философии и сферы деятельности.

Например:

- Лозунги ("Мама совета специалиста услышь, сухая кожа - счастливый малыш"; "Пусть одежда расскажет о Вас только хорошее!", "Вместе к вершинам успеха!"; "Спрайт - не дай себе засохнуть!", "Исследуйте свои возможности!", "Узнайте нас лучше!".
- Объявления в средствах массовой информации, приглашающие посетить магазин или приобрести конкретную продукцию: "Почувствуйте себя счастливым в бизнес-круизе Праздник, который всегда с тобой. Традиционные скидки именинникам, новобрачным, всем, кто обнаружит свои фамилии из 5 букв названия нашей фирмы."
- Письма прямой почтовой рассылки, призывающие сотрудничеству (коммерческие предложения).
- Статьи в средствах массовой информации, объясняющий отличительные особенности и преимущества определенного товара или организации.

Наряду с мотивирующими можно выделить информационные тексты. Они предназначены для того чтобы добиться известности, знания о какой-либо компании или марке товара, разъяснить некоторые детали предложения о продаже. Такие тексты свойственны аспекту престижа и сферы деятельности в рекламной компании. Эффект влияния таких рекламных текстов менее выражен, это обычно контакт со стороны потенциального клиента для получения дополнительной информации. К таким текстам можно отнести прайс-листы; статьи в средствах массовой информации, упоминающие название организации или определенной группы товаров или услуги; вывески около или на месте продажи, объявления о режиме, месте работы, ассортименте.

Независимо от степени выраженности эффекта влияния каждый рекламный текст вносит свой вклад в общую рекламную кампанию, направленную на получение конечного результата - совершение покупки. Сообразно своему месту в рекламной кампании он генерирует

определенные действия покупателя направленные на окружающую действительность.

Ярко выраженная воздействующая функция рекламного текста определяет его структуру, Центральное место, в которой занимает исключительное предложение о продаже. Его наличие обязательно, в противном случае, рекламный текст можно считать неэффективным, так как не реализуется основная цель - мотивировать покупателя. Исключительное предложение о продаже (ИПП), как считает Х. Швальбе [4] должно удовлетворять следующим требованиям :1). Оно должно предложить что-либо покупателю. 2). Предложение должно быть исключительным, или с точки зрения уникальности марки, или формы подачи, которое должны отличаться от уже существующей в этой области рекламы. 3). Предложение должно быть настолько весомым, чтобы оно смогло заинтересовать и привлечь новых покупателей к товару. А. Дейян добавляет еще и такое требование как ясность предлагаемых преимуществ.

Такое специальное акцентирование и выделение понятия ИПП связано прежде всего с воздействующей ролью рекламного текста, где исключительное предложение о продаже является основанием и предметом влияния на потенциальных покупателей.

Следующим важным отличием рекламного текста, связанным с его воздействующей ролью, является ориентация на целевую аудиторию. Таким образом, способы влияния и особенности рекламного текста, отличаются в зависимости от характеристик социальных групп.

Соответствие целевой аудитории выражается в том, что содержание рекламного текста учитывает и основывается на 1) мотивах, стимулирующих потенциальных покупателей, 2) когнитивной сложности аудитории, способности обрабатывать информацию, 3). способе языкового общения, с помощью которого возможные покупатели предпочитают, взаимодействовать с окружающим миром.

Первый критерий означает, что рекламный текст должен учитывать и апеллировать к движущим мотивам покупки данной целевой аудитории. Например, потребность в безопасности, потребность принадлежать к определенной социальной группе, потребность снискать уважение к себе, потребность в реализации собственного "я" (А.Маслоу, [12]).

Ж. Шондесом и А. Лансестр [13] вводят классификацию типов покупателей, в основу ее положено поведение человека при покупке. В соответствие с этими типами покупателей автор классифицирует мотивы, движущие людьми, которые фактически создают основу текстового обращения.

Второй критерий предполагает, что текст соответствует когнитивной сложности аудитории. Под когнитивной сложностью

понимается психологическая характеристика познавательной (когнитивной) сферы человека. "Когнитивная сложность отражает степень категориальной расчлененности (дифференцированности) сознания индивида. Когнитивная сложность определяется количеством оснований классификации, которыми сознательно или несознательно пользуется субъект при дифференциации объектов какой-либо содержательной области" [14].

Так, например, это может выражаться в способности дифференцировать, различать объекты и явления окружающей действительности. Известен факт, что с момента появления нового товара или услуги, проходит определенное время, прежде чем покупатели начинают выделять их по отношению к остальным, что прямо сказывается на объеме продаж. Особенно ярко этот эффект наблюдается при вхождении нового товара на рынок (Х.Швальбе [4], А.Деян [10], С.Л.Бовее, W.F.Arens [8]). Данный эффект связывают с тем, что покупатель, обладая субъективной системой знаний и представлений, создает собственные критерии для выделения и классификации нового товара и определяет характеристики для его описания по отношению к другим товарам и услугам (Ж.Бодрийяр, [1]). Рекламный текст должен учитывать когнитивную сложность целевой аудитории и при описании товара или услуги, и при формулировке исключительного предложения о продаже, чтобы произвести необходимый эффект воздействия.

Третий критерий соответствия целевой аудитории предполагает, что в рекламном тексте используются языковые средства, приемлемые и наиболее часто встречающиеся у группы потенциальных покупателей. Это означает, что для описания предложения о продаже необходимо использовать определенный словарь.

Важно отметить, что существующие исследования рекламных текстов имеют ограничения. Во-первых, они изучают структуру текста и языковые способы его выражения отдельно от цели, достижения эффекта влияния рекламного текста. Рассматриваются некие характеристики, свойственные рекламным текстам вообще, при этом они не связаны с эффектом воздействия. Такая черта, в основном, свойственна лингвистическим исследованиям, в которых за рекламным текстом, с одной стороны, признается возможность оказывать воздействие, но результат этого воздействия четко не выражен. Он одновременно представлен и как интерес, и как внимание, и как отклик и как желание потенциальных покупателей (Н.Н.Кохтев, Д.Э.Розенталь [7], Л.Н.Григорьева [17], В.Г.Адмони [15]).

Однако, как мы уже отмечали при различной степени готовности субъекта к совершению покупки эффект влияния всегда выражается в действиях субъекта по отношению к действительности. Поэтому непонятным остается вопрос о том, какие особенности рекламного

текста вызывают тот или иной эффект влияния, и как, зная эти особенности моделировать тот или иной эффект воздействия на целевую аудиторию.

Напротив, исследования рекламных текстов в маркетинге и области продвижении товаров и услуг на рынке четко связывают структуру и особенности текста с эффектом его воздействия (Х.Швальбе [4], А.Дейян [10], А.Н.Лебедев, А.К.Боковиков [11], Д.Огилви [16]). Вместе с тем, в силу специфики данных исследований рекламный текст как объект представлен в них явно неполно. В данных исследованиях отсутствуют понятия и аппарат для анализа особенностей текста. Поэтому предложения по построению рекламного текста в них носят характер общих практических рекомендаций, например, "обязательная убедительность; логическая последовательность; четкая манера выражения; естественная живость" (Х.Швальбе, стр.153). Следовательно, вопрос о том, как посредством рекламного текста смоделировать тот или иной эффект воздействия также остается неясным.

Именно поэтому необходимы экспериментальные исследования, которые бы устанавливали закономерности между лингвистическими параметрами текста (лексика, синтаксис, семантика, прагматика) и эффектом влияния его воздействия текста на целевую аудиторию.

Экспериментальное исследование взаимосвязи особенностей рекламного текста и эффекта его влияния прямо связано с изучением новых активно воздействующих каналов коммуникации в социальном взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. - М., 1995.
2. Благоев В. Маркетинг в определениях и примерах. - Санкт-Петербург, 1993.
3. Тарасов Е.В., Сорокин Ю.А., Бражников Б.Х. Массовая коммуникация как социальное явление // Язык и массовая коммуникация. - М., 1984
4. Швальбе Х. Практика маркетинга для малых и средних предприятий. - М., 1995.
5. Троадек А., Троадек Л., Дейян А. Стимулирование сбыта и реклама на месте продажи. - М., 1994.
6. Nylen D.W. Advertising, planning, implementation and control. South-Western Publishing CO. Cincinnati, West Chicago, ILL Dallas, Pelham, Manor, N.Y., PAW Alto, Calif., 1980.
7. Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Язык рекламных текстов. - М., 1981.
8. Bovee C.L., Arens W.F. Contemporary advertising. Homewood, /Uinois 1989.
9. Гермогенова Л.Г. Эффективная реклама в России. Практика и рекомендации. - М., 1994.

10. Дейян А. Реклама. - М., 1993.
11. Лебедев А.Н., Боковиков А.К. Экспериментальная психология в российской рекламе. - М., 1995.
12. Maslow A. Motivations and personality. New York, Harper & Rav, 1952.
13. Шандезон Ж., Лансестр А. Методы продажи. - М., 1992
14. Психологический словарь. -М.,1990.
15. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. Санкт-Петербург, 1993.
16. Огилви Д. Откровения рекламного агента.-М., 1994.
17. Григорьева Л.Н. Иллокуция текста и функция предложения
// Функционально-целевые текстовые аспекты языковых единиц.
Санкт-Петербург, 1995.- С. 19-27

Поступила в редакцию 02.10.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

*Кочарян А.С.
Гультай В.Ф.*

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ, СКЛОННЫХ К ПСИХОГЕННЫМ БОЛЯМ

Розглянуто літературні дані за особливості особистості, що схильна до переживання психогених болів. Доведено, що це дуже сложна та невирішена проблема. Не сконструйовано моделі особистості такого типу. Дано досить різносторінний огляд за обраною темою.

В литературе имеются достаточно определенные свидетельства важной роли психологических факторов в формировании психосоматической боли. Н.Hart [16] и Н.Merskey & F.G.Spear [29] подчеркивают связь склонности к переживанию боли и чувства вины. К.А.Menninger [28] привел доказательства наличия мазохистических установок у лиц с хронической болью психогенной природы, подвергшихся неоправданным хирургическим вмешательствам. Р.Greenacre [15] сделал подробное описание одного такого случая. Дальнейший вклад внес L.Engel [11], который описал 20 пациентов (19 из которых женщины) с лицевой болью. Он рассматривал этих больных, как больных страдающих от истерического конверсионного симптома. Автор подчеркивал, что эти больные имеют мазохистическую характерологическую структуру, обнаруживая большое разнообразие его-пунитивного поведения, т.е. такого, из-за которого они постоянно попадают в трудные ситуации. L.Engel обнаружил, что описываемый контингент больных склонен подвергаться необоснованным хирургическим вмешательствам. L.Engel [12;13] описал больных, у

которых психические факторы играют первостепенную роль в генезе болевого синдрома. Он назвал этот тип пациентов как склонных к боли (pain-prone patients). Такие больные характеризуются: наличием осознанного или неосознанного чувства вины, боль же является средством ее искупления; мазохистическими чертами характера; сильными агрессивными нереализованными тенденциями; тенденцией к садомазохистическому типу психосексуального развития; наличием депрессивных расстройств. В ряде работ психогенная боль рассматривается как форма маскированной депрессии и квалифицируется как "дистимические болевые расстройства" (dysthymic pain disorders) (Blumer D., Heilbronn, 1989). В данном случае боль является выражением депрессивного состояния. Причем, испытывая боль, больные отрицают ее связь с эмоциональными состояниями, с эмоциональными переживаниями рассматривается как проявление алекситимии [3; 24; 36; 43], которая включает недифференцированность переживаемых эмоций, трудность вербализации эмоционального состояния, стремление избегать конфликты, сверхконтроль над отрицательными эмоциями и т.п. Ключевой конфликт личности, склонной к хронизации психогенной боли, состоит в столкновении противоположных тенденций - тенденции в принятии и зависимости -, с одной стороны, и тенденции в независимости и активности, - с другой (конфликт между нереализованными инфантильными потребностями и ригидным эго-идеалом) (Blymer D., Heilbronn, 1989). В результате конфликта формируется депрессия приводящая к возникновению боли. L.F. Pilling, T.L. Brannic и W.M. Smenson [39] рассмотрели боль как скрытый симптом эмоциональных расстройств.

D.S. Clark [72] рассматривает сходство обсессивно-компульсивных расстройств с определенными видами психогенной, или, как он называет, центральной боли. H.Merskey [30] выявил, что больные с персистирующими психогенными болями стремятся быть старше. L.F. Pilling et al. [40] выявили психологические факторы в развитии proctalgia lypax. В исследовании D.R. Haslam [18] показано, что интроверты имеют более низкий болевой порог, а F.M. Levine et al. [27] обнаружили, что болевой толерантностью и экстраверсией существует положительная связь.

Поиск специфического личностного типа больного с хронической психогенной болью осуществлялся с помощью MMPI. Оказалось, что имеется специфический профиль, имеющий V-образный вид (повышение показателей по 1 (ипохондрия) и 3 (истерия) шкалам при понижении показателя по 2 (депрессия) шкале (Dahlstrom, Welsh, Dahlstrom, 1972). Снижение депрессии объяснялось механизмом конверсии, который, являясь защитным, снижает депрессию за счет соматизации (повышение профиля на первой шкале) и вытеснения ее с формированием демонстративного поведения (повышение профиля на

третьей шкале). Такой профиль характерен для психосоматических больных (в том числе и для больных мигренью), у которых важную патогенетическую роль играют личностные особенности и ситуации эмоционального стресса [1]. Л.Н.Собчик [4] указывает, что показатели 1-й и 3-й шкал несут в себе характеристики смешанного типа реагирования, независимо от остальной структуры профиля, так как отражают проблему подавленной враждебности. Сочетание разнонаправленных тенденций, т.е. показателей как гипо-, так и гиперстенических свойств определяет смешанный тип реагирования. "В этом случае оказываются перекрытыми каналы как невротического, так и поведенческого отреагирования, что сказывается на общем перенапряжении и проявляется соматизацией внутреннего конфликта, т.е. психосоматическим вариантом дезадаптации, мишенью которого окажется наиболее слабое звено той или иной функциональной системы организма человека" [4, с.55]. Вместе с тем, Leavitt (1985) не выявил конверсионное V у больных с функциональными болями в спине в сравнении с больными с явной органической патологией. Не выявлено различий в ММРІ-профилях личности больных с психогенными (функциональными) болями и больных с болями органического генеза (Love, 1987; Ahles, 1986; Trief & Elliot, 1987). Таким образом, данные, касающиеся наличия специфических особенностей ММРІ-профиля при психогенных болях противоречивы, функциональная и органическая боль не дают специфического профиля. Однако, следует отметить, что психогенную боль не следует отождествлять с функциональной: психогенная боль - это такая боль, в происхождении которой большой вклад вносят психические факторы (личностные особенности, стили совладания со стрессом, когнитивные переменные и т.п.). При этом сама боль может быть и не функциональной, а органической. Психогенная боль может быть психалгией, функциональной и органической болями. Поэтому следует искать различия ММРІ-профилей личности больных не с функциональными и органическими болями, а больных с психогенными и органическими болями. В этом смысле интересна идея Ф.Б.Березина [2] о психосоматическом континууме, согласно которой нецелесообразно дихотомически разделять заболевания на психосоматические и непсихосоматические. "Полученные данные, - отмечает автор, - позволяют считать, что в ряду соматических заболеваний роль психологических механизмов в их возникновении и развитии, удельный вес психосоматического компонента в патогенезе и соответственно частота нарушений психической адаптации изменяется постепенно. Соматические заболевания, будучи расположенными по выраженности данного признака, образуют непрерывную последовательность - психосоматический континуум" [1, с.130]. При заболеваниях, расположенных в верхней части этого континуума,

патогенетическая роль психических факторов, особенностей личности и актуального психического состояния наиболее велика [там же]. Поэтому, если сравнивать профили больных с хронической болью, которая в нозологическом отношении принадлежит к разным полюсам психосоматического континуума, то получить специфический для психогенной боли тип личностного профиля не представляется возможным. Ф.Б. Березин и соавт. [1] указывают, что конверсионное V является одним из типичных профилей для тех нозоформ, которые находятся в верхней части психосоматического континуума. Удельный вес профиля этого типа постепенно уменьшается по мере снижения значимости психосоматических механизмов [там же]. Вместе с тем Hendler (1984) наблюдал становление такого же профиля по ММРІ в соответствии с динамикой болевого синдрома непсихогенной природы. Было показано, что в острой стадии (до 2 месяцев) тип профиля находится в пределах нормы. Для подострой стадии (от 2 до 6 месяцев) характерны подъемы по первой (ипохондрия) и третьей (истерия) шкалам ММРІ, что, как было отмечено выше, характерно для хронического болевого синдрома. Профиль больных с хронической болью (от 6 месяцев до 3 лет) характеризуется повышением показателей по шкалам невротической триады (ипохондрии, депрессии и истерии). Профиль больных с продолжительностью болевого синдрома от 3 до 12 лет снова характеризуются конверсионной V - снижением показателей по второй шкале (депрессия) при высоких показателях по первой и третьей шкалам. Такой профиль интерпретируется автором как адаптация к боли. Таким образом, V - образный профиль наблюдался дважды: до развития депрессии и при последующем ее снижении за счет адаптационных механизмов. Следует отметить, что данное исследование касалось болей в спине. И несмотря на то, что в литературе отмечается включение психологических факторов в ее формирование (M. Timsit et al., 1973), она не входит в нозоформы, находящиеся в верхней части психосоматического континуума. Поэтому такая боль включает незначительные механизмы психосоматического генеза. Данные же, полученные Hendler, невозможно без искажений перенести на психогенную боль. Подтверждение этому мы находим у Ф.Б. Березина и соавт. [1, с.134], которые отмечают, что типичная психосоматическая конфигурация усредненного профиля определяется важной ролью психосоматических механизмов, а не длительностью течения или субъективными представлениями больного о благоприятном или неблагоприятном прогнозе.

О.Кнорі [23] один из первых показал, что враждебность, возмущение и чувство вины наиболее характерны для лиц, испытывающих мигренозные боли. Н.Г. Wolf [46] подтвердил эти данные. Вместе с тем аналогичные личностные характеристики имеют

место при болях, связанных с другой психосоматической патологией - у больных астмой, экземой, дисменореей, язвенным колитом и др., а также у психиатрических больных [31]. D.C. Tinling и R.F. Klin [45] выявили связь психогенной боли всех типов с агрессией. Вместе с тем, когда O.W. Hill [19] сравнил пациентов с психогенной рвотой и пациентов с абдоминальной психогенной болью, то оказалось, что именно больные с психогенной рвотой, а не с психогенными болями характеризовалась наличием враждебности в близком окружении. A.P. Friedman (1978, 1982-цит. по [6, с. 86]) показал, что больные мигренью имеют следующие особенности личности: повышенную возбудимость, раздражительность, эмоциональную лабильность, обидчивость, совестливость, мелочность, склонность к навязчивым страхам, игнорирование собственных ошибок (однако они не прощают ошибок другим), многие больные отличаются жестокостью. F.G. Spear [197] рассмотрел выражение открытой и скрытой враждебности и не нашел различий между теми психиатрическими пациентами, которые испытывают боль психогенной природы, и теми, кто не испытывает. H.Merskey [32] не выявил различий в уровне агрессивности указанных групп больных. Однако, он обнаружил, что вербальное выражение возмущения более характерно для больных, имеющих болевой синдром. J.Eisenbud [10] исследовал пациентов, страдающих головной болью. Указанный автор провел большую серию экспериментов для проверки гипотезы о том, что бессознательная враждебность, а не другой бессознательный конфликт, может быть причиной головной боли. Он выявил, что эти пациенты имеют бессознательную враждебность по отношению к своим отцам. Причем, эта агрессивность была обнаружена тогда, когда пациенты находились в гипнотическом состоянии. J.Eisenbud индуцировал у больных, находящихся в состоянии гипноза, "искусственные комплексы". Оказалось, что враждебность и агрессивность приводили к головной боли. Автор сделала вывод, что возмущение и враждебность релевантны истерическому типу боли. Имеются данные, что мигрень связана с неосознанной или невыраженной эмоцией гнева [5, с.74]. Вместе с тем осталось неясным: указанные черты более специфичны для боли, чем для других психических и психосоматических расстройств.

S. Cobb [75] и R. Moos [35] отмечают, что подавление экспрессии тревоги и враждебности приводит к росту мышечного напряжения, а, следовательно, к предрасполагает коформированию болевого синдрома. Связь психогенной боли и тревоги подчеркивается A.Rose [41]. H. Moldofsky и W.J. Chester [34] в противоположность тому взгляду, что переживание боли усиливается при наличии беспокойства, показали, что связь между интенсивностью боли и эмоциями намного сложнее. В частности, они выявили две группы пациентов, которые являлись диаметрально противоположными по типу связей между болью, с одной

стороны, и переживаемыми тревогой и гневом,- с другой. В одной из групп больных с хронической болью при ревматоидном артрите авторы нашли отрицательную связь между интенсивностью боли и наличием гнева и тревоги. Этот паттерн авторы обозначили как парадоксальный, противоречащий до сих пор принятой точке зрения. В этом исследовании не диагностировались подавленные и вытесненные эмоции тревоги и гнева. Поэтому, думается, выводы, H.Moldosky и W.J. Chester относительно наличия парадоксального паттерна связи между эмоциями и болью нуждаются в дополнительной проверке.

В литературе имеются многочисленные данные, согласно которым переживания страха и тревоги приводит к росту боли. Наиболее наглядно этот механизм обнаруживается у детей [42]. 64 из 74 обследованных детей связывали боль с боязливостью и страхом [42, с.108]. Это позволило N.V.Schultz [42, с.108] заявить, что "страх - есть боль". Следует отметить, что в онтогенезе страх сепарации ребенка от матери тесно связан с переживанием боли [120]: мать создает для ребенка системы запретов сепарации от нее, нарушение которых ассоциируется с болью (упадешь, поранишься и т.п.). Логично предположить, что пациенты, склонные к переживанию психогенной боли, - это пациенты с нерешенной проблемой сепарации. При неадекватном решении проблемы сепарации формируются мазохистический, симбиотический и нарцисстический характерологические радикалы. Именно на черты мазохизма лиц с хронической психогенной болью указывается в литературе [12; 13; 28]. Интерес бы представил поиск симбиотических и нарцисстических характерологических радикалов у лиц с хронической психогенной болью. Вместе с тем G.L. Collins [9] обнаружена положительная связь болевого порога и болевой толерантности с защищенностью в детстве и негативная с детской независимостью. Эти данные позволяют думать о том, что еще более ранние проблемы социализации предрасполагают к возникновению психогенных болей. Речь идет о проблемах периода удовлетворения потребности в независимости (до 10-12 месяцев) [46].

В литературе имеются попытки связать склонность к переживанию психогенной боли с особенностью стилевых защитных процессов. Так, A. Petrie [178] проранжировал больных на континууме, полюсами которого являются "редукторы" (reducers) - те, кто стремится минимизировать стимулы и "увеличители" (augmenters) - те, кто стремится увеличить сенсорный вход. Оказалось, что "увеличители" менее устойчивы к боли, чем "редукторы".

По-видимому, психогенную боль следует рассматривать в патогенетическом аспекте как синергизм предрасполагающих (врожденная психофизиологическая и психодинамическая организация как "почва"), формирующих (внутренний эмоциональный конфликт) и запускающих (триггерный механизм) факторов. Вместе с тем

психологизация патогенеза, недоучет роли соматических звеньев патогенеза не является оправданным, не объясняет многомерность патогенеза боли. В.Н. Шток [6, с.87] отмечает, что "концепция о том, что головная боль соматизируется у субъектов определенного личностного склада в виде мигрени, представляет собой грубое упрощение сложного патомеханизма заболевания и совершенно неприемлема". Скажем, сводить нервно-сосудистые реакции при мигрени к "квазипротективным механизмам защиты мозга" путем уменьшения метаболических потребностей мозга или путем шунтирования крови в обход кортикальной микроциркуляции, как это делает J.W. Lance [25; 26]. Роль мозговых механизмов (а не психологических) в развитии гастроинтестинальных болей показана в ряде работ [21; 22 и др.]. В частности, M.F. Jurko, O.J. Andry [21] исследовали 31 мужчину с гастроинтестинальными болями и обнаружили, что у них в два раза чаще, чем в норме отмечаются изменения на ЭЭГ. F.Kajtor, T.Kaszas [22] выявили у 31% обследованных детей с абдоминальными болями эпилептиформные изменения на ЭЭГ. Вместе с тем R. Papatheophilou et al. [137], исследовав 50 больных с рекуррентными абдоминальными болями, показали, что лишь в небольшом числе случаев абдоминальные боли могут рассматриваться как эпилептиформный феномен.

R.Friedman [14] показано, что дети с психогенной болью не отличаются от тех детей, которые не страдают болями, по уровню интеллекта, размеру родительской семьи и порядку рождения.

В заключение приведем данные о связи боли с клиническими формами неврозов. Н. Merskey [30; 32; 35] обследовал 100 психиатрических больных с персистирующей болью и 65 психиатрических больных, заболевание которых не было сопряжено с болью. Была выявлена персистирующих болей с истерией, неврозом тревоги и невротической депрессией. Связь боли с эндогенной депрессией и шизофренией ниже. F.G. Spear [44] подтвердил и дополнил эти данные. Он показал, что боль более всего сопряжена с истерическим неврозом и неврозам тревоги и менее характерна для неврозов.

Кратко подытожим вышеприведенные данные.

1. Существует определенные личностные черты, предрасполагающие к формированию хронической психогенной боли. Таковыми чертами являются гнев, тревога, мазохистический характерологический радикал и т.п. Вместе с тем имеющиеся литературные данные далеко не всегда являются согласованными, сами списки патогенных характерологических черт значительно варьируют. Не ясно, являются ли эти черты патогномичными для психосоматической патологии. Не ясно существуют ли

различия патогенных характерологических черт, специфичных для хронической боли в рамках невроза и в рамках психосоматических расстройств. Очевидно, что сравнение должно осуществляться в рамках одного болевого синдрома, на входящего в структуру разных нозологических единиц.

2. Не совсем ясно, конверсионное V в профиле ММРІ отражает особенности больных с хронической психогенной болью, или является вообще специфичным для психосоматических больных (даже независимо от нозологии).
3. До сегодняшнего дня не удалось построить модель личности уязвимой для психогенной боли психосоматического генеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности.-М.:Фолиум, 1994.-174 с.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека.- Л.:Наука, 1988.
3. Николаева В.В. О психологической природе алекситимии //Телесность человека: междисциплинарные исследования. - М., 1993.- с.84-93.
4. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. Вып. 1. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. Методическое руководство. М., 1990. - 75 с.
5. Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства. - М.: Медицина, 1986.- 384 с.
6. Шток В.Н. Головная боль. - М.:Медицина, 1987. -304 с.
7. Clark D.S.Psychosomatic implications. of obsessive-compulsive disorders and their resemblance to certain types of central pain//Guy Hospital Report.-1965.- 114.- P.209-222.
8. Cobb S. Contained hostility in rheumatoid arthritis Arthritis Rheum.- 1959.- 2.-P. 419-425.
9. Collins G.L. Pdin sensitivity and rating of childhood experience//Perceptual and Motor Skills.-1965.-2l.-P.349-350.
10. Eisenbud J. The psychology of headache// Psychiat. Quart.- 1937.- 11, 592.
11. Engel L.Primary atypical facial neuralgia. An hysterical conversion symptom // Psychosom. Med. - 1951.-13.-375.
12. Engel L. "Psychogenic" pain// Med. clin. N.Amer.- 1958.- 42, 1481.
13. Engel L."Psychogenic" pain and the pain prone patient // Amer. J. Med.-1959, 26, 899.
14. Friedman R. Some characteristics of children with "psychogenic" pain: observations on prognosis and management // Clinical Pediatrics. - 1972.-7.-331-333.
15. Greenacre P. Surgical addiction - a case illustration // Psychosom. Med.- 1939.- I.- 325.

16. Hart H. Displacement, guilt and pain // *Psychoanal. Rev.*- 1947.- 34, 259.
17. Haslam D.R. Individual differences in pain threshold and level of arousal // *British J. of Psychology*.- 1967 -58- P. 139-142
18. Haslam D.R. Individual differences in pain threshold and level of arousal // *British J. of Psychology*.- 1967 -58- P. 139-142
19. Hill O.W. Psychogenic vomiting // *Cut.* 1968. 9. P.348-352.
20. Johnson St. Osobowosc symbiotyczna i jej leczenie. Warszawa: Jacek Santorski & Co Agencja Wydawnicza. - Warszawa, 1993. - 189 c.
21. Jurko M. F., Andry O.J. Gastrointestinal pain and electroencephalographic abnormality in adults // *Intern. J. of Neuropsychiatry*.-1966.-2.-P.212-215.
22. Kajtor F., Kaszas T. Epileptiform EEG changes in the syndrome of periodic abdominal pain // *Acta Medica Academiae Scientiarum Hungaricae*.-1966.-22.-P.309-324.
23. Knopf O. Preliminary report on personality studies in thirty migraine patients III. *Nerv. Ment. Dis.*- 1935,82, 270.-P.400.
24. Krakowski A.J., Krakowska A.J. Odległe badania katamnesticzne mechanizmow adaptacyjnych w naglych i ostrych chorobach serca // *Psychiatr. Polska*.-1977.- t.XI, No.3.-S.271- 275.
25. Lance J.W. Mechanism and management of Headache.- London, Boston: Butterworths, 1978.-254 c.
26. Lance J.W., Bogduk N. Pain and Pain Syndromes including headache // *Current neurology*. -,vol. 4 (Ed. S.H. Appel).- Sydney: Y. Wiley and sons, 1982.- P. 159-200.
27. Levine F.M., Tursky B., Nichols D.C. Tolerance for pain, extraversion, and neuroticism: failure to replicate results // *Perceptual and Motor Skills*.-1966.-23.
28. Menninger K.A. Man against Himself.- New York: Harcourt & Brace, 1938.
29. Merskey H. & Spear F.G. Pain: Psychological and Psychiatric Aspects.- London: Bailliere, Tindall & Cassell, 1967.
30. Merskey H. The characteristics of persistent pain in psychological illness // *J. of Psychosomatic Research*.- 1965.- 9.- P. 198-291.
31. Merskey H. Psychological aspects of pain // *Pain: clinical and experimental perspectives*. Ed. by M. Weisenberg.- Saint Louis: The C.V. Mosby Company, 1975.- P. 24-35.
32. Merskey H. Psychiatric patients with persistent pain // *J. psychosom. Res.*- 1965.- 9, 299.
33. Merskey H. An investigation of pain in psychological illness. D.M. thesis.- Oxford, 1964.
34. Moldofsky H., Chester W.J. Pain and mood patterns in patients with rheumatoid arthritis. A prospective study // *Pain: clinical and*

- experimental perspectives. Ed. by M-Weisenberg. - Sant Louis: The C.V. Mosby Company, 1975.-P. 341-348.
35. Moos R. Personality factors associated with rheumatoid arthritis: a review // J. Chron. Dis.-1964.-17- P. 41-55.
 36. Nemiac J.C., Sifneos P.E. Psychosomatic illness: a problem of communication// Psychother. Psychosom.- 1970.- 18, 154.
 37. Papatheophilou R., Jeavons P.M., Disney M.E. Recurrent abdominal pain: a clinical and electroencephalographic study // Developmental Medicine and Child Neurology.- 1972.-14.- P.31-44.
 38. Petrie A. Individuality in Pain and Suffering.- Chicago, ILL.: Univ. Chicago Press, 1967.
 39. Pilling L.F., Brannic T.L. and Swenson W.M. Psychologic characteristics of psychiatric patients having pain as a presenting symptom// Canadian Med. Assoc. J.-1967.-97.- P.387-394.
 40. Pilling L.F., Swenson W.M., Hill J.R. The psychologic aspects of proctalgia funax// Canadian Medical Association Journal.-1967.-97.- P.387-394.
 41. Rose A. Anxiety and pain// Medical Trial Technique Quaterly.-1970.- 17.-P.147-155.
 42. Schultz N.V. How children perceive pain// Pain: clinical And experimental perspectives. Ed. by M-Weisenberg.- Sant Louis: The C.V. Mosby Company, 1975.- P.105-110.
 43. Sifneos P.E. The prevalense of alexithymie characteristics in psychosomatic patients// Psychother. Psychosom.-1973.-No.22.-P. 255-262.
 44. Spear F.G. A study of pain as a symptom in psychiatric illness. M.D. thesis.- Bristol University, 1964.
 45. Tinling D.C., Klein R.F. Psychogenic pain and aggression: the syndrome of the solitary hunter// Psychosom. Med.-1966.-28.-P.738-748.
 46. Wolf H.G. Headache and other Head Pain.- London: Oxford University Press, 1948.

Поступила в редакцию 15.09.97г.

Крейдун Н.П.
Крамченкова В.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ.

У статті викладаються результати експериментально-психологічного дослідження особистісних особливостей жінок-наркоманів, а також досліджуються деякі факти, що сприяють розповсюдженню наркотиків.

Актуальность исследования проблемы употребления и распространения наркотиков, не нуждается в дополнительной аргументации. Увы, но мы вынуждены констатировать сегодня резкий рост числа людей, употребляющих наркотики, увеличение количества преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, а также, к сожалению, "омоложение" наркомании. Все эти факты свидетельствуют о том, что данная проблема имеет общесоциальное значение и не ограничена только чисто научными рамками.

В исследовании данной проблематики накоплен достаточно большой материал, но мы отмечаем, что оно велось, в основном, в русле изучения физиологической зависимости, в то время, как психологические аспекты наркомании освещены недостаточно. Так как в структуру наркомании входят два основных компонента: психическая зависимость - пристрастие и физиологическая зависимость - привыкание, а пристрастие формируется первым, то логичным будет предположение о том, что основные причины употребления наркотических веществ - это причины социально-психологического характера. Среди них мы выделяем особенности взаимоотношения с социумом, специфику осознания себя как представителя этого социума /при этом мы под социумом понимаем микро и макросоциальное окружение субъекта/, а также совокупность индивидуально-психологических характеристик личности.

Нами было проведено исследование, направленное на определение содержания и выявления особенностей вышеперечисленных параметров у лиц, употребляющих и распространяющих наркотики. В исследовании принимали участие женщины в возрасте от 25 до 45 лет, отбывающие наказание в исправительно-трудовом учреждении, за преступления, сопряженные с употреблением и распространением наркотиков. В исследовании применялся целый комплекс методик, среди которых: проективная методика "Автопортрет", социально-психологический опросник "Я -

Семья - Коллектив - Общество - Риск - Друзья" / ЯСКОРД /, определяющий социальные установки и систему ценностных ориентаций личности, методика исследования творческого воображения. В состав контрольной группы входили женщины того же возраста. Всего в исследовании приняло участие более 60 женщин.

Остановимся на анализе полученных результатов.

1. Ценностные ориентации и социальные установки. Практически по всем параметрам выявлены значимые различия в результатах делинквентов и контрольной группы, что свидетельствует о различиях в системе ценностных ориентаций и социальных установок в этих группах.

Наиболее яркие отличия фиксируются по шкалам "Я - я", "Я - Коллектив, Я - Общество" и "Риск":

- результаты по параметру "Я-я" в группе наркоманов свидетельствуют о дискомфорте, являющимся отражением внутриличностного конфликта между стремлением к нормативному поведению и негативными установками к объектам социума. У распространителей наркотиков по этой шкале фиксируются трудности в установлении социальных связей, недостаток понимания и адекватного отклика на их стремления;
- результаты по параметру "Я-Коллектив" констатируют наличие негативных установок женщин-делинквентов к труду как таковому, превалирование потребительских мотивов, отсутствие навыков, знаний, умений, плохую социальную адаптацию;
- по параметру "Я-Общество": у наркоманов и распространителей наркотиков зафиксировано наличие антисоциального мировоззрения. Превалирование монологической направленности в установках может свидетельствовать о том, что процесс взаимодействия с различными социальными объединениями строится по принципу, направленному на сохранение себя как организма, т.е. "я в этом мире, но мир не для меня". Это получило дополнительное подтверждение при изучении уровня субъективного контроля, где четко фиксировалась интернальность в области здоровья у наркоманов /80%/;
- оценка психоэмоционального напряжения по шкале "Риск" у делинквентов намного выше, чем в контрольной группе, что связано с нарушением психической адаптации к социуму, вследствие внешнего и внутреннего конфликта.

2. Для исследования особенностей осознания себя в работе применялась методика "Автопортрет". Так как методика проективная и дает комплексную оценку субъекта, представляется возможным выделить наиболее значимые и часто встречающиеся характеристики. У

женщин-делинквентов отсутствует обращенность к настоящему и будущему, что может свидетельствовать об отсутствии жизненной перспективы. Выявлены чувства неполноценности и вины, причем в группе наркоманов более высок показатель неполноценности, а в группе распространителей наркотиков - вины.

У женщин - наркоманов отмечено стремление контролировать свои телесные импульсы и зависимость, что связано с наркотизацией. У распространителей наркотиков зафиксировано отсутствие жизненной основы, что указывает на нестабильность эмоционально-волевой сферы. Высокая тревожность у делинквентов может быть следствием специфики адаптации к социуму. Дополнительное подтверждение это получило при изучении уровня и направленности тревожности. Зафиксирован высокий уровень личностной тревожности и ее невротическая направленность.

3. Анализ особенностей творческого воображения.

Хорошо известно, что воображение играет большую роль в жизнедеятельности человека. Именно благодаря ему он способен "построить" внутренний план своей деятельности, предвидеть ее результаты, проанализировать способы достижения поставленных перед собой целей. Для изучения особенностей воображения нами была использована методика, которую условно можно отнести к разряду проективных /1/, дающих относительно большую свободу в интерпретации полученных результатов. Мы же в исследовании выделили только один параметр "богатство - бедность" воображения и оценивали его по пятибалльной шкале. Рисунки, представленные нам для анализа, женщинами - наркоманками и распространительницами наркотиков в большинстве своем /98%/ свидетельствовали о неразвитости творческого воображения. Это, по нашему мнению, свидетельствует и невозможности предвидеть результаты своей деятельности, отсутствии гибкости в решении критических жизненных ситуаций, преобладании стратегии выжидания или "ухода" при столкновении с такими ситуациями.

Таким образом, наше исследование зафиксировало ряд отличительных особенностей в личностных характеристиках наркоманов и распространителей наркотиков в сравнении с аналогичными у просоциальных женщин.

Мы считаем целесообразным использование результатов данного исследования в составлении программы профилактики наркомании и делинквентного поведения. Особое внимание необходимо обратить на раннюю профилактику, ибо "общество стареет, а наркомания молодеет"/2./. В этой программе особое место должна занять работа по развитию творческого воображения детей и подростков.

Литература:

1. Практикум по общей психологии. Под ред. Щербакова А.И. М., 1979

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.

У статті розглянуто особливості особистого цілетворення, що є основою для оцінки найближчих і віддалених перспектив життєвого шляху особистості.

В теории и практике современных научных исследований накоплен определенный опыт изучения различных аспектов проблемы целеполагания. Как показывает обзор литературы, наиболее систематизированно этот вопрос рассматривался в философии. Яценко А. И., Загороднюк В. Н. и другие авторы анализируют закономерности и механизмы целеполагающей деятельности, указывая, что "сущностью деятельности является целеполагание. Цель определяет содержание и направленность деятельности..."[6,с.145]

В психологических исследованиях целеполагание изучалось в учебной деятельности. Проблема же личностного целеполагания - новая в психологии. «Понятие цели в концепции деятельности не соотносено с представлением о человеке как личности, а имеет отношение лишь к представлению о человеке как субъекте деятельности. Проблема же личностного целеполагания остается по существу за пределами внимания возрастной психологии,» - отмечает А. К. Дусавицкий, указывая, что Н. Н. Толстых по существу первая начала изучать механизмы целенаправленной деятельности личности в подростковом и юношеском возрасте. [2,с.113-114]

Обращаясь к юности, отметим, что один из психологических критериев личностной зрелости юношества - формирование жизненной перспективы, готовность к личностному и профессиональному самоопределению. Однако, общепринятое положение о том, что обращенность в будущее является основной чертой старшеклассников, что жизненные цели и планы составляют «аффективный центр» жизни юношества, не означает, что это возрастное новообразование происходит в соответствии с некими возрастными законами развития. Напротив, процесс самоопределения, как правило, осложнен как психологическими трудностями, характеризующими юношеский возраст, так и особенностями социальной ситуации.

Отметим, что психологическая готовность к самоопределению предполагает формирование определенных психологических образований и механизмов. В частности речь идет о необходимости формирования психологических механизмов, обеспечивающих процесс целеполагания: способности к сознательно - волевой саморегуляции поведения, умении противостоять стихийно возникающим желаниям, роста самосознания, развития рефлексии. Важным условием является также переход от ориентировки на внешние оценки к ориентировке на самооценку.

Отметив актуальность исследования личностного целеполагания в юношеском возрасте, рассмотрим некоторые аспекты современного состояния проблемы целеполагания. Понятие "цели" становится одним из центральных понятий той психологической науки, которая исследует сознательную деятельность человека в качестве основного объекта изучения. Сущность целеполагания определяется самим понятием деятельности. Приведем определение А.Н.Леонтьева: "Деятельность - внутренняя (психическая) и внешняя (физическая) активность человека, регулируемая сознаваемой целью... Цель представлена в мозгу образом, динамической моделью желаемого будущего результата деятельности. Именно с этой моделью желаемого (потребного) будущего результата деятельности сопоставляются фактические результаты действия." [4, с.94-104] Деятельность, по описанию А.Н.Леонтьева, осуществляется определенной совокупностью действий, подчиненных частным целям, которые выделяются из общей цели - осознанного мотива, превращающегося благодаря его осознанности в мотив-цель.

Каким же образом сознательно поставленные человеком цели, намерения приобретают побудительную силу, то есть становятся мотивами поведения? Как указывает А.Н.Леонтьев, вопрос о целеобразовании - большая психологическая проблема, процесс субъективного выделения целей почти не изучен.

Известно однако, что, по мере выделения целей и формирования подчиненных им действий происходит как бы расщепление прежде слитых в мотиве функций. Непосредственно - побуждающая функция продолжает сохраняться за мотивом. Функция направления побуждает к выделению цели, адекватной задаче. Следовательно, «мотив должен теперь выступать уже в другой функции - целеполагания (стремления к определенной цели), то есть в смыслообразующей функции.» [1, с.10-11]

Отметив содержательную сторону целеполагания, обратимся к исследованию стадий целеполагающего процесса. А.Кроник указывает: «На этапе целеполагания четко различаются две относительно самостоятельные стадии: ориентировки, или афферентного синтеза, и стадию выбора цели (принятия решения).» [3, с.27] Стадия ориентировки способствует сбору и переработке информации индивидом о себе и об

окружающей среде. Далее, на основе имеющегося образа начальной ситуации, субъект принимает решение относительно цели деятельности, то есть происходит выбор объекта, к достижению которого деятельность будет направлена.

Итак, проблема целеполагания исследуется в психологии деятельности. Однако, как замечает С.Л.Рубинштейн, изучение психологии деятельности по существу является изучением психологии личности в ее деятельности - ее мотивов, целей, задач. «Поэтому изучение психологии деятельности естественно и закономерно переходит в изучение свойств личности - ее установок, способностей, черт характера, проявляющихся и формирующихся в деятельности.»[5,с.237]

К вышесказанному добавим, что исследования характера целеполагания, имея самостоятельную ценность, в полной мере могут быть теоретически осмыслены лишь в контексте их сопоставления с исследованиями о развитии интересов и идеалов на рассматриваемом возрастном этапе.

Обобщая вышеуказанные теоретические представления по проблеме целеполагания, отметим значимость изучения личностного целеполагания, в частности в юношеском возрасте, а также то, что психологические механизмы целеполагания изучены недостаточно. В связи с этим в настоящее время в Харькове проводится психологическое исследование, цель которого - изучение целеполагания в юношеском возрасте. Работа ведется в лицах, различающихся естественнонаучной и гуманитарной направленностью. В заключение укажем задачи исследования.

- Построение модели идеала целеполагания и структуры целеполагания.
- Исследование проблемы внутренних конфликтов, возникающих из специфики деятельности в зависимости от естественнонаучной и гуманитарной направленности.
- Работа по созданию благоприятных условий для развития личности.

Литература

1. Дусавицкий А.К. Мотивы учебной деятельности студентов. - Харьков, ХГУ, 1987г.
2. Дусавицкий А.К. Развитие личности в учебной деятельности. - М., «Дом педагогики», 1996г.
3. Кроник А.А. К проблеме целеполагания: критерий личностного и рефлексивного выбора. - Киев, 1977г.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М., «Издательство политической литературы», 1977г.

5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - М., «Педагогика», 1989г., т.2.
6. Яценко А.И. Целеполагание и идеалы. - Изд. «Наукова думка», 1977г.

Поступила в редакцию 15.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Логвинова Н.Ю.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.

Проблема дослідження ціннісно-сміслової сфери особистості має особливе значення в умовах соціально-економічних трансформацій суспільства. Аналіз результатів свідчить про абсолютну привабливість цінностей, які складають інтимно-особистісну сферу людини. Декілька виявлених цінностей мають конфліктне забарвлення, до них відносяться - "кохання", "гроші". Цінності "свобода" та "активність" є носіями компенсійних факторів. Ціннісно-орієнтаційна сфера людини представлена блоками, зв'язки в яких мають причинно-наслідковий характер.

В настоящее время, проблема функционирования ценностно-ориентационной сферы личности имеет особую актуальность, поскольку изменение экономических, исторических и социальных условий, как правило, влечет за собой и изменение ценностных образований, как на общественном, так и на индивидуальном уровнях. Социально-экономические трансформации в обществе, которые наблюдаются в последнее время, порождают, в определенной мере, кризис ценностей, который выражается в разрушении традиционных ценностей и стремлении личности к обретению новых.

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей строения и функционирования ценностно-ориентационной сферы личности, в условиях "жизненных перемен".

Было обследовано 30 испытуемых, где 81% составили мужчины и 19% - женщины. По возрастным группам они распределились следующим образом: 20 - 30 лет - 61%, 30 - 40 лет - 28%, 40 - 50 лет - 11%. В исследовании использовались: модифицированный вариант методики диагностики ценностных ориентаций М.Рокича и цветовой тест отношений Д.Эткинда.

Анализ результатов исследования свидетельствует о том, что абсолютно привлекательными являются ценности, представляющие интимно - личностную сферу личности: "здоровье", "семья", "любовь", "друзья". При этом, три из них, а именно: "здоровье", "семья" и "друзья", являются и субъективно наиболее доступными. Данное явление свидетельствует о наличии связи между значимостью и доступностью ценности, т.е. у испытуемых отмечается идентичность зоны "наибольшей привлекательности" и зоны "наибольшей доступности".

Ряд выявленных ценностей имеют конфликтную окраску. К ним относятся "любовь" и "деньги", оказавшиеся в зоне "наибольшей привлекательности" ("любовь" занимает 3 позицию, а "деньги" - 5 место) и одновременно, отнесенные к абсолютно недоступным (11 и 10 место соответственно).

Согласно полученным результатам исследования, ценности "свобода" и "активная деятельная жизнь" являются, по-видимому, носителями компенсаторных функций (в иерархии ценностей по привлекательности они занимают 9 и 10 места соответственно, а в иерархии ценностей по доступности они представлены на 1 и 5 позиции). Причем, следует отметить, что большей конфликтностью обладает ценность "любовь", о чем свидетельствует максимальная полярность ее месторасположения в иерархиях ценностей по "привлекательности" и по "доступности".

Конфликтность ценности "деньги" возможно связана с негативными социально-экономическими условиями в стране, отсутствием реальных возможностей улучшить свое материальное положение. Естественным следствием является то, что на первый план выходит стремление повышения своего материального благополучия, а удовлетворение базовых духовных потребностей человека вытесняются. Базовая, одна из центральных потребностей человека в "любви" не находит своего адекватного удовлетворения, что делает ее конфликтогенной, и является, в свою очередь, причиной трансформаций внутреннего мира человека. Последнее, выражается в ощущении постоянной нехватки "человеческого тепла", понимания, сочувствия, сопереживания, в целом, дефиците положительных эмоций.

Одним из способов компенсации недоступности данных ценностей явилась ценность - "свобода" (она трактовалась испытуемыми, не как независимость в поступках и действиях, а как независимость, от желаний, поскольку реализация их не возможна), что свидетельствует о снижении уровня притязаний, упрощении строения мотивационной сферы личности, регрессивной направленности в поведении. Содержание ценности "активная деятельная жизнь", по-видимому, носит неопределенный характер и сопровождается чувствами неуверенности, напряженности, некоторой

взвинченности, тревожности и т.д. Причем, изначально, отношения между двумя данными ценностями носит амбивалентный характер.

Анализ результатов проведенных исследований свидетельствует о том, что в ценностно-ориентационной сфере личности имеют место четыре автономных смысловых блока, представленные ценностями, которые по мнению испытуемых семантически близки, а следовательно, идентифицируются в их сознании друг с другом.

Первый блок представлен ценностями "мир" и "свобода". 35% считают их семантически близкими понятиями. Имеет место двусторонняя связь: с одной стороны, ситуацию мира большинство людей воспринимают, как максимально благоприятную для реализации их личных свобод. А с другой - максимальная личная свобода возможна лишь в мирном, спокойном и благополучном государстве.

Второй блок представлен четырьмя ценностями. Центральное положение занимает ценность - "работа", которая является исходной для ценностей "деньги" (35%) и "уверенность в себе" (53%), и сама по себе, является результирующей ценностей : "активность" (29%) и "уверенность в себе" (53%). Как правило, стабильную работу имеют люди, которые уверены в себе, в своих силах и возможностях. И наоборот, неуверенный человек испытывает большие трудности в поиске работы. При этом, если человек имеет работу, которая обеспечивает ему материальное благополучие, то он субъективно обязательно будет ощущать уверенность как в себе, так и будущем. А любая работа предполагает в той или иной мере активность человека, физическую или интеллектуальную, а также их сочетание.

Третья модель также представлена четырьмя ценностями. Центральным понятием является "признание", которое связано с одной стороны с "любовью" (25%), с другой - с "удовольствием" (41%) и "здоровьем"(35%). Данная взаимосвязь может быть объяснена множественностью семантических значений ценности "признание". С одной стороны, человек получает духовное удовлетворение, а следовательно и удовольствие от общественного признания, которое можно достичь, обладая здоровьем, необходимым для ведения активной деятельности. С другой стороны, любовь к близкому человеку - это обязательно его признание, как автономной, самодостаточной, развивающейся личности, предполагающее получение удовольствий, как духовных, так и физических, которые возможны в полном объеме при наличии психического и физического здоровья личности.

Четвертый блок представлен ценностями "семья" и "друзья", которые 29% испытуемых считают семантически близкими. В повседневной жизни, каждая семья имеет близкое окружение или друзей, с которыми она, образно говоря, образует "социальную семью", содружество единомышленников, с общими интересами, взглядами на жизнь и т. д.

Обращает внимание тот факт, что связи между ценностями в блоках носят причинно-следственный характер, а также отражают стереотипы восприятия окружающего мира, распространенные в обыденном сознании людей, составляющих современное общество.

Полученные результаты имеют теоретическое и прикладное значение для общей и социальной психологии, поскольку позволяют уточнить некоторые современные представления о строении и функционировании ценностно-ориентационной сферы личности, в современных социально-экономических условиях.

Поступила в редакцию 23.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Мельник И.М.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ "ПАМЯТЬ И ОБЩЕНИЕ" С ПОЗИЦИЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

У роботі розглядаються основні положення інтенціонального підходу та можливості його використання для вивчення не тільки проблеми "Пам'ять та особистість", але й проблеми "Пам'ять та особистості, що спілкуються". Подані результати експериментального дослідження цієї проблеми, які підтверджують правомірність використання інтенціонального підходу для вивчення протікання мнемічних процесів у ситуації спілкування.

Традиционный в объяснении психологической природы и механизмов памяти всегда была ретенционная (следовая) теория, в соответствии с которой запоминание рассматривалось только как продукт предшествующего действия, как "след" того, что было в опыте индивида. В последнем десятилетии на кафедре психологии Харьковского университета стал применяться новый подход в исследовании процессов памяти, который предложил, теоретически обосновал и разработал Г. К. Середа [3]. Этот, так называемый "интенциональный" [целевой], подход к объяснению психологической природы и механизмов человеческой памяти позволяет рассматривать память не как "след" того, что было, а как процесс, который отбирает из того, что было, то, что нужно будет. Центральным объяснительным принципом этого подхода является понятие "ориентации на будущее" которая является системоорганизующим фактором всей системы индивидуального опыта. Такая временная ориентация определяет целевую и мотивационную "энергетику" всех наших действий, хотя может и не осознаваться субъектом как временная установка, т. к.

сознанию она открывается не в "темпоральных", а в смысловых отношениях. В противовес "ретенциональному" т. е. следовому походу, который трактует память как продукт предыдущей деятельности, интенциональный подход рассматривает память прежде всего как условие достижения будущей деятельности (т. е. опыт для будущего). Сама фиксация прошлого, с этой точки зрения, есть функция ориентации на будущее [4].

Используя интенциональный подход для исследования проблемы "Память и личность" Г. К. Середя сформулировал два основных положения:

1. Функция организации индивидуального опыта, которая осуществляется памятью, подчиняется "вышним, руководящим системам", т. е. мотивационно-смысловым образованиям личности. Значит, основной фактор развития и формирования памяти идет сверху "от личности".
2. Вместе с тем, "высшие инстанции", которые управляются за счет своих элементов, не только себя реализуют, но и преобразуются, потому что части, в свою очередь, несут в себе определение целого, т. е. сами личностные установки могут изменяться в зависимости от того, что запоминается. В этом проявляется индивидуальный опыт личности.

Изложенная выше теоретико-методологическая концепция позволяет по-иному посмотреть не только на проблему "Память и личность", но и на проблему "Память и общающиеся личности".

Общение - это сложный многоуровневый процесс установления и развития контактов между людьми, который включает с себя, во-первых, обмен информацией, во-вторых, восприятие и понимание другого человека, в-третьих, выработку стратегий взаимодействия [1]. Установки личности, ее мотивационно-смысловые образования организуют и направляют процесс межличностного взаимодействия. В ситуации общения, возникающие субъект-субъектные отношения обеспечивают индивидам овладение опытом, вырабатываемым как совместно, так и индивидуально каждым субъектом общения. Этот опыт подчиняется мотивационно-смысловым образованиям личностей, который в процессе общения может проявляться как содействие, так и как противодействие. Общение органично "вплетено" в процесс совместной деятельности, оно пронизывает весь этот процесс. Не только личностные особенности участников общения влияют на него, но и само общение может детерминировать психические процессы (память в том числе), влияя на познавательную активность общающихся субъектов. Это было получено в ряде наших предшествующих работ по проблеме "Память и общение" [2].

В данной работе была поставлена задача исследовать специфику протекания мнемических процессов в ситуации общения. Основным

теоретико-методологическим принципом исследования явилось использование конструктивных возможностей интенционального подхода для изучения проблемы "Память и общающиеся личности".

Для реализации поставленной задачи была разработана специальная экспериментальная процедура, направленная на изучение эффекта памяти в общении при специально задаваемой ориентации на будущее. Процесс общения происходил на диадах. Нас интересовал вопрос о зависимости запоминания от наличия или отсутствия ориентации на будущее. Участникам общения предъявлялся список возможных дел и занятий [17 наименований] и предлагалось каждому составить для себя идеальный режим дня, используя предложенный "фактический" методический материал. На следующем этапе исследования все экспериментальные диады были разделены на 3 группы, в зависимости от наличия или отсутствия у них установки на будущее, т. е. искусственно задавалась или нет ориентация на будущую деятельность. Эта ориентация обеспечивалась следующей инструкцией: "Вы должны, составляя свой список идеального режима дня, иметь в виду, что потом Вам надо будет аргументировать свой вариант и, по возможности, убедить Вашего партнера по общению принять этот вариант как идеальный для вас обоих". В первой группе установка на будущее [УБ] задавалась обоим членам диады, во второй группе УБ задавалась только одному члену диады, а в третьей группе УБ не задавалась ни одному из участников общения в диаде.

Результаты воспроизведения обнаружили убедительную картину закономерной зависимости продуктивности запоминания материала от задаваемой в эксперименте ориентации на будущее.

- 1 группа [все с УБ] - 95% воспроизведения
- 2 группа [все без УБ] - 51% воспроизведения
- 3 группа [часть с УБ и_ 92%
часть без УБ] 25% воспроизведено соответственно

Таким образом, задаваемая установка на будущее детерминирует мнемический эффект действия общающихся субъектов

Естественно, что какая-то смысловая ориентация на будущее возникает у испытуемого "сама собой" и в случае, когда она в эксперименте специально не задается [этим и объясняется тот факт, что "что-нибудь" запоминается всегда], но и возможность специального управления этим процессом как раз и вскрывает определяющую, а не вспомогательную функцию ориентации на будущее, как системообразующего фактора человеческой памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - : Изд-во "Наука", 1984. 445 с.

2. Мельник И. М. О методических принципах исследования памяти в ситуации общения. - Харьков, "Вестник Харьковского ун-та", изд-во "Основа". 1990. С. 25-28, N 344
3. Серета Г. К. Проблема "Память и личность" - "Вестник Харьковского ун-та", Харьков, изд-во "Основа", 1990. С. 18-22
4. Серета Г. К., Мельник И. М., Андрущенко Е. В. Временная организация действия и память. Сб. "Проблемы психології часу". Тези доповідей Міжнар. конференції. м. Одеса. 1995. С. 110-111

Поступила в редакцию 15.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Невоенная Е.А.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ПАМЯТИ.

Стаття знайомить з результатами порівняльного сучасного дослідження розвитку процесів довільного запам'ятовування та відтворення дошкільників в різних європейських культурах.

Отправной точкой нашего исследования было расхождение, несовпадение экспериментальных данных, полученных З.М. Истоминой [2], и современных данных, полученных на детях Западной Европы [4]. Расхождение результатов выше названных исследований стимулировало постановку проблемы относительно выявления причин такого несовпадения, выяснения особенностей развития памяти детей-дошкольников от 3-х до 7-ми лет в изменившихся исторических и культурных условиях. З.М. Истомина обнаружила, что в раннем дошкольном возрасте процессы памяти являются произвольными и их развитие всецело зависит от того вида деятельности, в составе которого они осуществляются. В своем исследовании З.М. Истомина показала, что в среднем дошкольном возрасте процессы запоминания и воспроизведения перестраиваются в специальные внутренние действия, то есть становятся произвольными. Причем, игровая деятельность и деятельность практическая по выполнению поручения значительно улучшают как количественный показатель, так и качественные различия процессов памяти. Этот факт З.М. Истомина объясняет различиями в мотивах деятельности ребенка.

Проведенное в 1987 году исследование Шнайдера и Бруна на немецкоговорящих детях и полученные ими данные не согласуются с результатами работы З.М. Истоминой. Во-первых, Шнайдер и Брун показали, что у младших дошкольников довольно хорошо развита

произвольная память, на что указывает "хорошая способность к запоминанию" [4, с.333], а во-вторых, по сравнению в условиях лабораторного эксперимента, в игре дети не воспроизводят лучше. То есть, Шнайдер и Брун показали, что дошкольники 4-6 лет способны к произвольному запоминанию как в игровой, так и в типично лабораторной, экспериментальной обстановке, причем запоминают одинаково хорошо в обеих ситуациях. И, наконец, их результаты не подтвердили вывод З.М. Истоминой о том, что память у детей значительно улучшается в условиях более содержательной мотивации. Отметим также, что ряд других исследований, проводимых на Западе и повторяющих эксперименты З.М. Истоминой, также не повторил полученные ею результаты [5].

Возникает вопрос: что же влияет на различие в полученных результатах? Мы предположили, что может быть несколько причин такого расхождения. Это может быть связано с различиями в социальных и культурных условиях, акселерацией, точностью соблюдения процедуры исследования. Кроме того, возникает также вопрос о том, будут ли получены такие же изменения у современных русскоговорящих детей. Наша исследовательская работа имела все возможности разрешить разногласие между предыдущими исследованиями с учетом тех требований и условий, которые были выдвинуты Шнайдером и Бруном (в частности ряд методических недочетов, допущенных З.М. Истоминой). В соответствии с этим, перед нами стоит задача сравнения полученных нами результатов с данными W.Schneider & H. Brun и других западных авторов. Нами было отмечено, что существует ряд различий в ходе экспериментов, проведенных З.М. Истоминой и W. Schneider & H. Brun [3], что несколько затрудняет возможность сравнения результатов обоих исследований и выводов из них. К тому же, З.М. Истомина изучала эффективность памяти в практической деятельности (при выполнении поручения взрослого) [1], где было показано, что мотивация играет существенную роль в запоминании. В своем исследовании W. Schnider & H. Brun дважды повторили экспериментальную процедуру З.М. Истоминой. Первый раз - как это делала З.М. Истомина, а другой раз - более строго, без повторений стимульного ряда. Полученные западными учеными показатели эффективности запоминания в лабораторном эксперименте и в игровой деятельности оказались выше, чем полученные З.М. Истоминой. Напомним, что в нашем исследовании мы следовали строгой методической процедуре: не повторяли стимульный ряд, не вывешивали картинки-подсказки и т.д. Результаты нашего исследования оказались значительно выше результатов З.М. Истоминой, но они были выше и данных, которые получены W. Schneider & H. Brun.

Таблица 1

**Соотношение показателей эффективности запоминания и
воспроизведения в разных видах деятельности**

Возраст (лет)	Лабораторный эксперимент			Игровая деятельность		
	Среднее количе- ство слов	по Истоминой	по Schneider & Brun	среднее количе- ство слов	по Истоминой	по Schneider & Brun
3-4	2.0 2.2	0.6 1.05	1.59	2.3 2.7	1.0 2.0	2.08
4-5	2.4	1.5		3.1	3.0	
5-6	3.6 4.0	2.0 2.5	2.53	3.9 3.95	3.2 3.5	2.79
6-7	4.4	2.3		4.0	3.8	

После проведения эксперимента № 1, который полностью повторил работы З.И. Истоминой, W.Schneider & H.Brun пришли к выводу, что продуктивность памяти в условиях игры значительно лучше, чем в условиях урока (уроком немецкие авторы называют лабораторный эксперимент). W.Schneider & H.Brun считают, что смогли повторить большинство истоминских открытий, несмотря на то, что уровень продуктивности памяти был выше, но пропорциональные различия между игрой и экспериментом (уроком) были такими же (у Истоминой - 1.8, а у немецких авторов соотношение варьировалось между 1.5 и 2.2 в зависимости от возраста испытуемых). Но W. Schneider & H.Brun считают, что значительно лучшему воспроизведению во время игры способствовала недостаточно точно контролируемая процедура исследования. Возможность обратиться к экспериментатору с просьбой полностью повторить уже прочитанное ранее показывает, что в условиях игры продуктивность памяти в этом виде деятельности оказалась выше. W.Schneider & H.Brun в начале своей работы отмечают, что память маленьких детей значительно улучшается мотивационным содержанием [4, с. 333]. Но уже дальше они пишут, что в более мотивированных условиях игры, дети чувствуют большую потребность запомнить все названия предметов, поэтому больше стараются, чем во время эксперимента и поэтому-то просят повторить стимульный ряд. Отсюда закономерным является то, что больше слов воспроизводят дети, которые прослушали список дважды. Влияние этого методического недочета было ликвидировано W.Schneider & H. Brun в эксперименте № 2, где процедуры проведения исследования были уравнены. Во всех возрастных группах, среднее количество воспроизводимых слов было ниже, чем после проведения первого эксперимента (см. табл.2).

Соотношение показателей продуктивности запоминания и воспроизведения (по данным W.Schneider & H.Brun)

Возраст (лет)	Эксперимент 1		Эксперимент 2	
	Урок	Игра	Урок	Игра
4	1.63	3.56	1.59	2.08
6	3.06	5.46	2.53	2.79

Несмотря на то, что в эксперименте № 2 процесс запоминания в условиях урока был все же несколько лучше, чем в условиях игры, но как бы там ни было, данные воспроизведения в игровой деятельности оказались ниже для 6-летних, чем те, которые получила З.М. Истомина (см. табл. 1). W.Schneider & H.Brun отмечают, что большинство немецких детей, как им показалось, более заинтересованы во время игры, чем во время лабораторного эксперимента, что может повлиять на воспроизведение. Из этого немецкие исследователи делают вывод, что при четком соблюдении процедуры эксперимента, повторить исследования З.М. Истоминой оказалось невозможным. Как нам представляется, при сравнительном анализе с данными работы З.И. Истоминой, W.Schneider & H. Brun первоочередное внимание уделяли количественному показателю воспроизведения в условиях как игры, так и лабораторного эксперимента, в то же время они отмечали, что Истомина осуществляла очень детальное описание индивидуального поведения испытуемых и группы детей одного возраста в целом. В то же время, мы не находим подобного описания в работе W.Schneider & H.Brun. Более того, обращая внимание на соблюдение четкого экспериментального контроля, испытуемым W.Schneider & H. Brun предлагалось 8 наименований предметов вместо 5 (как у Истоминой). А при анализе динамики произвольного запоминания в условиях лабораторного эксперимента нами было показано, что в возрасте 3-4-х и 4-5-ти лет существуют ограничения кратковременной памяти. То, что, с одной стороны, немецкие исследователи пытались устранить ряд недочетов З.М. Истоминой, а с другой сделали такие изменения в экспериментальной процедуре, которые создают сложности в сравнении результатов обоих исследований и выводов из них.

Данные нашего исследования оказались ближе к данным J.Weissberg & S.Paris [5], полученные на американских дошкольниках 3-х-7-ми лет. В этом исследовании недочеты экспериментальной процедуры, применяемой З.М. Истоминой, были полностью исправлены приведением в соответствие порядка деятельности, использованием одних и тех же слов для всех испытуемых. J.Weissberg & S.Paris, как и W.Schneider & H.Brun, также обнаружили более высокий уровень осуществления запоминания, чем у Истоминой. Например, 3-4-летний ребенок в экспериментальной обстановке запоминает в среднем 2.8 слов (у нас 2.0), а 6-7-ми летний - 4.5 слова (у нас 4.4), но основной

результат работы J. Weissberg & S.Paris не подтвердил данных Истоминой, то есть в условиях игровой деятельности американские дети запоминали хуже, чем в экспериментальной ситуации. По нашим данным, запоминание в лабораторном эксперименте превосходит запоминание в игровой деятельности только в возрасте 6-7-ми лет, но мы отмечаем, что чем старше дошкольник, тем ближе результаты воспроизведения в лабораторном эксперименте и игре. В отличие от W.Schneider & H.Brun, которые приводят лишь количественные данные воспроизведения испытуемых и делают вывод о том, что результаты М. Истоминой не подтверждаются, J.Weissberg & S.Paris причины различий в уровне воспроизведения в игре и лабораторном эксперименте пытаются объяснить тем, что в условиях эксперимента уже около половины 3-х летних детей и даже больше пытаются повторить вслед за экспериментом список предлагаемых слов, причем в лабораторной обстановке повторение носит четко выраженный внешний характер. Это, по мнению авторов, показывает, что использование такого приема обязательно соответствует лучшему воспроизведению, и не удивительно, что работа памяти осуществляется в общем лучше в условиях эксперимента. Качественный анализ результатов исследования J.Weissberg & S.Paris дает возможность поддержать вывод о том, что даже в возрасте 3-4-лет дети проявляют способность к произвольному запоминанию в условиях эксперимента. После проведения лабораторного эксперимента мы склонны к принятию такого же положения. В этом отношении наши данные близки данным J.Weissberg & S.Paris и не соответствуют выводам З.М. Истоминой о том, что дети в возрасте 3-х-4- лет не принимают цели запомнить материал произвольно. В общем, J.Weissberg & S.Paris делают вывод о том, что современные американские дети проявляют большие способности к запоминанию, чем советские дети 40 лет назад, в основном благодаря влиянию телевизора, иному подходу к дошкольному образованию и более взрослому поведению дошкольников, то есть благодаря ряду социальных факторов. В то же время, W.Schneider & H.Brun считают, что следует поставить под вопрос мнение о том, что результаты их исследований, З.М. Истоминой, J.Weissberg & S.Parig и других авторов могут быть воспроизводимы во всех странах, так как, например, существуют национальные отличия дошкольного образования, которые могут привести к различиям в поведении дошкольников. Так, устное повторение практически не наблюдалось в поведении немецкоговорящих детей, а американские дети, как указывают J.Weissberg & S.Paris, были знакомы с заданием на запоминание по выбору. Поэтому, возможно, американские дошкольники более успешно справляются с заданием на запоминание, как и дети в нашем исследовании, для которых зачаточные формы учебного действия в возрасте 3-4-лет являются привычными.

W.Schneider & H.Brun, пытаясь объяснить различие в результатах, предполагают, что, возможно, исследование J.Weissberg & S.Paris осуществлялось на очень способных детях, в то время как их испытуемые были среднего уровня. Но нам представляется, что если бы это имело место, то американские исследователи отметили бы этот факт. Так или иначе, на мы склоняемся к выводу, что результаты, полученные в современных исследованиях, в общем выше, чем это было полвека назад. Невоспроизводимость в исследованиях W.Schneider & H.Brun, J.Weissberg & S.Parig, и других авторов тех результатов, которые были получены З.М. Истоминой, не является следствием отличий в экспериментальной процедуре или свидетельством кросс-культурных различий, хотя это и оказывает некоторое влияние, так как результаты наших исследований также не совпадают с данными 50-летней давности и на русскоговорящих детях, хотя и процедура эксперимента была четко соблюдена с учетом всевозможных методических моментов, на которые указывают западные исследователи. Нам представляется, что невозможность повторения результатов З.М. Истоминой является, в первую очередь, свидетельством исторического развития памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Истомина З.М. К вопросу о развитии произвольной памяти у детей дошкольного возраста // Дошкольное воспитание, 1953, № 4. - С.31-39.
2. Истомина З.М. Развитие произвольной памяти в дошкольном возрасте // Известия АПН РСФСР, вып.14, 1948. - С.51-88.
3. Невоенная Е.А. К вопросу о методических принципах исследования процессов памяти у детей дошкольного возраста // Тезисы II Международных психологических чтений. - Харьков, 1995.
4. Schneider W. & Brun H. The role of context in young children's memory performance: Istomina revisited. - British J. of Devel. Psychol. 1987, 5, P. 333-341.
5. Weissberg J. A. & Paris S. G. Young children's remembering in different contexts: A replication and reinterpretation of Istomina's study. - Child Development, 57, P 1123-1129.

Поступила в редакцию 04.09.97г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТИ ДОШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Стаття знайомить з основними напрямками досліджень в галузі дитячої пам'яті, які набули свій розвиток у сучасній західній психології.

Начиная с 70-х годов, исследования памяти человека приобретают широкомасштабный характер на Западе. Предметом исследования стали проблемы строения кратковременной памяти, факторов забывания, предпринимаются попытки моделирования процессов памяти.

Что касается вопросов памяти детей дошкольного возраста, то одним из направлений изучения было описание недостатков запоминания у маленьких детей. Это направление получило свое развитие в рамках когнитивного подхода к изучению памяти [1]. Результаты исследований, проведенных в его русле, показали, что способы запоминания, которые используют старшие дети и взрослые, отсутствуют у маленьких детей, что, естественно, негативно влияет на воспроизведение. Младшие дошкольники ведут себя довольно пассивно, когда оказываются в ситуации запоминания.

Ответом на вопрос, почему маленькие дети не проявляют активности при запоминании, была формулировка "метамнемонической гипотезы дефицита" [3]. Согласно ей, дошкольники неспособны сознательно приспосабливать свою деятельность к мнемическим задачам, т.к. у них недостаточно знаний и они не владеют способами запоминания, которые и необходимы для осуществления функции памяти. "Метамнемоническая гипотеза дефицита" была подтверждена в ряде работ [3,4].

Другое направление современных исследований по вопросам памяти дошкольников получило свое развитие в 80-90 годах. Эта линия исследований о ранних мнемических способностях детей. Последователи описываемого направления считали, что причина, по которой память дошкольников была недооценена заключается в том, что предыдущие исследования опирались на такие методы, которые являются неблагоприятными и недостаточными, чтобы побуждать ребенка запоминать. Таким образом, эта новая линия исследований подразумевала другие условия проведения эксперимента, которые бы способствовали успешному запоминанию и воспроизведению. Таковым может быть вовлечение детей в деятельность для них привычную:

манипулятивные действия, структурирование окружающего мира, использование подсказок при нахождении знакомого предмета. Перечисленные и другие виды деятельности являются теми ее видами, которые улучшают понимание ситуации запоминания, а отсюда, и успешность воспроизведения.

В результате многочисленных исследований о достоинствах детской памяти были выявлены и описаны такие способности дошкольников, как развитие обычных привычек, овладение информацией об окружающем мире, накопление социального опыта [4, с.4].

За последние 10-15 лет появилась еще одна, третья линия исследований. Их предметом стали проблемы кросс-культурных различий, в том числе и у детей дошкольного возраста. В частности, западные психологи [5] обратили свой взор на вопросы, касающиеся проблем развития произвольной памяти, которые были поставлены и решены в советской психологии середины XX века с позиций принципа единства психики и деятельности. Новое отношение к изучению вопросов развития детской памяти было также связано с отсутствием подобных исследований на своем контингенте детей. К числу работ, проведенных в этом направлении, следует отнести исследования Schneider & Brun (1985,1987), Rogoff & Mistry (1985), Weissberg & Paris (1986), Wippich (1985) [5].

Надо сказать, что попытки повторения исследований, проведенных ранее, и на детях дошкольного возраста уже предпринимались на Западе, но не в рамках кросс-культурного подхода. Отправной точкой послужила идея Г. Никеля [1] о том, что существовавшую ранее на Западе гипотезу о трех видах памяти (механической, формальной и логической) в описываемый период времени (начало 70-х годов) вряд ли можно считать состоятельной. В своем исследовании, предпринятом с целью проверки выводов работы 1932 года Брунsvика, Гольдштейна и Пилека, Г. Никель пришел к выводу, что в младшем возрасте дети, как правило, заучивают в большей степени по смыслу, чем механически. Следуя идеи Э. Меймана (1914) о преимуществах механической памяти до подросткового возраста, Брунsvик и др., как указывает Г. Никель, давали несколько ложную оценку возрастным особенностям развития памяти детей, в связи с чем характеристика мнемических процессов не только дошкольников, но и младших школьников крайне обеднялась.

Что же касается проблемы кросс-культурных различий, то в исследованиях Weissberg & Paris - на англоговорящих детях, а у Schneider & Brun - на немецкоговорящих была предпринята попытка повторения экспериментов, проведенных в СССР З.М. Истоминой, относительно решения вопроса о развитии произвольной памяти у детей дошкольного возраста. Результаты экспериментов западных

ученых частично подтвердили ценность выводов, сделанных З.М.Истоминой. При этом были указаны различные причины невоспроизводимости результатов, полученных З.М. Истоминой. Разноречивость полученных западными учеными и советской исследовательницей данных послужила отправной точкой нашего исследования, причем с учетом тех требований и условий к экспериментальной процедуре, которые выдвинули Schneider & Brun [5].

В чем же заключен интерес западной психологии к работам советских психологов? Одна из причин, как нам кажется, заключается в том, что западные психологи с подозрением относятся к работам, проведенным учеными других культур и тем самым подвергают сомнению важность и значимость первоначально сделанных выводов. Большая заинтересованность в повторных работах заключается в том, что авторы понимают необходимость коренного изменения теоретических позиций, с которых проводится исследование [Лурия [2]. Для нас является важным то обстоятельство, что изучение "свойств" или "способностей" [2] испытуемых необходимо исследовать с учетом тех требований и условий, которые формируются в различно построенной общественной практике, культуре и истории народа. Именно поэтому, любое повторение проведенных уже работ должно иметь ссылку на те или иные теоретические концепции, согласно которым оно было выполнено впервые. Именно поэтому, в последние десятилетия на Западе при повторении работ советских психологов ссылаются на позиции советской психологии, в частности, на теоретические представления Л.С. Выгодского, А.Н. Леонтьева и др., из которых западные ученые хотели бы исходить [2, с. 234].

ЛИТЕРАТУРА

1. Истомина З.М. Развитие памяти. - М.: Просвещение, 1978.
2. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. - М.: Прогресс, 1977.
3. Flavell J.H First discussant's comments: What is memory development the development of? - Human development. 1971, 14, P.272-278.
4. Jagodzinska M. Memory of young children: passive or active? - Polish Psychological Bulletin. 1997, vol 28 (1) P. 003-018.
5. Shneider W & Brun H. The role of context in young children's memory performance: Istomaina revisited. - British J. of Devel. Psycholog. 1987, 5, P333-341.

Поступила в редакцию 04.09.97г.

ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: МОТИВЫ, БАРЬЕРЫ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Стаття присвячена дослідженню єврейської еміграції: її основних мотивів, бар'єрів, що стримують еміграційний потік, та деяких аспектів трансформації особистісної та соціальної ідентичності.

Евреи являются третьей по численности этнической группой Украины. Вместе с тем их удельный вес в общем количестве населения постоянно уменьшается. Согласно переписи 1959 года он составлял 2%, в 1970 году - 1,6%, в 1979 году - 1,3%, а в 1989 году упал до 0,9% или 486326 человек. Данное сокращение численности происходило под воздействием разных факторов, однако решающую роль в этом играла эмиграция (2). В 80-е годы правительство ограничивало эмиграцию, но с началом перестройки процедура выезда была либерализована. Эмиграция начала быстро расти: в 1987 году разрешение на выезд на постоянное место проживания в Израиль получили 3 тысячи человек, в 1988 году - 10 тысяч, в 1989 - 33,2 тысячи, в 1990 - 68 тысяч. В 1991 году эмиграция в Израиль несколько уменьшилась в связи с разгоранием войны в Персидском заливе. Ее последующее сокращение в 1992 и 1993 годах было связано с провозглашением независимости Украины и связанными с ним надеждами на улучшение жизни населения. Последующее разочарование и углубление социально-экономического кризиса привели к тому, что с 1994 года эмиграция вновь начала возрастать, причем среди стран въезда на первом месте по-прежнему оставался Израиль. Национальный состав отъезжающих начал фиксироваться органами госстатистики только с 1993 года и стало известно, что 48% всех эмигрантов с Украины составляют евреи. Таким образом, еврейская эмиграция с Украины (и других республик бывшего Советского Союза) - это крупномасштабное явление, серьезно изменяющее этническую ситуацию в странах выезда. Попытке разобраться в некоторых психологических аспектах данного явления было посвящено данное исследование, осуществленное благодаря финансовой поддержке программы Research Support Scheme Института открытого общества.

В данном исследовании предполагалось решить 3 основные задачи:

1. Выявить основные мотивы еврейской эмиграции и круг предпочитаемых для эмиграции стран.

2. Выявить основные объективные и субъективные барьеры, сдерживающие эмиграционный поток.
3. Проанализировать некоторые аспекты трансформации эмигрантов:
 - а) как чувствуют себя эмигранты в Израиле и как оценивают плюсы и минусы своей новой жизни;
 - б) какие основные аккультурационные стратегии формируются у них и как они связаны с изменением представлений об израильянах;
 - в) в чем, с точки зрения эмигрантов, заключаются основные изменения их образа жизни в Израиле;
 - г) какие личностные изменения фиксируют в себе репатрианты;
 - д) как изменяется у них система социальной идентичности.

Респондентами в данном исследовании выступили 150 человек еврейской национальности в возрасте от 16 до 75 лет, 83 женщины и 67 мужчин.

Из них 100 человек - посетители Сохнута в Украине, 50 - эмигранты, переехавшие в 90-ых годах в Израиль на постоянное местожительство. В качестве методов исследования использовался специально разработанный для данного исследования опросник с элементами субъективного шкалирования (для эмигрантов); специально разработанная анкета для посетителей Сохнута; метод незаконченных предложений и семантический дифференциал.

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Контент-анализ мотивов еврейской эмиграции позволил сгруппировать полученные ответы в 5 основных блоков. Эти блоки будут представлены и описаны в порядке убывания частоты встречаемости ответов, которые их наполняют. Если допустить, что частота упоминания респондентами того или иного мотива является отражением его значимости, то выделенные блоки будут описаны начиная с наиболее важного для принятия решения об эмиграции блока и заканчивая наименее значимым.

1. Наиболее крупным из выделенных блоков стал блок, который можно условно назвать "эмигрирую потому, что в СНГ плохо и нет надежд на улучшение" (93%). Ответы, составившие этот блок, акцентируют внимание на общем ухудшении ситуации в стране или подчеркивают какие-то отдельные моменты этого ухудшения - кризис социально-экономической сферы, рост преступности, проблемы с экологией, снижение социальной защиты и социальных гарантий, ухудшение медицинского обслуживания и т.п. Часть ответов этого блока подчеркивает влияние ухудшения общей ситуации непосредственно на респондента (чаще всего в этом случае говорят о снижении уровня жизни). Последняя группа ответов, входящих в этот

же блок, ставит ударение на чувствах и ощущениях, связанных с кризисной ситуацией - в них отражены состояния растерянности, безысходности и бесперспективности.

Выделение именно этого блока в качестве основного хорошо согласуется с выводом Н.М.Лебедевой о том, что эмигранты из стран бывшего СССР в Израиль это преимущественно не эмигранты "куда", а эмигранты "откуда" (1, с.126), т.е. люди, для которых главное - не достичь каких-то конкретных целей в новой стране, а выехать из страны, где им стало трудно жить.

2. Следующий блок ответов отражает "социально-семейную" мотивацию эмиграции (83%). Сюда относятся ответы типа - "это было решение семьи", "муж настаивал", "дети были уже там" и т.п., т.е. ответы, в которых главным мотивом являлось сохранение, создание или воссоздание родственно-семейных отношений. К этому же блоку была отнесена крупная группа ответов, в которых акцент ставился на эмиграции ради детей и их будущего. И, наконец, в последней группе ответов, относящихся к этому же блоку, выделяется еще один социальный аспект - наличие массовой эмиграции, акцент на том, что уже многие не только родственники, но и друзья, знакомые уже уехали или собираются уезжать, а это означает, что "остаться здесь - это остаться в одиночестве, а если ехать - то не на пустое место", а к "своим", родным и близким.

3. Третий блок ответов, значительно уступающий первым двум по насыщенности, поднимал "этно-национальную" тематику (40%). В пояснениях опрашиваемых здесь звучали идеи ухода от антисемитизма, ухода от ощущения своей "второсортности", желание почувствовать себя полноправным гражданином СВОЕГО государства, жить со своим народом, возрождая и сохраняя его культуру. В ответах потомков от смешанных браков эмиграция иногда связывалась с проблемой поиска этнической идентичности.

4. Сравнительно небольшое количество ответов (21%) сформировали блок, который увязывал эмиграцию с надеждами на решение личных проблем разного уровня и направленности, начиная от глобального "для меня эмиграция - возможность начать жизнь сначала", до более узких - возможности чисто профессиональной или личностной самореализации, возможности попытаться начать или устроить личную жизнь и т.п.

5. Последний блок сформировали ответы (19%), в которых в качестве мотива эмиграции звучал мотив любопытства, интерес попасть в новую, незнакомую страну и пожить в ней. В качестве сильных предваряющих факторов многими назывался здесь рост информационного потока о жизни за рубежом (в том числе благодаря письмам и рассказам уже уехавших в Израиль), падение "железного занавеса" и упрощение процедуры выезда, отсутствие возможности

поездки или эмиграции в другие страны на фоне реальной возможности выезда в Израиль.

Результаты опроса в Украине, равно как и эмигрантов в Израиле, свидетельствуют о том, что Израиль редко рассматривается как наиболее предпочтительный вариант для эмиграции, он скорее избирается как наиболее доступный. Наиболее предпочтительной страной для эмиграции считается США, второе место в этом списке занимает Канада и лишь третье - Израиль. Интересно, что в ответах на этот вопрос наблюдаются определенные половые различия предпочтений, демонстрирующих большую консервативность женщин по сравнению с мужчинами. Так, разница в ответах мужчин и женщин касается 4-х стран - Украины, России, Австралии и Израиля. Женщины, в отличие от мужчин, чаще готовы выбрать для ПМЖ Украину, Россию и Израиль и сравнительно менее охотно - далекую и неизвестную Австралию. Приведенная ниже схема предпочтений демонстрирует данные различия:

Женщины:	Израиль-Канада-Австралия	Россия-Украина-Аргентина
	США	Германия
Мужчины:	Канада-Австралия-Израиль	Аргентина-Россия-Украина

2. Какие же объективные или субъективные барьеры сдерживают поток еврейской эмиграции из стран бывшего СССР?

Как показало проведенное исследование, большинство опрошиваемых отметило, что объективных препятствий эмиграции нет. Только несколько человек упоминают о трудностях в оформлении документов (наличии бюрократических проволочек, нехватки бланков паспортов, потерях вызовов и т.п. задержках) или отсутствии средств, необходимых для эмиграции.

Для некоторых респондентов сложности с выездом были обусловлены местом их работы или службы (работа на предприятиях, связанных с оборонной промышленностью, новыми засекреченными технологиями, служба в армии и т.п.). В целом же, по общему мнению респондентов, даже эти препятствия не являлись для желающих уехать непреодолимыми. Основным субъективным барьером для принятия решения об эмиграции, судя по ответам опрошиваемых, был часто неизбежный разрыв социальных связей (50%). В первую очередь последнее касалось разрыва родственных отношений (31%), ситуаций, когда ближайшие родственники (чаще всего - родители, бабушки или дедушки) в силу разных причин (не хотят, не могут, не в состоянии и т.п.) отказываются от эмиграции, а зачастую и занимают более или менее негативную позицию по отношению к отъезду детей или внуков. Сдерживающим моментом является и разрыв близких дружеских связей (19%), потеря привычного круга общения и страх перед возможным духовным одиночеством в стране эмиграции. Последний мотив часто принимает более генерализованную форму и формулируется

респондентами как страх перед неизвестным, перед новым, боязнь кардинальной смены образа жизни (15%). Сдерживающим моментом выступает в ответах респондентов и такой момент как привязанность к городу или стране, "большой" или "малой" Родине, в которой опрашиваемые родились, воспитывались, с которыми связана вся предыдущая жизнь (13%). К минусам эмиграции респонденты относили также потерю работы (особенно в тех случаях, когда работа для них очень значима, она интересна сама по себе или предоставляет высокий социальный статус), необходимость оставить аспирантуру или прервать обучение в высшем учебном учреждении (13%). Субъективным барьером для некоторых (4%) выступает также необходимость расставаться не только с близкими дорогими людьми, Родиной или работой (учебой), но и трудность расставания с тем, что нажито в течение предыдущей жизни - квартирой, машиной, дачей, мебелью и т.п., что приходится оставлять в стране выезда.

3(а). Как же чувствуют себя в Израиле эмигранты из бывшего СССР? Насколько совпадают их априорные взгляды на жизнь в Израиле и та реальность, с которой они встречаются там? Насколько удовлетворены они жизнью в новой стране и что конкретно их удовлетворяет и не удовлетворяет?

Ответы на эти вопросы были получены в ходе анализа ответов опросника. Как оказалось, усредненный показатель удовлетворенности жизнью в стране выезда по ретроспективной оценке эмигрантов составлял 5,6 балла по 10-балльной шкале, в то время как показатель уровня адаптированности к ней был равен 6,8 балла. Усредненный показатель удовлетворенности жизнью в Израиле возрос до 6,3 баллов, в то время как уровень адаптированности остался на прежнем уровне - 6,8 баллов. Очень интересен анализ соотношения показателей удовлетворенности и адаптированности относительно страны выезда и Израиля. Если речь идет о бывшей Родине, то большинство респондентов (56%) считает себя скорее адаптированными к жизни там, чем удовлетворенными ею. Что касается жизни в Израиле, то подобное соотношение показателей снижается (до 34%), но возрастает количество обратного соотношения (с 20% до 30%), когда респонденты в целом чувствуют себя более удовлетворенными жизнью в Израиле, чем адаптированными к ней. И хотя последний вариант соотношения показателей удовлетворенности и адаптированности не является доминирующим, но в сравнении с результатами по стране выезда данная тенденция представляется очень показательной.

Чем же удовлетворены и чем не удовлетворены эмигранты в Израиле? Судя по полученным данным, эмигрантов прежде всего радует более высокий относительно стран СНГ уровень жизни в Израиле и более разнообразный и обеспеченный быт - об этом упомянули 38% опрошенных. Около 35% респондентов удовлетворены

разными аспектами своей трудовой деятельности - наличием работы, возможностями самореализации в профессиональном плане, тем, что работа дает возможность нормального заработка, возможностью зарабатывать занимаясь наукой и т.п.

33% опрошенных отметили в качестве положительной стороны жизни в Израиле появление чувства внутренней свободы и ощущение более широкого круга возможностей, который предоставляет Израиль по сравнению с странами бывшего СССР.

25% из общего числа интервьюируемых подчеркнули в своих ответах удовлетворенность социальной сферой в Израиле: наличием лучшей по сравнению с СНГ системы социальной помощи, хорошим медицинским обслуживанием, отсутствием преступности и т.п.

20% участников исследования удовлетворены своими родственно-социальными связями и отношениями, тем, что удалось и в Израиле создать круг близких друзей и знакомых, создать или сохранить семью и добрые отношения с родственниками, более успешно, чем в СНГ, решать проблемы детей, прежде всего их образования и здоровья.

Для 13% опрошенных существенным моментом среди удовлетворяющих их сторон израильской жизни является то, что они ощутили себя гражданами своего государства, "своими среди своих".

С другой стороны, опрашиваемые откровенно отвечали и на вопрос о том, что их не удовлетворяет в Израиле, подчеркивая, что о некоторых проблемах или о их глубине и остроте до эмиграции они не подозревали. Из анализа их ответов складывается следующая картина:

Наибольшую обеспокоенность респонденты высказывали в связи со сложной политической ситуацией в регионе, связанной с арабо-израильским конфликтом (40% респондентов указали на это). Эта проблема могла быть сформулирована как в общем виде, так и в более конкретном (упоминания о терактах; подчеркивание чувств, которые она порождает - отсутствие ощущения безопасности, неопределенность, тревога, особенно у родителей в связи с необходимостью службы в армии детей (в том числе - девушек)).

Очень высокий процент опрошенных (37%) указал еще на одну проблему, актуальную для эмигрантов - сложные внутриэтнические отношения между израильянами и олимами. Респонденты говорят о внутренней расколотости израильского общества, о не интегрируемости его в единое целое ввиду очень серьезной разницы культур и менталитета эмигрантов и израильян. Они ощущают эту расколотость как в скрытом виде (например, в виде разницы в оплате одинакового труда у олимов и коренных израильян), так и в явном, в форме неприязни или противопоставления (особенно, в некоторых возрастных группах - подростков, молодежи), что не может не тревожить сравнительно недавно прибывших.

Серьезной проблемой для многих эмигрантов (33%) является также ситуация с их работой и социальным статусом. Респонденты выражают обеспокоенность невозможностью найти работу по специальности, отсутствие уверенности в том, что они вообще смогут ее найти или удержаться на хорошо оплачиваемой работе, их задевает снижение их социального статуса и отсутствие устойчивого материального благосостояния, которое имеют коренные израильтяне или эмигранты предыдущих волн эмиграции.

Определенная часть эмигрантов (8%) ощущает свою изолированность от общества ввиду плохого знания языка; некоторые респонденты (8%) очень страдают из-за неподходящего им климата; часть опрошиваемых (8%) ощущает на себе религиозное давление, которое их тяготит. 4% принимающих участие в исследовании отметили в качестве того, что их не удовлетворяет в Израиле, разлуку с родными и близкими. Такой же процент опрошенных обратил внимание на более формальные в Израиле отношения между людьми, отсутствие теплоты неформального общения. 4% респондентов упомянули о наличии ностальгии.

Уровень адаптированности к жизни в Израиле составил, как уже выше указывалось - 6,8 балла. На вопрос о том, "к чему Вам сложнее всего было (или есть) привыкнуть в Израиле?" респонденты отвечали так: к чужому языку - 40%; к тяжелому климату (жара, духота, хамсины) - 33%; к чуждости культуры, мировоззрения, норм поведения - 25%; к внутриеврейскому антагонизму - 8%; к изобилию и многовариантности выбора - 7%; к религиозной насыщенности - 5%; к сложным отношениям с арабами - 5%; к отчужденности, отсутствию друзей - 5%.

3(б). Эмиграция и обусловленная ею необходимость строить каким-то образом отношения с израильтянами приводят к формированию у эмигрантов определенных, хуже или лучше осознаваемых установок, которые в научной литературе принято называть аккультурационными стратегиями (Веггу, 1994). В данном исследовании они традиционно определялись путем получения ответов на 2 вопроса: "Важно ли для Вас сохранять и развивать ту культуру, в которой Вы воспитаны?" и "Важно ли для Вас укреплять и расширять взаимоотношения с израильтянами?".

Было выявлено, что преобладающее большинство респондентов (72%), ответив положительно на оба вопроса, тем самым продемонстрировали сформированность установки на интеграцию, т.е. максимально широкие контакты с израильтянами, но при возможности сохранять и развивать свою культуру. 24% опрошенных, ответив положительно на первый ответ и отрицательно на второй, проявили наличие установки на изоляцию, т.е. желание довольствоваться кругом общения, к которому принадлежат только люди прежней культуры,

бережно относящиеся к ее сохранению и развитию. Наконец, 4% интервьюируемых, ответив отрицательно на первый вопрос и положительно на второй, продемонстрировали ассимиляционную стратегию, установку на ослабление культурных корней для более успешного слияния с израильским обществом.

Данный блок вопросов позволяет сделать еще два заключения: во-первых, о том, что практически все эмигранты (96%) имеют установку на сохранение своей прежней культуры; и, во-вторых, о том, что ранее уже сформулированная проблема внутриэтнической еврейской дезинтеграции реально существует и достаточно высокий процент респондентов, не желающих приложить усилия к его объединению - лишнее тому доказательство.

Каков же облик израильтян в глазах эмигрантов? В чем состоит их непохожесть, мешающая внутриэтнической интеграции? Представляется, что некоторые аспекты этой проблемы были выявлены в исследовании при анализе ответов на вопрос: "Что Вас удивляет в израильтянах?". Обращает на себя внимание то, что большинство ответов, которые были даны на этот нейтральный вопрос были окрашены в явно негативные тона.

Так, наиболее часто встречающимся был ответ, данный в общей форме - низкий уровень общей культуры, невоспитанность (21%). Это утверждение конкретизировалась в других пояснениях: раскованное до бесцеремонности поведение (17%); его неприемлемые в нашей культуре формы - "сидят на полу, на земле, чашки ставят на пол" (4%); неряшливость в одежде (6%); самоуверенность, отсутствие сомнений, чувство собственной непогрешимости (13%); "беспардонность до наглости" (10%); избалованность детей (8%); шумность (6%).

Другой блок характеристик нанизывался на стержень "отсутствие глубины, поверхностность" (2%): и в отношениях с коллегами ("спрашивают "как дела?" и не дожидаясь ответа уходят (4%); и в отношениях между полами ("парни и девушки проще сходятся и расходятся" (4%); беспечности в отношении к политической ситуации в стране (4%) и в отношении своих обязательств - "пообещать и не выполнить - в порядке вещей" (4%), хотя "без глубины и груза ответственности" (4%) они выглядят жизнерадостными и оптимистичными" (4%).

Третий относительно крупный блок ответов формулировался вокруг идеи межэтнической разобщенности вплоть до непримиримости (10%), по всей вероятности тем более удивительной для эмигрантов, что они этого не ожидали и не могли предвидеть.

3(в). В чем, с точки зрения эмигрантов, заключаются основные изменения израильского образа жизни по сравнению с предыдущим опытом?

Основные ответы сводились к следующему:

- больше времени уходит на работу, учебу, и они интенсивнее (15%);
- меньше времени уходит на быт (больше техники, полуфабрикаты) - (15%);
- иные формы проведения досуга: есть возможность побывать в других странах, на море, чаще бывают в кафе, ресторанах, на пикниках, но нет театров, музеев, форм отдыха, связанных со снегом, работ на дачах, меньше чтения -(23%);
- меньше времени посвящается общению - (6%);
- больше возможностей купить машину, и она резко изменяет образ жизни, ибо ездят везде: на работу, отдыхать, за покупками и т.д. - (8%);
- приходится жить большими семьями при том, что ранее жили малыми (5%);
- молодежь имеет возможность зарабатывать себе на жизнь сама и раньше переходит на самообеспечение - (8%) и т.д.

Эмигрантам приходится осваивать изменения образа жизни на уровне казалось бы простейших обыденных конкретных действий: иные способы осуществления платежей (кредитные карточки, чеки и т.п.); иной способ мытья полов; иные способы невербального общения (мимика, жесты и т.п.); привыкать к иному отношению к спиртному и отсутствию пьяных, к необходимости экономить воду, электроэнергию (включать и выключать свет в подъездах), отсутствию необходимости делать запасы, возможности торговаться в магазинах и многому-многому другому, что в совокупности и составляет ту своеобразную этно-культурную среду обитания, без освоения которой реальная адаптация не возможна.

Однако, проведенное исследование показало, что адаптация в бытовой сфере происходит достаточно быстро и успешно, в то время как другие сферы - и прежде всего сфера культурной жизни - остаются более резистентными к изменениям. (Последнее хорошо согласуется с выводами, сделанными А.Козулиным и А.Венгером в статье "Иммиграция без адаптации..." [1]).

Так, в ответ на вопрос "Что осталось сейчас из культуры, в которой Вы воспитаны? И что ушло?" - преобладающее большинство опрошенных отвечали, что ничего по сравнению с доэмиграционной жизнью не изменилось. Было отмечено, что эмигранты продолжают широко использовать русский язык в разных сферах своего общения (в целом, соотношение используемых языков составляет: 60% - русский; 32% - иврит; 8% - английский). Празднуется большинство традиционно-советских праздников, к которым добавляются и израильские. Соотношение использования средств массовой информации СНГ к израильским составляет 60:40.

Интересны представления о наличии и содержании культурных заимствований у эмигрантов: 30% опрошенных вообще отрицают какое бы то ни было влияние израильтян на их культуру; около 20% считают, что они переняли у израильтян более раскрепощенные формы поведения и общения; 10% респондентов утверждают, что они позаимствовали более философское отношение к жизни, умение не думать о политической обстановке и наслаждаться сегодняшним днем; 6% упоминают о заимствовании еврейских традиций и других элементов культуры; 5% - переняли более простое отношение к одежде и манеру одеваться; 5% - вспомнили о том, что они начали пользоваться другим языком и 5% - то, что только здесь они приобщились к некоторым техническим плодам цивилизации.

С другой стороны, по мнению респондентов, израильтяне перенимают у олимов воспитанность, культуру поведения и общения, особенно в общественных местах (23%); богатый словарь русских нецензурных выражений (19%); представления о красоте и манере одеваться (5%); более рациональный подход к работе (5%).

3(г). Следующий блок вопросов был связан с выяснением того, насколько изменившимися ощущают себя советские эмигранты в Израиле, в каких сферах они фиксируют эти изменения и в чем они конкретно заключаются.

Анализ полученных ответов показал, что усредненный индекс ощущений самоизменения составил 4,1 балла по 10-балльной шкале. Это говорит о том, что несмотря на серьезные перемены в образе жизни, окружении, работе и всей жизненной ситуации, эмигранты сохраняют довольно высокий уровень самотождественности. Интересно, что этот уровень статистически значимо отличается у мужчин и женщин: женщины чувствуют себя гораздо более изменившимися, чем мужчины (соответственно 4,9 и 3,1 баллов).

В чем же конкретно заключаются наиболее серьезные самоизменения? Проведение контент-анализа позволило выделить несколько основных идей, отмечаемых в этой связи респондентами:

Наиболее часто встречаемая мысль заключается в том, что респондент, переживший все тяготы эмиграции и сумевший лучше или хуже приспособиться к новой жизни, начинает ощущать себя более зрелым человеком, чем он был до эмиграции. Ощувив, что значит "начинать сначала", опрашиваемые говорят о том, что они стали увереннее в себе, самостоятельнее, менее беспечными и более ответственными, терпимее и лояльнее к другим, научились лучше владеть своими чувствами и эмоциями.

Следующая идея, стоящая за ответами респондентов, заключается в том, что эмиграция стала толчком к их развитию, открывая и способствуя реализации их внутренних резервов, заставляя работать более интенсивно, открывая новые возможности для

профессионального роста в плане более насыщенной научной жизни, лучшего технического оснащения, существования различных форм повышения квалификации и переподготовки и т.п.

Следующий блок ответов отражает идею изменения отношения к Израилю и себе как представителю еврейской национальности. Респонденты говорят о том, что они за время эмиграции гораздо лучше узнали эту страну, ее прошлое и настоящее, стали иначе относиться к израильтянам (как правило, об этом упоминают те, кто стал относиться к ним хуже), ощутили себя "среди своих", что значительно облегчило им жизнь и т.п.

И, наконец, последняя сравнительно часто звучащая в ответах на вопрос о наиболее существенных изменениях в себе мысль заключается в возникновении ощущения свободы. Это ощущение может формулироваться либо в общем виде либо в своем распространении на те или иные сферы - "стал свободнее в общении", "во внешнем виде", "в финансовых вопросах".

Таким образом, преобладающее большинство респондентов отмечают не очень значительные, но, как правило, позитивные изменения в себе, вызванные эмиграцией.

3(д). Особый аспект вопроса о внутренних изменениях эмигрантов состоит в выявлении специфики трансформации их социальной идентичности. Необходимые для анализа этого вопроса данные представлены в таблице №1.

Таблица 1.

**Усредненные показатели разных видов
социальной идентичности в их динамике**

Идентичности	Время: до эмиграции	в первый год	сейчас	хотел бы
советская	5,8	3,8	1,7	1,0
этническая	6,1	5,7	6,1	6,6
гражданская в СНГ	4,6	1,9	1,2	1,2
гражданская в Израиле	0,2	5,7	7,6	8,5
европейская	4,7	5,2	5,5	7,1
азиатская	0,4	0,5	0,4	0,2
общечеловеческая	4,4	4,4	4,9	6,3

Согласно представленным результатам, в самом общем виде динамика социальной идентичности может быть описана следующим образом:

- до эмиграции доминирующими видами социальной идентичности у наших респондентов была этническая (еврейская) и советская идентичности, которые по уровню своему статистически значимо не различались;
- эмиграция в Израиль изменила систему социальной идентификации респондентов: уже в первый год пребывания в Израиле ведущее положение начинают занимать этническая ("я еврей/ка") и гражданская ("я гражданин/гражданка Израиля") идентификации, уровень которых в первый год также статистически значимо не отличается. Закономерно и понятно на этом этапе ослабление советской идентичности на фоне возникновения устойчивой гражданской (израильской) идентичности. Интересно отметить, что уровень этнической идентификации, хотя и продолжает в этот период занимать лидирующее положение, но по сравнению с доэмиграционным уровнем имеет тенденцию к снижению, что сами опрашиваемые поясняли так: "в Советском Союзе (или СНГ) окружающие считали нас евреями, а здесь - русскими, да мы и сами, приехав, увидели, что сильно отличаемся от евреев, которые живут в Израиле". Очевидно, последнее и способствовало возникновению указанной тенденции;
- более длительное пребывание в Израиле продолжает трансформировать систему социальной идентичности эмигрантов в том плане, что все более доминирующей становится гражданско-израильская идентичность, уровень которой начинает статистически значимо превалировать над остальными видами идентичности.

Интересно состояние континентальной идентичности: как следует из полученных данных, смена части света не только не ведет к ослаблению европейской идентичности и возникновению азиатской, что логично было бы предположить, но парадоксально усиливает идентификацию с европейцами на фоне устойчивого отрицания принадлежности к азиатам. Опрос показывает, что данный феномен является результатом переосмысления континентальной идентичности с чисто территориальной принадлежности к культуральной. Можно предполагать, что выявленную закономерность усиливает изначальный стереотип чуждости азиатской культуры; представление о том, что уровень культуры эмигрантов выше, чем уровень общей культуры в Израиле; появление более широких возможностей приобщения к европейской культуре.

Очевидно, отмеченные выше соображения определили особенности и желаемой эмигрантами системы идентичности, в которой однозначно лидирующее положение занимает гражданско-израильская идентификация, но на втором месте, оставляя позади даже этническую (еврейскую) идентичность, стоит устойчивое желание ощущать себя европейцами.

Литература

1. Лебедева Н.М. Психологические проблемы принятия решения об эмиграции (на примере еврейской эмиграции из бывшего СССР в Израиль) // Лебедева Социальная психология этнических миграций. - М., 1993. - С.125-134.
2. Малиновська О. Етнонаціональна ситуація і зовнішньоеміграційні процеси // Етнополітичний розвиток України: досвід, проблеми, перспективи. - К., 1997. - С.123-153.
3. Golovakha E., Panina N. Inter-Ethnic Relations and Ethnic Tolerance in Ukraine // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. - Jerusalem. - 1991. - Vol.14. - P.27-30.
4. Horowitz T.R. (1986). The absorption of the Soviet Jews in Israel: Integration without acculturation. In: T.R.Horowitz (Ed.) Between two worlds. Pp.9-30. Lanham, MD: University Press of America;
5. Kozulin A., Venger A. (1994). Immigration Without Adaptation: The Psychological World of Russian Immigrants in Israel. Mind, Culture and Activity, vol.1, N4, pp.230-238.

Поступила в редакцию 22.05.97

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Перевозная Т.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ У ПСИХОПАТИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ, РЕАЛИЗОВАВШИХ ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ.

Одним з індикаторів рівня особистісного функціонування є можливість регулювання власної поведінки. Однією з основних категорій, що використовуються при створенні психологічних концепцій регуляції поведінки особистості, є категорія цінносних орієнтацій. В статті наводяться данні відносно уявлень психопатичних особистостей - правопорушників відносно ідеальної ієрархії термінальних цінностей. Зроблено висновок, що

Ценностный уровень отражения представляет собой особую психологическую субстанцию личности, содержание которой включает в себя оценочные суждения относительно объектов социальной действительности и определенный тип оценочно ориентированной деятельности в определенном классе общественных ценностей. Принимая личностные смыслы своей жизнедеятельности, занявшие устойчивые позиции в общей смысловой структуре, личность возводит их в ранг ценностей. Постоянно соотнося конкретность отдельных ситуаций и поведенческих актов с ценностным уровнем, личность строит свое поведение, а также воспроизводит иерархии и формы опосредования мотивов. Многочисленные исследования свидетельствуют о разнообразных изменениях системы ценностей, нарушениях функционирования ценностно-смысловых структур при наличии психической патологии [3]. Изменение иерархии и опосредования мотивов в ситуации наличия личностной патологии приводит к различной степени утраты сложной организованности деятельности человека [1].

Нами были проанализированы особенности иерархии и структуры ценностных ориентаций у психопатических личностей, реализовавших противоправные действия, в сравнении со здоровыми лицами, не привлекавшимися к уголовной ответственности. Наряду с осознаваемым и неосознаваемым аспектами системы ценностных ориентаций нами был проанализирован идеальный план отношения к основным человеческим ценностям у правонарушителей, являющихся психопатическими личностями. Для этой цели мы использовали ранговую решетку (вариант репертуарного теста Дж.Келли). В качестве элементов использовался ролевой список из репертуарного теста ролевых конструкторов Дж.Келли. В качестве конструкторов был использован список ценностей из методики Е.Б.Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» [2]. Понятия, соответствующие этим ценностям, были заданы не в отвлеченной форме, а в форме непосредственных желаний и стремлений человека.

Из матрицы ранжировок элементов были получены номера рангов элемента «Я» по каждому из конструкторов. Интерпретация рангового ряда, выраженная в номере ранга каждого конструктора позволила судить о содержательных особенностях представлений испытуемого об идеальном значении ценностей, связанных с данными конструкторами.

Результаты сравнения средних рангов ценностей, проведенного в исследованных группах, представлены в таблице.

Средние ранги ценностей.

Ценности	Основная группа	Контрольная группа	P
1. Активная деятельная жизнь	4,53+0,58	6,15+0,64	< 0,1
2. Здоровье	2,53+0,34	3,85+0,71	< 0,1
3. Интересная работа	1,87+0,22	2,40+0,33	< 0,1
4. Красота природы и искусства	4,83+0,64	5,00+0,70	
5. Любовь	3,43+0,62	2,50+0,70	
6. Материально-обеспеченная жизнь	3,43+0,50	6,70+0,62	< 0,0001
7. Наличие хороших и верных друзей	2,50+0,50	3,05+0,41	
8. Уверенность в себе	2,20+0,31	2,95+0,51	< 0,1
9. Познание	4,13+0,65	4,20+0,64	
10. Свобода	2,70+0,45	4,30+0,63	< 0,05
11. Счастливая семейная	2,30+0,30	2,50+0,26	
12. Творчество	6,37+0,65	8,00+0,88	< 0,1

Как свидетельствуют результаты, приведенные в таблице, у испытуемых обеих групп совпадают представления об идеальном значении таких ценностей как «интересная работа» и «творчество». Как испытуемые основной, так и испытуемые контрольной группы присвоили наиболее низкие ранги, а, следовательно, наивысшую значимость ценности «интересная работа». В отношении ценности «творчество» имело место обратное положение.

Кроме этого следует отметить, что имеет место однотипность представлений об идеальном значении ценности «активная деятельная жизнь». Также отмечалось наличие общих тенденций в оценке стремлений иметь дружную семью, хорошее здоровье, а также хороших и верных друзей, что отражает высокую субъективную значимость интимно-личностной сферы для испытуемых обеих групп.

Сравнительный анализ рангов каждой из ценностей показывает, что уровень субъективной значимости имел достоверные различия по отношению к следующим ценностям: «активная деятельная жизнь», «здоровье», «интересная работа», «материально-обеспеченная жизнь», «уверенность в себе», «свобода» и «творчество».

Как свидетельствуют результаты, субъективная значимость ценности «интересная работа» как для испытуемых основной, так и для испытуемых контрольной группы высока. В то же время имеет место достоверно более высокий средний показатель предпочтений по этой ценности для группы правонарушителей-психопатических личностей.

В отношении ценности «активная деятельная жизнь» и «творчество» выявлено следующее: согласно представлениям

испытываемых обеих обследованных групп эти ценности не являлись первостепенно значимыми в идеальной иерархии жизненных ценностей. В обоих случаях им принадлежат последние места в иерархиях. В то же время обе вышеперечисленные ценности являются более значимыми для испытываемых основной группы.

Кроме того, имело место достоверное различие в отношении субъективной значимости ценностей «здоровье», «материально-обеспеченная жизнь», «уверенность в себе» и «свобода». Обращает на себя внимание тот факт, что уровень субъективного предпочтения в отношении всех вышеперечисленных ценностей был достоверно выше в группе психопатических личностей.

Таким образом, анализ результатов использования ранговой решетки выявил следующие особенности: представления правонарушителей и испытываемых контрольной группы об идеальном значении различных ценностей имеют ряд общих моментов. Так, испытываемые обеих групп высоко оценивают общую идеальную значимость данных ценностей. Кроме того испытываемые обеих групп присвоили наивысшую значимость в идеальной иерархии ценности «интересная работа» и оценили ценность «творчество» как наименее значимую.

В отношении ценностей «активная деятельная жизнь», «здоровье», «материально-обеспеченная жизнь», «интересная работа», «уверенность в себе», «свобода» и «творчество» имеет место достоверно более высокий уровень субъективного предпочтения в группе правонарушителей-психопатических личностей, что является отражением своеобразия иерархии смысловых структур у данных личностей.

Полученные данные позволяют говорить, что у психопатических личностей, реализовавших противоправное поведение, имеют место особенности иерархии ценностных систем. Изучение этой проблемы имеет важное значение в связи с актуальностью установления особенностей дефектности личностной саморегуляции у лиц, осуществивших противоправное поведение. Как известно, патологические особенности характера психопатической личности и способы их отражения в деятельности могут реализоваться как в дезадаптивных, так и в социально приемлемых формах. Адаптивность поведения личности связана с личностной направленностью и, следовательно, системы ценностных ориентаций. Таким образом, собственно личностный уровень, уровень ценностного развития личности является мощным резервом, способным компенсировать недостаток конкретных характерологических особенностей.

Литература:

1. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. - М., 1971, 98с.

2. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов.//Психологический журнал. Т.13.№1,1992.с.107-117.//
3. Шестопалова Л.Ф. Нарушения высших психических функций и индивидуально-личностной сферы у больных с различными заболеваниями головного мозга. Автореферат диссертации доктора психологических наук. - Киев.1993.

Поступила в редакцию 18.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Скоков С.І.

ПРО ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ ОСОБИСТОСТІ РЕЦИДИВІСТІВ.

У ситуації соціального перелому та ускладнення криміногенної обстановки в Україні гостро визначилась необхідність комплексного кримінологічного дослідження злочинності, у тому числі через призму соціологічного та психологічного вивчення реальної дійсності.

До числа провідних та найбільш складних відноситься проблема особистості злочинця. Слідє погодитись, що про особистість злочинця можна говорити тільки у відношенні людини, винної у злочинній діяльності, тобто вчинившої систему умисних цілеспрямованих діянь, передбачених кримінальним законом та направлених на здійснення загального мотиву. В інших випадках ми повинні говорити про особи, які скоїли злочини [1,стор.55].

Перевага у сучасному кримінальному середовищі «нових злочинців» не знижує суспільної небезпеки неодноразово засуджених осіб, тобто рецидивістів.

Рецидивна злочинність - це сукупність злочинів, скоєних на тій чи іншій території особами, що вже раніше відповідали за порушення кримінальних законів. Тобто, іншими словами, рецидивна злочинність - це сукупність актів рецидиву. Рецидив - це повторне вчинення злочину після засудження або іншої передбаченої законом відповідальності за кримінальне правопорушення [1, с.232].

Слід зауважити, що офіційна кримінальна статистична звітність МВС України враховує "осіб, які раніше вчиняли злочини", не згадуючи ні про судимість, ні про характер злочинів (умисних чи необережних), ні про покарання та його відбуття.

У кримінологічній літературі визначаються такі види рецидиву, залежно від критеріїв класифікації:

- за кількістю судимостей - простий і складний, або багатократний (коли особа має дві та більше судимостей і знову вчинила злочин);
- за характером злочинів - спеціальний (коли повторюються ті ж самі або схожі злочини) і загальний (сукупність судимостей за різні види злочинів);
- за тяжкістю злочинів - рецидив тяжких злочинів і рецидив злочинів, що не є тяжкими;
- за формальними ознаками, тобто згідно з судовим вироком - особливо небезпечний рецидив.

Ці класифікації часом поєднуються і тоді йде мова про складний рецидив тяжких злочинів, або про спеціальний рецидив злочинів, що не є тяжкими тощо.

У багатьох літературних джерелах визначається також особливий різновид рецидиву, що зветься пенітенціарним, залежно від виду покарання, яке було призначене за попередній злочин, у даному разі - позбавлення волі.

Згідно з показниками кримінальної статистики відносний рівень рецидивних злочинів у відсотках до загальної кількості розкритих злочинів протягом останніх п'яти років з 1992 до 1996 рр. дещо понизився (з 20,6% до 18,2%). У той же час падіння відсоткових показників рецидивної злочинності супроводжується зростанням абсолютних: у 1992 р. рецидивістами було скоєно 46073 злочини, а в 1996 р. - 72140, тобто зростання на 56,6% [2, с.21]. Дослідженнями, що були проведені кримінологічною лабораторією Університету внутрішніх справ МВС України свідчать про те, що серед звільнених з названих місць позбавлення волі протягом 1996 р. у тому ж році 2,9% знову потрапили на лаву підсудних. Треба зауважити, що відсоток рецидивістів тим більший, чим більше судимостей: серед тих, хто був засуджений вперше, рецидив склав 2,0%, а серед багатократних рецидивістів - 5,6%.

Особистість злочинця-рецидивіста суттєво відрізняється від особистості, що порушила кримінальний закон вперше, оскільки рецидивіст має "тюремний" досвід і не зробив з нього належних висновків. Спілкування зі злочинцями сприяє залученню засудженого до кримінальної субкультури та спричиняє подальше соціальне відторгнення особи. Для діяльності рецидивістів характерні соціальна дезорганізація та спотворена моральна свідомість.

Щоб визначити риси особистості рецидивіста, які виявляються у злочині, треба мати науково обґрунтоване уявлення про структуру особистості взагалі, і рецидивіста зокрема. Але серед психологів щодо цього немає єдиної точки зору. Найбільш послідовною є, на нашу

думку, схема динамічної функціональної структури особистості, що була запропонована відомим вченим-психологом К.К.Платоновим. Вона складається з чотирьох підструктур, що розташовані на різних ієрархічних рівнях : 1) спрямованості; 2) досвіду; 3) форм відображення; 4) біологічно обумовлених властивостей особистості.

Характер і здібності, які є загальними якостями особистості, визначаються "накладеними підструктурними", що містять у собі елементи усіх названих рівнів [3, с.125-130].

Підструктура спрямованості особистості визначається як система її установок (диспозицій). Вона створюється головним чином вихованням, а тому соціально обумовлена. Спрямованість - це активне ядро особистості, яке об'єднує вчинки в їхню не випадкову послідовність та обумовлює здібність людини протистояти впливу випадкових обставин.

Спрямованість особистості формується на ґрунті притаманних їй потреб, їх ієрархії - від вищих духовних до фізіологічних. Якщо поведінка індивіда визначається, перш за все, фізіологічними примітивними потребами, то значно збільшується ймовірність виникнення та розвитку егоїстичної спрямованості, що є підґрунтям більшості злочинів. Спрямованість особистості багатьох рецидивістів визначається поглядами, ідеями та інтересами, що вступають у суперечність з загальнолюдськими цінностями і панівною правосвідомістю. На жаль, духовна криза сучасного суспільства стала чинником загострення протиріччя між індивідуальними потребами більшості громадян і можливостями їх легального задоволення. А це є одним із психологічних чинників злочинності, зокрема рецидивної. Тривала злочинна діяльність та низький соціальний статус неодноразово засудженого створює особливий психологічний настрій, що сприяє активізації та затвердженню антисуспільної спрямованості особистості. Але це не означає, що всі рецидивісти - це люди з антисуспільною спрямованістю. Рецидив, навіть багаторазовий, нерідко обумовлюється іншими складовими структури особистості правопорушника. Такими можуть бути психічні особливості, пов'язані з досвідом: знання, уміння, звички, навички.

Особливий інтерес для вивчення психології рецидиву викликає складне психічне явище, що зветься соціальною або поведінковою звичкою. Вона виникає внаслідок багаторазового виконання тих чи інших вчинків. Звичка розповсюджується на всі види діяльності, а також на мислення, а це, в свою чергу, виявляється в стереотипному та тенденційному виборі вчинків. Кримінологія знає особливу категорію "звичних" злочинців. Звичайні злодії, наприклад, крадуть зовсім непотрібні і малцінні речі, щоб тільки задовольнити потребу в самій крадіжці. Патологічна форма такої звички зветься kleptomanією. Є таке поняття регідності поведінки, коли індивід втрачає здатність змінити

свою поведінку відповідно до ситуації, яка стала зовсім іншою, і продовжує діяльність, що стала вже безглуздою. Злочинна діяльність звичних рецидивістів якраз часто буває регідною.

Третю підструктуру особистості рецидивіста складають деякі порушення та вади психічних процесів - інтелектуальних, вольових, емоційних. Вони обумовлюють скоєння агресивних та інколи тяжких злочинів. Рецидив небережних і так званих "ситуативних" злочинів також породжується такими особистими рисами, як бездумність, недостатньо розвинутий інтелект, здатність легко піддаватись чужому впливу.

Так звана підструктура біопсихічних властивостей - темперамент, задатки, здібності, нахили, різного виду аномалії психіки - також обумовлюють злочинну діяльність рецидивістів, оскільки вони суттєво впливають на формування особистості та їх поведінку.

Особливої уваги потребує визначення криміногенної ролі психічних патологій. Наші спостереження свідчать про те, що більше половини засуджених у колоніях суворого режиму перебувають на обліку у психіатра.

Безумовно, з часом люди, їх характери та інші особливості змінюються. Щодо осіб, які неодноразово чи багаторазово перебували у місцях позбавлення волі, то змінюються вони, як правило, у напрямку соціальної та психічної деградації. Позбавлення волі покладає підвищене навантаження на психіку засудженого. Неможливість виразити своє становище у відкритій поведінці пред'являє підвищені вимоги до здібності психічної переробки виникаючих життєвих задач. Однією із критичних форм вираження психічного стану є стан, що зв'язаний з відчуттям засудженими втрати зміста життя, свого існування, втрати всіляких перспектив і можливостей. Результатом такого стану є, як правило, здійснення повторних злочинів. В зв'язку з цим проблема ресоціалізації особистості рецидивістів має безпосереднє відношення до завдань скорочення рецидивної злочинності.

Література:

1. Зелинский А.Ф. Криминология. Курс лекций. Х., 1996.
2. Криміногенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. // Бюлетень МВС України. К., 1997.
3. Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972.

Поступила в редакцию 07.10.97г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О СВОИХ ЦЕННОСТЯХ И ЦЕННОСТЯХ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Стаття містить результати експериментального дослідження уявлень студентів про цінності, порівнюються власні цінності піддослідних та цінності, які приписуються різним соціальним групам.

Проблема ценностей приобретает в наше время особое значение, появляются новые аспекты в ее изучении.

Наше исследование посвящено выявлению представлений испытуемых о своих собственных ценностях и ценностях различных социальных групп. В исследовании приняли участие студенты биологического, геолого-географического и филологического факультетов ХГУ, всего 37 человек. Они должны были назвать три собственных ценности и по три ценности, характерных с их точки зрения для представителей различных социальных групп (молодежь, пенсионеры, рабочие, служащие, безработные, лоточники, депутаты, бизнесмены, демократы, коммунисты, руховцы, военные, бомжи). Также испытуемые должны были отнести каждую из этих социальных групп к одной из двух категорий - «свои» или «чужие».

Полученные ценности, близкие по смыслу, можно объединить в следующие блоки: (в скобках здесь и далее указано общее число упоминаний ценностей в каждом блоке). Это: 1) Семья, Ребенок (18), 2) Материальная обеспеченность, Деньги, Стабильность, Устроенность в жизни (13), 3) Друзья, Хорошие взаимоотношения с другими людьми, Общение, Счастье других, Взаимопонимание (16), 4) Положение в обществе, Успех, Цель, Признание (9), 5) Любовь, Счастье (18), также достаточно весомы такие ценности как Образование (5) и Здоровье (8).

Сравнивая результаты с данными более ранних исследований, где испытуемые не были ограничены в количестве формулируемых ценностей, нужно отметить меньшее разнообразие ценностей при введении ограничения. Практически не упоминаются ценности, отражающие внутренний мир испытуемых, интересную, нескучную жизнь и свободу. Также не отражена такая ценность как Работа. Видимо такое сворачивание ценностного пространства связано как с ограничением в количестве называемых ценностей, так и с тем, что в иерархии данная ценность не занимает лидирующей позиции.

В общем можно сказать, что на характер ответов студентов влияют психологические особенности, свойственные возрасту, которые обуславливают представленность в сознании ценностей, связанных с

планами на будущее, карьерой, а также таких ценностей, как Дружба, Общение, Любовь.

Представляет интерес сравнение ценностей, сформулированных в качестве собственных, и ценностей, приписываемых представителям других социальных групп - «своих» и «чужих». Молодежь к категории «свои» отнесли 36 испытуемых, служащих - 32, пенсионеров - 18, рабочих - 18, бизнесменов - 18, безработных - 15, демократов - 13, военных - 12, лоточников - 8, бомжей - 3, депутатов - 2, руховцев - 2, коммунистов - 1. Таким образом, большинство испытуемых «своими» считают молодежь и служащих (что вполне логично, т.к. это те группы, слои населения, к которым студенты могут объективно себя отнести), а «чужими» - депутатов, коммунистов, руховцев и бомжей.

Среди ценностей, приписываемых молодежи, наиболее весомы следующие: Материальная обеспеченность (24), Удовольствия, развлечения (14), Любовь (13), Свобода, независимость (11), Дружба, общение, взаимопонимание (11), Образование (6), Цель в жизни (6). Весомая среди своих собственных ценностей Семья здесь упоминается всего 3 раза. В общем молодежь воспринимается студентами «хуже» самих себя: в 1.5 раза чаще упоминается такая ценность как Материальная обеспеченность, появляются такие ценности как Удовольствия, развлечения, Музыка, Мода, Секс, Кумир, характеризующие внешние стороны молодежной субкультуры.

Среди ценностей, приписываемых служащим, можно выделить следующие блоки, сходные с блоками собственных ценностей испытуемых: 1) Семья, Дети (14), 2) Материальная обеспеченность, Стабильность, Уверенность в завтрашнем дне, Нормальная страна, Социальная защита (28), 3) Общение, Взаимопонимание, Отношения в коллективе (10), 4) Положение в обществе, карьера, Компетентность, Реализация своих возможностей, Успехи на работе, удовлетворение, Признание (15). Следует отметить, что такая ценность как Работа сама по себе достаточно весома - упоминается 17 раз, и отнести ее следует скорее к последнему блоку ценностей, т.к. она ассоциируется у испытуемых в первую очередь с профессиональным самовыражением.

В целом собственные ценности испытуемых более сходны по содержанию и направленности с ценностями служащих, чем с ценностями молодежи. Очевидно, для студентов служащие психологически ближе, поскольку это их родители, знакомые, они сами в будущем, а молодежь воспринимается естественно не только как студенчество, поэтому и психологическая дистанция здесь больше.

Если говорить о тех группах, дистанцирование от которых наибольшее - о «чужих» для испытуемых, нужно отметить, что и ценности, приписываемые им, практически не совпадают с ценностями испытуемых, хотя и между собой они также различаются.

Чаще всего в качестве ценностей бомжей испытуемые называют следующие: Убежище, ночлег (20), Питание, еда (18), Деньги (15), Выживание (6), Алкоголь (5). Ценности, составляющие фон, т.е. упоминающиеся 1-3 раза, также чаще связаны с чисто внешними сторонами данной социальной роли.

Если бомжи воспринимаются испытуемыми как люди опустившиеся, то политики - как люди «зарвавшиеся». И здесь фигурируют совершенно иные ценности.

Для депутатов с точки зрения испытуемых наиболее характерными являются такие ценности: Деньги, Материальная обеспеченность, Льготы, Личная выгода (31), Карьера, положение в обществе (15), Власть (6), Семья (6), а полный список ценностей выглядит весьма негативно, т.к. такие ценности как Казаться лучше других, Ублажить вышестоящих, Пустые разговоры, Беспорядок в стране, Пустая трата времени, Популистские методы не «перекрываются» такими позитивными ценностями как Выполнение обязательств, Желание помочь другим, Совесть, Народ. А нейтральные, не связанные с данной социальной ролью ценности (Общение, Здоровье, Ум и т.п.) также лишь составляют фон.

В качестве ценностей коммунистов наиболее часто назывались следующие: Власть (19), Материальное благосостояние, личное благополучие (14), Стремление вернуть прошлое (10), Поддержка, доверие народа (9), Убеждения, идеи (6), Навязывание, внушение своих идеалов (5), Равенство всех (5). Те ценности, которые составляют фон, здесь также можно условно разделить на позитивные, негативные и нейтральные. И здесь негативные ценности (Личная выгода за счет народа, Разлад в стране, Пустая трата времени, Эгоизм, Агрессивность) перевешивают.

Для руховцев по мнению испытуемых наиболее характерными являются следующие ценности: Власть (16), Материальная обеспеченность, собственное благосостояние (11), Незалежність України (11), Рідна мова, національна культура (9), Поддержка, доверие народа (7), Убеждения (6). Здесь также среди фоновых ценностей перевешивают негативные (Ненависть «до москалів», Экстремальные меры военного порядка, Демагогия, Пустая трата времени). В качестве ценностей этих групп испытуемые часто называют политические лозунги, методы «борьбы» и т.п.

Любопытно то, что демократы, которые половиной испытуемых воспринимаются как «свои», практически не отличаются по содержанию приписываемых ценностей от других политиков. Основное отличие здесь - в содержании лозунгов, политических взглядов.

В целом необходимо отметить, что ограничение в количестве формулируемых ценностей приводит к уменьшению их разнообразия, хотя это происходит не только за счет тех ценностей, которые

составляют фон, поэтому они не обязательно являются второстепенными для испытуемых. Ценности «своих» групп содержательно более близки к собственным ценностям испытуемых, а ценности «чужих» практически не совпадают с ними. Ценности разных «чужих» групп могут быть совершенно различными, и в то же время сходными могут быть ценности групп, дистанцирование от которых у испытуемых различно, т.е. связь между величиной психологической дистанции и содержанием приписываемых ценностей неоднозначна и требует дальнейшего изучения.

Поступила в редакцию 15.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Фомічова В.М.

ДОСЛІДЖЕННЯ МІЖОСОБИСТІСНОЇ АТРАКЦІЇ У ЛІДЕРІВ І ВЕДЕНИХ

Розглянуто властивості міжособистісної атракції у лідерів та ведених. Результати дослідження можуть бути використані при роботі з підлітками для формування у них суспільно значущих якостей.

Актуальність дослідження атракції полягає в тому, що вона є одним з найважливіших компонентів та детермінант спілкування та діяльності людей.

Дати адекватне уявлення щодо усієї області досліджень, присвячених феномену атракції, - досить важко, оскільки під загальним терміном "атракція", як правило, об'єднуються праці досить різні за теоретичними орієнтаціями та за методичними підходами.

Як правило, на емпіричному рівні розглядається по суті лише одна, пов'язана з атракцією проблема - проблема детермінації виникнення атракції в парі. Дослідження в цьому випадку частіше ведуться на матеріалі випадкових пар: або таких, які існують відносно недавно, або таких, що виникли в ході проведення лабораторного експерименту. Аналіз усталених форм атракції, її прояви в довготривалих стосунках ведеться, як правило, на загальнотеоретичному рівні і звернення до експериментальних засобів не характерне для цієї галузі. Окремо стоять дослідження, що присвячені проблемам цілеспрямованого впливу на атракцію.

Крім того, існують суттєві розбіжності в дослідженнях цього феномену в колишній радянській та зарубіжній соціальній психології. Суттєвим недоліком зарубіжних досліджень атракції є те, що абсолютна більшість авторів розглядає атракцію відокремлено від реальних умов

життєдіяльності людей. Це проявляється, наприклад, у вкрай слабкому емпіричному забезпеченні праці щодо цілеспрямованого впливу на емоційні компоненти спілкування, а також в тому, які саме перемінні включаються до дослідження як можливі детермінанти виникнення атракції.

У більшості випадків детально аналізуються особистісні та, навіть, індивідні характеристики учасників спілкування. Не заперечуючи важливості цих параметрів, слід сказати, що ними кількість детермінант атракції, очевидно, не вичерпується. Більш того, суперечливість емпіричних результатів свідчить про те, що це, можливо, й не найсуттєвіші детермінанти. Очевидно, якісь невраховані фактори справляють на атракцію більший вплив. Кроскультурні дослідження переконують в тому, що в різних культурах вплив на атракцію схожих факторів, як правило, опосередковується різними перемінними. Гадається, (і це підтверджено рядом досліджень) на роль таких перемінних можуть претендувати параметри самого спілкування та умов у яких воно відбувається.

Проте залишається відкритою проблема вибору дослідником суттєвих компонентів спілкування: в ряді досліджень визначаються лише схема експериментів та не зв'язаних перемінних, як це відбувається в реальному житті, з ситуацією в широкому значенні, тобто з тим соціальним контекстом, в якому спілкування розвивається. Це, передусім, характеристики спільної діяльності учасників спілкування та зовнішні умови, в яких розвивається взаємодія.

Не можна сказати, що в сучасних зарубіжних дослідженнях атракції ці дві категорії перемінних ігноруються повністю. Однак, спільна діяльність представлена тут лише своїми процесуальними, а не змістовними характеристиками: наприклад, фіксується наявність конкуренції або кооперації.

Недостатня увага до соціального контексту, а також небажання аналізувати змістовні характеристики спільної групової діяльності пов'язані, радше, з біхевіористським підходом, який, незалежно від конкретної теоретичної орієнтації дослідника, притаманний практично всім працям, що досліджували названу проблематику. При узагальненні результатів дослідження атракції, які здійснювалися різними школами, найбільше використовується типово біхевіористська термінологія: об'єкт атракції іменується стимулом, саме почуття - реакцією тощо. Крім того, такий підхід виявляється не тільки в термінології, а й у визначенні мети дослідження, яка розуміється, перш за все, у з'ясуванні залежності між перемінними. Домінування такого підходу диктує відокремлення феномена, що вивчається, та призводить до того, що багато цікавих праць залишаються, по суті, незакінченими: автори, знайшовши відповідь на запитання "як?", не дають відповідь потім на запитання "чому?" та "навіщо?".

Розгляд атракції через принцип діяльності, який є традиційним для вітчизняної школи психології, може стати альтернативою вищезначеному підходу.

Принцип діяльності передбачає орієнтацію дослідження на з'ясування функціональної ролі атракції та включення її до контексту інших психологічних феноменів, таких як, соціальні установки, суміжність, емпатія, авторитет, лідерство тощо. Таким чином, будь-яке соціально-психологічне явище, в тому числі, атракція, повинне розглядатися, передусім, в умовах спільної групової діяльності. Отже, специфіка явища атракції може бути розкрита тільки у випадку, коли такі параметри як група і спільна діяльність будуть включені до дослідження.

Одним із результатів спільної діяльності людей є феномен лідерства. Саме особистість лідера найбільш впливає на соціальну атракцію колективу. Слід відзначити, що соціальна атракція залежить від особливостей кожного члена колективу. Суттєво важливі якості кожної людини за умов групової діяльності складають єдину систему для всіх членів групи. Найбільший вплив на формування цих цінностей справляють лідери, які обираються згідно ієрархії цінностей конкретної групи та є виразниками спільних інтересів. Тому дослідження особливостей міжособистісної атракції лідера має велике значення. Передусім, це важливо для виховної роботи, оскільки дозволяє:

- 1) враховувати значущі якості особистості підлітків і формувати такі якості в учнів з низьким статусом з метою підвищення їхнього авторитету;
- 2) впливати на формування суспільно-важливих особистостних якостей, спираючись на аналогічні якості того чи іншого лідера.

Мета нашого дослідження полягала у виявленні властивостей міжособистісної атракції у лідерів та ведених в учбових колективах. Об'єктом дослідження є процес атракції в міжособистісному спілкуванні. Предметом дослідження були особливості виявлення властивостей міжособистісної атракції у лідерів та ведених. Припускалося, що властивості міжособистісної атракції у лідерів та ведених проявляються по-різному:

- 1) для лідерів найбільш суттєвими будуть такі якості як комунікативність та моральні якості особистості;
- 2) для ведених - зовнішня привабливість та здатність до емпатії.

Дослідження проводилось в одній з київських шкіл (4 класи) та в ПТУ (4 групи). Вибірка складала 191 особу віком 15-17 років, із яких 99 осіб - учні ПТУ 1 курсу, 92 особи - школярі 9-11 класів.

У дослідженні використовувалися наступні методики:

- 1) соціометричне опитування для визначення експресивного лідера кожної групи;

2) особисте опитування, спрямоване на виявлення найбільш значимих якостей для підлітків.

Аналізуючи данні особистісного опитування, можна дійти висновку, що найбільший показник (за кількістю виборів) здобули наступні якості.

По всій виборці:

“фізично сильні”, “здатні співпереживати і розуміти вас”, “веселі, життєрадісні”, “сміливі, мужні”.

У школярів:

“здатні співпереживати і розуміти вас”, “веселі, життєрадісні”, “сміливі, мужні”.

Учні ПТУ:

“ті, що мають красиве обличчя”, “фізично сильні”, “веселі, життєрадісні”, “сміливі, мужні”.

Найменшу кількість виборів (по всій виборці) здобули такі якості: “інтелігентні, тактичні”, “дисципліновані”, “захоплені улюбленою роботою”.

Виявлено деякі розбіжності у школярів та учнів ПТУ по запропонованих шкалах. Так, для школярів здатність співпереживати значніше, ніж для учнів ПТУ, які на перше місце ставлять якості, що характеризують фізичну привабливість. Це, можливо, визначається статевими розбіжностями, оскільки вибірка ПТУ складається переважно з юнаків. Для них зовнішність та статура мають більше значення ніж у дівчат. Для яких характернішою є потреба в інтимності, довірливості спілкування. Юнаки, як буде показано нижче, і на роль лідера обирають фізично сильнішого та привабливішого.

На друге місце учні ПТУ поставили емоційно-комунікативні якості, а школярі - моральні, що, можливо, також пояснюється статевими розбіжностями в структурі групи, оскільки у дівчат дещо раніше формуються життєві ідеали та цінності.

Третє місце у учнів ПТУ зайняли здатність до співпереживання, а у школярів - емоційні-комунікативні якості.

Виявлено деякі розбіжності між школярами та учнями ПТУ при виборі значимих якостей привабливості та визначенні п'яти найбільш цінних якостей. По всій виборці, як і в першому випадку, передує шкала “сопереживання”. Друге місце зайняли якості фізичної привабливості. На третьому місці - моральні цінності, на четвертому - емоційні-комунікативні якості.

Таким чином, можна сказати, що найбільш значущими якостями для підлітків є ті, які належать до блоку “емпатія”. Це ґрунтується на прагненні до розуміння, співчуття як з боку однолітків, так і з боку дорослих, що суттєво в цьому сензитивному віці.

Друге місце займають якості, які пов'язані з зовнішньою привабливістю: цілком можливо, що це обумовлено їх більшою

популярністю, а, тому, більшою розвинутістю комунікативних навичок, що полегшує налагодженню контактів з ними.

Третє місце - емоційно-комунікативні якості, на четвертому - ділові якості, а п'яте місце посідають моральні якості. Такими є загальні тенденції у підлітків 15-17 років.

Середні показники за якостями, яким віддали перевагу лідери, порівняно з основною вибіркою, наступні. Лідери привабливішими вважають людей з такими характеристиками: "веселі, життєрадісні", "фізично сильні", "сміливі та мужні", "впевнені в собі". До того ж ці якості оцінюються лідерами дещо вище, ніж їх однолітками, що підтверджує припущення про те, що для дорослих, як і для підлітків, привабливішими є ті люди, які мають подібні з ними риси.

Виявлено розбіжності в якостях, яким віддається перевага лідерами та веденими серед школярів та учнів ПТУ відповідно. Лідерів груп ПТУ приваблюють люди, які "мають красиве обличчя", "фізично сильні", "веселі, життєрадісні", "сміливі та мужні". Для лідерів шкільних класів привабливішими є наступні якості: "фізично сильні", "здатні співпереживати та розуміти вас", "веселі, життєрадісні", "впевнені в собі". Отже, для лідерів ПТУ значимішим є блок якостей, які відносяться до зовнішньої привабливості, а для школярів - блок емоційно-комунікативний.

Очевидно, це можна пояснити статевими розбіжностями у двох вибірках: юнаки переважають у групах ПТУ порівняно зі шкільними класами, і в даному випадку лідери репрезентували цінності цих груп.

З приводу привабливості комунікативних якостей можна сказати наступне. Цей блок цінується вище лідерами, ніж веденими, і це, можливо, детерміноване значущістю комунікативних здатностей для лідерів, оскільки коло спілкування дозволяє їм підтримувати свій статус у групі. Лідери також вище оцінюють моральні якості. Можна сказати, що лідери підліткових груп дещо доросліші своїх однолітків, вони дещо раніше переймають пропоновані соціальні ролі та правила, а також загальнолюдські цінності. Інакше кажучи, у лідерів швидше відбувається процес соціалізації.

Розбіжність в оцінках, щодо різних властивостей атракції можна пояснити таким чином. Так, превалювання зовнішньої привабливості як значущого у лідерів фактора детерміновано достатнім ступенем задоволеності іншими компонентами, зокрема, комунікативними та емпатичними здібностями, які рештою колективу вважаються найбільш цінними.

Узагальнюючи вищенаведене, можна зробити такі висновки.

Найбільш цінними якостями в підлітковому віці є наступні: здатність до співпереживання, комунікативні якості та зовнішня привабливість. Виявлені деякі розбіжності у перевагах школярів та учнів ПТУ. Для перших найбільш важливими є емпатичні здібності,

інші віддають перевагу зовнішній привабливості. Виявлені розбіжності у перевагах, які надаються властивостям міжособистісної атракції лідерами та веденими. Найбільш важливими якостями для лідерів будуть комунікативність та моральні якості, а для ведених - фізична привабливість та здібність до емпатії.

Результати дослідження властивостей міжособистісної атракції можуть бути використані при роботі з підлітками для формування у них суспільно значущих якостей.

Поступила в редакцію 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Христенко В.Е.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Розглянуто питання моделювання емоційно-довільної регуляції поведінки людини в різних умовах. Побудовано квазіпростір психологічних детермінант поведінки людини.

Как известно, в жизнедеятельности человека эмоциональные состояния оказывают как мобилизующее, так и дезорганизирующее влияние на физиологическую и психическую деятельность, что подтверждено многочисленными наблюдениями [2,3,5].

В соответствии с принципами, изложенными в теории самоорганизации, человек как биологический индивид и как социальное образование является самоорганизующейся системой. Согласно основных положений этой теории любая система (в том числе и человек) постоянно стремится к состоянию равновесия, уравниваемости с окружающей средой [6,7].

Для того, чтобы достигнуть этого состояния, система должна:

- определить то, что необходимо ей делать;
- определить как это делать;
- определить сколько это делать.

Выполнение данных трех условий и позволяет системе достигнуть состояния равновесия.

Многообразие форм поведения, которое описывается в различных источниках литературы [1,3,4,8], психофизиологической направленности, физиологические исследования высшей нервной деятельности говорят о том, что поведение человека имеет определенное морфо - функциональное обеспечение.

В зависимости от результата поведения человека для повышения уровня его адаптации к данной среде может трансформироваться та или иная форма его поведения. При положительном результате деятельности у человека появляется чувство удовольствия. И наоборот, неудовлетворенность конечным результатом вызывает чувство неудовлетворения. Многочисленные исследования показали наличие нервных центров удовольствия - неудовольствия [4].

В соответствии с положениями теории самоорганизации, результатами исследований психофизиологии можно предположить, что основными детерминантами поведения человека являются:

- способность человека определять что необходимо делать для достижения равновесия со средой пребывания. Рассматривая психологию поведения человека, психологи (А.Маслоу, 1954; Х.Хекхаузен, 1977; К.Л.Халл, 1952) пришли к выводу о том, что поведение человека прямым образом детерминировано его потребностями, которые являются мотивом поведения. Перебирая варианты "необходимого" человек определяет, что для него наиболее важно, значимо в данный момент, у человека формируется иерархия потребностей. В процессе жизнедеятельности происходит отклонение от нормального, оптимального состояния, что вызывает необходимость мобилизации функций организма для возвращения в норму. Это требует психической регуляции деятельности всего организма человека. Таким образом, степень активности нервных центров зависит от значимости происходящих событий для жизнедеятельности организма, учитывая при этом как психофизиологические, так и социальные условия среды, которые обеспечивают адекватные формы поведения.
- способность выбирать варианты достижения намеченной цели, т.е. как это делать, рассматриваются варианты "подчинять или подчиняться". В процессе жизнедеятельности человек кроме удовлетворения потребностей еще рассматривает и возможности удовлетворения их.
- устанавливать момент, когда "это" делать уже не надо, т.е. определять степень удовлетворенности. Конечный результат может быть достигнут в полном объеме, достигнут частично или не достигнут совсем. Это вызывает у человека различные степени удовлетворенности ним.

Таким образом, выделяются три взаимонезависимые характеристики с дихотомической структурой, детерминирующие поведение человека в различных условиях:

- значимость потребности;
- возможность удовлетворения потребности;
- удовлетворенность конечным результатом.

- Это позволяет произвести модельное построение квазипространства детерминант поведения человека в трехмерном пространстве, используя оси: "значимость", "уверенность", "удовлетворенность" (рис. 1). Точка, определяющая максимальный уровень всех трех составляющих, будет определять максимальный уровень напряженности всей нервной системы человека (точка С на рис. 1). Соответственно, точка, определяющая минимальное значение всех составляющих, будет определять также максимальный уровень напряженности, но с противоположным знаком (т. А на рис. 1).
- Очевидно, что диагональ, соединяющая эти две отмеченные точки будет графическим отображением уровней напряженности психических процессов человека, протекающих в какой-либо момент времени. Данная диагональ по сути является "осью эмоций". Состояние напряженности всех компонентов психической деятельности и является эмоцией, которая может быть либо отрицательной, либо положительной.

Каждое эмоциональное состояние (кроме 2-х крайних) имеет значительное количество сочетаний составляющих характеристик, рождая огромное многообразие переживаний человека.

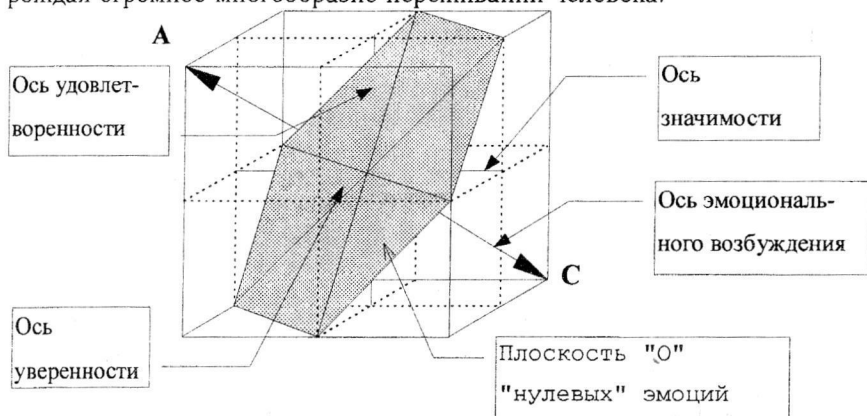

Рисунок 1. Квазипространство детерминант поведения человека. Линия AC - ось эмоционального состояния. Точка "С" определяет максимальный общий уровень положительного эмоционального напряжения. Точка "А" определяет максимальный уровень отрицательного эмоционального напряжения. Плоскость "О" проходит через "0" системы координат и обозначает все многообразие "нулевых" эмоциональных состояний.

По мере увеличения напряжения уменьшается способность выделения незначимых в данный момент факторов. Происходит

мобилизация психических функций для реагирования на возникшие более значимые раздражители. В этот момент человеком учитываются только значимые внешние раздражители, и только они определяют принятое решение. Дальнейшее нарастание эмоционального напряжения приводит к тому, что деятельность человека переходит в область однозначно определенных действий, приближаясь к безусловно-рефлекторной деятельности. Когда уровень эмоционального напряжения достигает максимального значения, деятельность переходит на бессознательный уровень поведения.

Анализ модели поведения человека позволяет выделить особые зоны квазипространства эмоционального напряжения, которые ограничиваются плоскостями модели. Расположение плоскостей не является произвольным, а подчинено требованиям графических построений. Все плоскости перпендикулярны диагонали АС и делят "ось эмоций" на 6 равных частей по 3 в каждую сторону.

Точки А и С являются графическим отображением срыва произвольно-регуляторных процессов, возникшего в результате крайнего эмоционального напряжения. Как показывает модельное построение, такие состояния нервной системы человека являются чрезвычайно редкими, что подтверждается также эмпирическими исследованиями.

Плоскости делят весь объем модельного построения на 5 областей, распределение которых соответствует "нормальному" закону. Так как единая терминология еще не выработана, то мы будем использовать следующие временные названия этих областей:

- 1-я "положительный аффект" - в интервале 2σ - 3σ отклонения в сторону точки С;
- 2-я "положительный стресс" - в интервале 1σ - 2σ отклонения в сторону точки С;
- 3-я нормальное, оптимальное состояние - интервал $\pm 1\sigma$ отклонения в обе стороны от нулевого значения;
- 4-я "отрицательный стресс" - в интервале 1σ - 2σ отклонения в сторону точки А;
- 5-я "отрицательная аффект" - в интервале 2σ - 3σ отклонения в сторону точки А.

Области 1 и 5 занимают по 2% от общего объема модели; 2 и 4 - по 14%, 3 - 68%. Таким образом, распределение объемов в модельном построении (см. рис. 1) полностью соответствует "нормальному" закону распределения. То есть наиболее часто уровень эмоционального напряжения человека соответствует средним значениям, наименее часто - максимальным.

Использование этой модели дает возможность определения типичных форм поведения человека в различных условиях деятельности.

Литература:

1. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. - М.: Наука, 1979;
2. Дельгадо Х. Мозг и сознание. - М.: 1971;
3. Селье Г. Стресс без дистресса. - Рига: 1992;
4. Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы. - Ленинград: 1964;
5. Мэгун Г. Бодрствующий мозг. - М.: 1965;
6. Седов Л.И. Методы подобия и размерности в механике. - М.: 1981;
7. Эшби У.Р. Принципы самоорганизации. - М.: 1966.
8. Перре М. Возможности компьютерного самоконтроля над способами поведенческого реагирования в условиях стресса повседневной жизни // Социальная и клиническая психиатрия - М.: 1996. - №1.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

Яблонський А.І.

МОТИВАЦІЙНИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРІ ПСИХОЛОГІЧНОЇ ГОТОВНОСТІ ДО ПЕДАГОГІЧНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

**Досліджено провідні мотиви педагогічної діяльності що
сприятимуть формуванню професійно важливих
якостей майбутніх педагогів**

Дослідження психологічної готовності до педагогічної діяльності залишається актуальним і сьогодні. Багато аспектів цієї проблеми проблеми залишаються до цього часу маловивченим. Одним з них є вивчення мотиваційної сфери педагогів.

Підґрунтям для дослідження психологічної готовності до педагогічної діяльності є праця психологів, присвячені вивченню професійної готовності (В.О.Моляко, М.Д.Левітов, А.В.Веденов, М.І.Дьяченко, Л.А.Кандибович, О.Г.Ковальов, М.А.Михайлов, Д.Ф.Ніколенко, А.Б.Орлов, К.К.Платонов, А.А.Смірнов, П.Р.Чамата та ін.).

У рамках цих досліджень довготривала психологічна готовність до праці розглядається як особистісне утворення, характеристика особистості, що є суттєвою передумовою успішної діяльності, хоча позначається різними поняттями: підготовленість, тривала або стійка готовність тощо. Визначаючи сутність психологічної готовності до праці, дослідники по-різному уявляють її структуру. Так, Д.Ф.Ніколенко та П.Р.Чамата до системи психологічної готовності до праці вперше

вводять систему загальноосвітніх знань, трудових вмінь і навичок. Провідна роль у цій структурі належить системі морально-психологічних якостей, які визначають насамперед позитивне відношення до праці.

Останнім часом з'явилося багато праць, присвячених дослідженню готовності до різноманітних конкретних видів діяльності: готовності до праці на сучасному виробництві (В.О.Моляко, М.Л.Смульсон, С.М.Равинович та ін.); готовності до праці в сільськогосподарському виробництві (О.І.Мороз, Р.Д.Санжаєва); готовності до спортивної діяльності (Л.Є.Жарикова); готовності до педагогічної діяльності (К.М.Дурай-Новакова, П.П.Горностай, Т.В.Іванова, Л.А.Ковальова, М.В.Левченко, С.О.Ніколаєнко, В.О.Сластьонін та ін.); готовності до конструкторської діяльності (В.О.Моляко).

Незважаючи на широту аспектів психологічної готовності до праці, багато її аспектів ще залишаються маловивченими. Зокрема, при системному підході і структурному аналізі готовності до діяльності, все ще не досягнуто єдиної думки у розумінні цього явища як системи, у виявленні системотвірних чинників.

При проведенні дослідження ми намагалися подолати існуючі недоліки в розробці проблеми готовності до праці. Насамперед це стосується уточнення поняття готовності, а також системно-структурного аналізу даного феномена.

Підґрунтям нашого дослідження стали основні положення вітчизняної психології особистості і психологічної теорії діяльності. Як будь-яке системне явище, особистість має свою динамічну функціональну структуру. За основу була зята структура особистості, запропонована К.К.Платоновим. Ця структура добре підходить для характеристики готовності до діяльності як цілеспрямованого прояву особистості. Структура готовності містить в основному, ті самі компоненти, що і структура особистості, тільки стосовно діяльності.

Грунтуючись на основних підходах до трактовки поняття психологічної готовності до професійної діяльності, можна констатувати, що існує готовність як сукупність особистісних властивостей і готовність як сукупність психологічних станів. Стимулювання останніх дасть змогу формувати психологічну готовність як довготривалу (стійку), яка є синдромом професійно важливих якостей особистості, так і динамічну (тимчасову), що є ситуативним психічним станом.

Поняття готовності являє собою сукупність всіх внутрішніх умов успішної діяльності: моральних, психологічних, психофізіологічних, фізичних. Таке розуміння готовності передбачає виділення найважливіших з них.

Коротко зупинимося на аналізі готовності до педагогічної діяльності в літературі.

Так, В.А.Сластьонін у структурі цілісної професійної готовності до педагогічної діяльності розрізняє мотиваційно-ціннісний (особистісний) і виконавчий (процесуальний) компоненти. Автор вважає, що якості, які складають зміст мотиваційно-ціннісного компонента готовності, інтегрований у спрямованості особистості як сукупності домінуючих мотивів її професійної поведінки та діяльності. Виконавчий компонент готовності містить в собі уміння вчителя обґрунтовано визначити і раціонально застосувати способи, які найбільш ефективно приводять до заданих виховних цілей у конкретних педагогічних ситуаціях.

Поділяючи точку зору В.А.Сластьоніна, Т.Ф.Садчикова виділяє в структурі мотиваційного компоненту мотиви вибору професії, усвідомлення суспільної значущості праці, відношення до діяльності, прагнення до самоосвіти, а в структурі процесуального компонента - міру оволодіння вміннями, якістю знань (, с.7).

Професійну готовність як ціннісне явище розглядає К.М.Дурай-Новачова і розрізняє: 1) мотиваційний; 2) орієнтаційно-пізнавально-оцінний; 3) емоційно-вольовий; 4) операціонально-дійовий; 5) установчо-поведінковий компоненти.

Узагальнюючи вищенаведені точки зору в структурі стану готовності можна виділити такі компоненти: 1) мотиваційний (відповідальність за виконання завдань, почуття обов'язку, мотиви професійної діяльності, професійно значущі потреби); 2) пізнавально-орієнтаційний (знання і уявлення про особливості і умови професійної діяльності, вимоги професійних ролей, способи розв'язання професійних завдань); 3) операціонально-дійовий (володіння способами і прийомами діяльності, необхідними знаннями, навичками, вміннями, процесами аналізу, синтезу, порівняння, узагальнення, адаптація до вимог професійних ролей і умов педагогічної діяльності); 4) емоційно-вольовий (самоконтроль, самообілізація, вміння управляти діями, з яких складається виконання професійних обов'язків учителя); 5) оцінний (самооцінка своєї підготовленості і відповідальності процесу розв'язання професійних завдань оптимальним зразком).

Не заперечуючи значення операційного компонента в структурі психологічної готовності до професійної діяльності, слід звернути увагу на аналіз іншого, більш важливого, утворення в цій структурі. Таким утворенням є мотиваційний компонент. Саме вказаному компоненту структури психологічної готовності належить роль системотвірного чинника, який детермінує формування всіх інших компонентів цілісної системи.

Особливе місце в структурі мотиваційної готовності займають професійно важливі якості особистості. Це особливо помітно при спробі

аналізу взаємозв'язку мотивів і властивостей особистості. Згідно позиції С.Л.Рубінштейна, "...мотиви стають при послідовній, однорідній поведінці... - звичним для людини і таким чином, закріплюючись в ній, не тільки виявляють, а й формують особистісні властивості. Мотив, дійовий для даної людини, - це потенційно майбутня риса її характеру в її генезисі, так само як риса характеру - це згусток мотивів людини, який осів і закріпився в ній, що одержав в силу умов життєвого шдяху і виховання особливу дійовість і стійкість". Іншими словами, властивості особистості - це не тільки результат дійовості того чи іншого мотива. Закріплюючись у даної особистості, певні властивості стають, у свою чергу, дійовими і стійкими мотивами її поведінки.

Мета нашого дослідження полягала у виявленні ролі мотиваційного компоненту та його якісної характеристики в структурі психологічної готовності до педагогічної діяльності. У ньому взяли участь 40 вчителів м. Києва та м.Умані, майстрів педагогічної діяльності. Їм пропонувалися для заповнення три опитувальники: тест-опитувальник для дослідження потреби у досягненнях, опитувальник "Професійно важливі якості вчителя" та "Що спонукає Вас працювати вчителем?"

Результати дослідження свідчать про те, що мотиваційний компонент є системотвірним чинником психологічної готовності до педагогічної діяльності. Провідними мотивами педагогічної діяльності виявилися потреба у творчій самореалізації, любов до дітей, потреба у спілкуванні та потреба у визнанні іншими людьми.

Серед професійно важливих якостей вчителя переважна більшість вчителів називали дидактичні здібності, тобто гарне володіння предметом та вміння передавати наявні знання учням, а також здатність вчителя вміло налагоджувати спілкування з колегами, учнями та їхніми батьками, тобто комунікативні здібності.

У переважної більшості вчителів виявлена адекватна самооцінка з незначною тенденцією до завищення, а також високий рівень розитку потреби у досягненнях, що свідчить про наявність такої якості як упевненість у собі.

Результати проведеного дослідження стали підґрунтям для створення методики формуючого експерименту. На нашу думку, формування майбутнього вчителя повинне ґрунтуватися на формуванні професійно важливих якостей учителя, в основі чого лежать провідні мотиви діяльності вчителя. Виявивши провідні мотиви педагогічної діяльності вчителів-майстрів педагогічної діяльності, ми одержали перелік мотивів та професійно важливих якостей, які в ідеалі повинен мати випускник педагогічного вузу. Тому з перших курсів навчання в педагогічному вузі слід спрямовувати на формування провідних мотивів педагогічної діяльності, що, в свою чергу, буде сприяти формуванню професійно важливих якостей майбутніх педагогів.

Таким чином, на основі результатів проведеного дослідження можна зробити наступні висновки:

- 1) Мотиваційний компонент є провідним чинником психологічної готовності до педагогічної діяльності.
- 2) Провідними мотивами педагогічної діяльності є потреба у творчій самореалізації, любов до дітей, потреба у спілкуванні та потреба у визнанні іншими людьми.
- 3) Професійно важливими якостями вчителя названі, насамперед, дидактичні здібності (володіння предметом та вміння передавати знання) та комунікативні здібності (спілкування з учнями, батьками та колегами).
- 4) Формування психологічної готовності до педагогічної діяльності повинне спрямовуватися, насамперед, на розвиток мотиваційної сфери студентів, результатом чого стане розвиток професійно важливих якостей учителя.

Литература

1. Горностай П.П. Формирование психологической готовности старшеклассника к педагогической деятельности: Дисс... канд. психол. наук. - К. 1988, 149 с.
2. Турай - Новакова К.М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности.: Автореф. дисс.... д-ра пед. наук. - М. 1983. 32 с.
3. Моляко В.А Психология конструкторской деятельности. - М. 1983. 116 с.
4. Николаенко С.А. Системный анализ профессиональной готовности будущего учителя к педагогической деятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. - К. 1985. 24 с.
5. Николенко Д.Ф. Структура личности воспитателя // в кн: Формирование личности воспитателя общеобразовательной школы в педагогическом вузе. - К. 1984. с.12-19.
6. Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии // в кн. проблемы общей психологии. - М. 1973. 416 с.
7. Сластенин В.А. Профессиоанльная готовность учителя к воспитательной работе: Содержание, структура, функционирование // в кн. Профессиоанльная подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М. 1982. с 14-28.
8. Чамата П.Р. Психологічна готовність дітей до праці. -К. 1960, 36 с.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МЕТОДИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

У статті розглянуто схему фокусного інтерв'ю та методику "Ситуації", що була сконструйована автором по типу критеріально-орієнтованих тестів. Приведені методики можна використовувати для оцінки підприємницької активності.

Процесс развития предпринимательства в нашей стране находится на начальном этапе, эмпирическая база данных психологических исследований на этом объекте пока мала. Это объясняет целесообразность использования полустандартизированной формы интервью, позволяющей собрать информацию, еще мало структурированную, как о некоторых объективных, так и субъективных сторонах деятельности предпринимателей.

В разработанной нами схеме фокусированного интервью мы выделили два блока вопросов. Вопросы первого блока были ориентированы на сбор информации об объективной стороне деятельности предпринимателей. Например, о времени существования фирмы, предприятия, о времени пребывания опрашиваемого в этой сфере деятельности, о профиле специализации деятельности, о субъективном определении своего статуса в фирме. Ответы на эти вопросы дают возможность фиксации уровня развития предпринимателя как деятеля и уровня развития его предприятия.

Второй блок интервью нес нагрузку одного из основных методов - метода "проблемных ситуаций" или метода "оценочной модели" /1, с.121 - 124, 153, 165, 223-224/. Метод разработан М.Р. Goldfrid и L.D. Zurilla, 1969, для оценки компетентности - "эффективности или адекватности, с которой индивид способен реагировать на различные, возникающие перед ним проблемные ситуации". Данный метод разрабатывался в рамках поведенческо-аналитического подхода. Он относится к типу тестов критерияльно-ориентированных, учитывающих ситуационную специфичность активности индивидуумов.

Термин "тест - критерияльно-ориентировочный" предложен Р. Глассером в 1963 году. Критерияльно-ориентированные тесты предназначены для определения уровня индивидуальных достижений относительно некоторого критерия, основанного на логико-функциональном анализе содержания заданий. Критерии - конкретные знания, умения, навыки, необходимые для выполнения той или иной задачи, специфичной для определенной сферы деятельности. Как психологические конструкты - знания, умения, навыки трудны для

количественного измерения. Поэтому логико-функциональный принцип изучения их в деятельности конкретного индивида представляется наиболее целесообразным. Это - основное отличие таких тестов от традиционных психометрических, оценка в которых осуществляется на основе соотнесения индивидуальных результатов с групповыми /ориентированными на статистическую норму/.

Принцип ситуационной специфичности прозвучал в 60-ые годы, когда в оценке личности стали больше уделять внимание обобщенным чертам характера, которые не неподвижны, не неизменны, а часто являются функциями ситуации. P.Wachtel /Wachtel P., 1973/, D. Magnusson /Magnusson D., 1977/ замечали, что "индивиды отыскивают и даже формируют наличные ситуации в соответствии со своими личностными диспозициями... Они сами создают собственную ситуационную специфичность..." /3, т.1, с.32/.

Этот принцип позволяет учитывать свойства конкретных индивидов при осуществлении ими поведения разного класса. Ситуационная специфичность проявляется в неинтеллектуальных областях поведения, когда для достижения цели важны такие свойства, как агрессивность, социальный конформизм, подчиненность, строгость, честность, определенное отношение к авторитетам и др. Некоторые из этих особенностей ситуационного поведения также важны для успеха в предпринимательской деятельности, которая по замечанию некоторых авторов требует проявления прагматизма, утилитарности, наряду с развитой интуицией и догадливостью. Поэтому для изучения психологических особенностей человека, способного проявить себя в предпринимательской деятельности, мы избрали метод "проблемных ситуаций", специфичных для этой сферы активности. Мы полагали, что пространство проявления предпринимательской активности проблематично вообще, а в отечественном регионе в особенности (нетрадиционность способов действия, сметание рутинных правил и т.д.)

Люди, включившиеся в сферу предпринимательской деятельности, сталкиваются с какими-то специфическими проблемами и решают их посредством той или иной степени развитости индивидуальных умений, оказывающихся адекватными для предпринимательства.

В нашем исследовании испытуемым предлагалась инструкция: "Вспомните, пожалуйста, и опишите, когда Вы пережили особо трудные ситуации в работе, которые Вы разрешили либо успешно, либо неудачно. Что Вы при этом делали?"

События, названные испытуемыми в этом блоке в дальнейшем были сконструированы в методику "Ситуации", позволяющую определить специфические особенности поведения предпринимателя в проблемных ситуациях. По содержанию ситуации представляли собой

действительные, в жизни произошедшие события с предпринимателями и воспринятые ими как "проблемные". Предполагалось, что в способах решений проблемных ситуаций отражаются специфичные особенности поведения испытуемых /2, с. 95-100/.

Эти ситуации получили следующие условные названия.

1. Самореализация.	5. Компаньон.
2. Прибыль.	6. Крах.
3. Родственный долг.	7. Аренда.
4. Презент.	8. Долг.

Например:

СИТУАЦИЯ 2. У Вас, как у одного из хозяев фирмы в четверг неожиданно из дела, неведомо для других появилось 2 тыс. долларов. Вам необходимо в два дня реализовать эту сумму. Как Вы поступите:

1. Заплатите по задолженности за аренду помещения.
2. Истратите на личные нужды.
3. Вложите в оборот на бирже.
4. Положите в банк под проценты.
5. Поделите между компаньонами.

СИТУАЦИЯ 5. Вы и Ваш друг основали фирму. Работаете уже более 2-х лет совместно. Вдруг Вы начинаете замечать, что Ваш друг постепенно уменьшает зарплату работникам фирмы, из-за чего те стали хуже выполнять работу, хотя все являются первоклассными специалистами. Вы недовольны, т.к. доходы фирмы из-за этого стали падать. Но Ваш компаньон не обращает внимания на Ваши замечания и ничего не хочет менять. Как Вы поступите:

1. Поговорите с другом о причине снижения зарплаты.
2. Будете ждать дальнейшего развития событий.
3. Предложите другу разделить фирму.
4. Выкупите у друга его долю.
5. Уедете в отпуск, оставив друга одного руководить фирмой.

Обработка теста ситуаций (апробированного в дипломной работе Храмовой В.А.) включала смысловой анализ выбранных решений испытуемыми разных профессиональных групп, подсчет статистических критериев значимости различий в выборе решений предпринимателями и непредпринимателями; группировка способов решений в зависимости от предпочитаемых выборов.

Результат подсчета критерия значимости позволил определить небезразличие степени предпочтения разными группами испытуемых того или иного решения на уровне именно группового предпочтения и выявить особенности предпринимательских способов решения проблемных ситуаций.

Люди, проявляющие себя как "предприниматели" обладают высокой чувствительностью к новым сигналам, быстрой ориентировкой при изменении ситуации. При этом человек, проявляющий

предпринимательскую активность, остается способным к успешным конструктивным действиям, по сравнению с другими людьми. Это и определяет их успешность в пространстве общества, меняющего свою экономическую ориентацию.

Литература:

1. Анастаси А. Психологическое тестирование: Пер. С англ.- М.: Педагогика. 1982.- Т 2.- 318с.
2. Методология исследований по инженерной психологии и психологии труда// под ред. Крылова А.А.- Л.: ЛГУ, 1974.- Ч 1- 148 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: Пер. С нем.- М.: Прогресс, 1977.- Вып. 1.- 158 с.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Вест. Харьк. Ун-та сер. Психология. 1997 №395

***Ячина А.С.
Бабаченко Е.И.***

ИНФАНТИЛИЗМ КАК ЛИЧНОСТНАЯ НЕЗРЕЛОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Стаття присвячена проблемі непатологічних форм інфантилізму у сучасних підлітків. У них охарактеризовані головні чинники та умови виникнення особистої незрілості. Показано залежність емоційно-вольового недорозвитку підлітка від умов виховання у родині. Дано характеристики особистим особливостям інфантильних підлітків.

С проблемой инфантилизма как личностной незрелостью ученые, особенно психиатры, столкнулись довольно давно. Но, несмотря на успехи в изучении психического инфантилизма, к настоящему времени эта проблема является пока малоизученной. Актуальность ее особенно возрастает в связи с резкими социально-экономическими изменениями последних лет, которые оказали существенное влияние не только на взрослых людей, но и на подростков. Одни из них быстрее взрослеют и уже не нуждаются в опеке взрослых, другие - как бы застревают в детском возрасте.

С инфантильными детьми и подростками приходится сталкиваться всем: педагогам, юристам, милиции, врачам и т.д. По данным некоторых исследователей, процент психически незрелых людей среди правонарушителей достигает примерно 50%. Среди наркоманов [в первую очередь, алкоголиков] он приближается к 75%. В школе почти в каждом классе есть дети, которых приходится усиленно

контролировать, инфантильные 6-летки вообще не готовы к школьному обучению.

Известно, что разрушение семей бывает чаще у психически незрелых, безответственных, непредусмотрительных людей, даже если им уже по 40-50 лет.

Предметом нашего исследования были непатологические формы психической незрелости. Цель исследования состояла в изучении причин и условий возникновения социально-психологического инфантилизма, в определении основных характерологических особенностей инфантильных подростков.

В исследовании принимали участие 33 подростка в возрасте 14-15 лет, а также их родители. В исследовании использовались следующие методики: парохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО) А.Е. Личко; опросник для родителей по анализу семейного воспитания и причин его нарушения (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера; проектные методики "Кинетический рисунок семьи", "Дом - дерево - человек", "Несуществующее животное"; методика Будасси для определения самооценки, социометрические методики.

Нами было установлено: многие подростки даже к 14 годам еще не вошли в нормативный кризис подросткового возраста. По сложившимся ранее представлениям, в соответствии с главным новообразованием - появлением чувства взрослости - подросток должен стремиться стать взрослым. В противовес этому мы получили данные о явном количественном преобладании инфантильных подростков над акселератами. Из 33 обследованных подростков у 30% выявлена акселерация, у 67% - инфантилизм, причем инфантильных мальчиков на 37% больше, чем девочек. Это свидетельствует о том, что подростки не хотят становиться взрослыми. Если посмотреть более широко - общество в целом, прежде всего - семья и школа, не обеспечивают развития самостоятельных и ответственных личностей. И тот факт, что у 87% мальчиков обнаружены черты инфантилизма, не является случайностью. В наше время большинство мальчиков и дома и в школе воспитываются женщинами. И будущим мужчинам не всегда есть с кого копировать модели правильного мужского поведения, это нередко задерживает гармоническое развитие психически мальчика, делает его незрелым.

По данным ПДО практически все обследованные подростки [91%] имеют то или иное заострение черт характера. У инфантильных подростков наиболее часто встречаются истерический и неустойчивый типы акцентуаций, реже - психостенический, шизоидный, эпилептоидный. По классификации Сухаревой Г.Е. два из обнаруженных типа - истерический и неустойчивый - относятся к дисгармоническому варианту психического инфантилизма. У "неустойчивых" инфантилов менее сформированной оказывается

волевая сфера. Им свойственно болезненное слабоволие, несамостоятельность, неумение и неспособность довести до конца любое дело. Для коррекции такого типа инфантилизма очень важна роль коллектива, где имеется взаимная ответственная зависимость.

У инфантилов "истерического" типа, чаще всего это девочки, больше страдает эмоциональная сфера. Таких подростков как можно раньше нужно фиксировать на мысли о приобретении конкретной специальности, развивать у них соответствующие профессиональные навыки.

Нами было обнаружено, что основной причиной воспитания инфантилизма у подростков является гиперпротекция. Чаще всего - это потворствующая гиперпротекция. Этот тип неправильного воспитания выявлен у 55% семей инфантильных подростков. В этом случае родители стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей подростка. Объясняя необходимость такого воспитания, родители приводят аргументы, являющиеся типичной рационализацией - "слабость ребенка", его исключительность, желание дать ему то, чего сам был лишен в свое время, то, что подросток растет без отца и т.д. Потворствование в большинстве случаев происходит на фоне фобии утраты ребенка. Довольно часто, у 40% семей инфантильных подростков, встречается такой тип неправильного воспитания, как доминирующая гиперпротекция. Подросток в этих семьях также находится в центре внимания родителей, отдающих ему много сил и времени, но, в то же время, лишаящих его самостоятельности, ставя многочисленные запреты и ограничения.

Нами было установлено, что с увеличением роли доминирующей гиперпротекции в воспитательном процессе семьи возрастает уровень инфантилизма у подростков.

Анализируя личностные отношения в семьях подростков, мы установили, что неблагоприятные межличностные отношения способствуют развитию инфантилизма: росту тревожности по поводу семейной ситуации - 58%, конфликтности - 63% и чувства неполноценности в семейной ситуации - 45%. Подростки очень нуждаются в доверительных отношениях, и прежде всего, - с родителями. Но большинство родителей не умеют ни увидеть, ни, тем более, учесть в практике воспитания такого интенсивного процесса взросления, который протекает на протяжении подросткового возраста, всеми силами пытаются сохранить "детские" формы контроля и общения с подростками. Часто это связано с низкой психолого-педагогической культурой самих родителей, но вероятнее всего, причины кроются в отклонении характера родителей и психологических проблемах, решаемые ими за счет своих детей. Подростки вольно или невольно оказываются втянутыми в межличностные конфликты

взрослых, стремящихся использовать их в выгодной для себя ситуации, навязывая при этом определенные "детские" роли: "кумира семьи", "мамино [папиного, бабушкиного и т.д.] сокровища" и др. Тем самым родители подсознательно тешат свое самолюбие и обязывают подростка к поддержанию семейного престижа. О подлинных интересах, чувствах, желаниях самого подростка такие родители думают менее всего. По сути, фрустрированной оказывается потребность подростка в равноправном со взрослыми партнерстве в общении, совместной деятельности. Определенная часть подростков, отстаивая свои права "быть взрослым", вступает в открытые конфликты с родителями, окружающими взрослыми. Другим комфортнее остаться в детском возрасте. Это - инфантилы. Третьих мучают серьезные внутриличностные проблемы.

С помощью проективных методик была выявлена очень высокая тревожность у подростков, особенно у инфантильных. С увеличением уровня инфантилизма у подростков наблюдается возрастание таких симптомов, как неуверенность, чувство неполноценности, трудности в общении, страхи.

Исследование особенностей самооценки показало, что более критично оценивают себя благополучные подростки, в частности, 45% из них имеют адекватную самооценку, столько же - завышенную и 9% - заниженную. С увеличением уровня инфантилизма возрастает неадекватность самооценки в сторону ее завышения. Подростки с низким уровнем инфантилизма в 22% случаев имеют завышенную самооценку, со средним - в 73%, с высоким - в 100% случаев.

Социометрические исследования классного коллектива, в котором обучаются инфантильные подростки, позволили установить, что большинство из них чувствуют себя дискомфортно. Группа пренебрегаемых и отвергаемых практически состоит из инфантов. Это вызвано желанием оставаться в тени, неуверенностью, трудностями в общении, замкнутостью и пассивностью инфантильных подростков.

Подросток - это клубок проблем, и прежде всего - для самого себя. Разрешая возникшие проблемы, человек переходит от детства к взрослости. Если ребенок не обращается к глобальным проблемам, это значит, что личность не развивается, человек застревает в инфантилизме, превращается в ребенка, упакованного в оболочку взрослого. С другой стороны, ребенок живет в окружении людей, так что, в конце концов, он становится тем, кем его сознательно или нет делают взрослые. По-видимому, эта зависимость не фатальна, но чтобы преломить это влияние, нужны гораздо большие усилия со стороны самого ребенка и значительные изменения ситуации, в которой он находится. Действенную помощь в обнаружении и преодолении инфантилизма могут оказать психологическая служба в школе, а также

различные психотерапевтические группы по коррекции личности и поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буянов М. И. Беседы а детской психиатрии.- М.: Просвещение, 1992. С. 131-146
2. Сухарева Г. Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. - М.: Медицина, 1959. - Т.2. - 406с.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Т. Рейк "ТРИДЦАТЬ ЛЕТ С ФРЕЙДОМ".

*(Пер. с фр. и вступ. статья
Лукашенко И.Н., Бондаренко Л.И.)*

Настало время, когда, наконец, у нас стала издаваться литература по психоанализу, и наряду с классическими трудами Фрейда, Юнга, Адлера, работами их учеников и последователей, выходят в свет на русском языке их биографии. Работы, посвященные жизни и творчеству Фрейда, сами могут стать и становятся объектами исследования. Психоанализ как феномен культуры - предмет непрекращающихся дискуссий. В нем, как ни в одной отрасли знания, авторское, субъективно-личностное начало выполняет креативную функцию: психоаналитические концепции являются в значительной мере воплощением и попыткой решения внутренних личностных, даже интимных проблем их авторов. Поэтому многочисленные биографические исследования - прежде всего, посвященные Фрейду, - оказываются в центре дискуссий о сущности психоанализа.

Может ли быть выполнено беспристрастное, "объективное" исследование жизненного пути и творчества Фрейда? Трудно ответить на этот вопрос, скорее всего, это в принципе невозможно.

Первое место среди биографий Фрейда занимает классическое, 3-томное, прекрасно документированное исследование его ученика, "главного биографа" Фрейда, англичанина Эрнста Джонса. Однотомный вариант этой биографии недавно издан в переводе на русский язык. Утверждают, что оно, хотя и "классическое", однако, далеко не беспристрастное: материал, документы подбирались тенденциозно, чтобы представить Фрейда в лучшем свете. Краткое исследование французского психолога Рустана "Жестокая орда" обоснованно, документально доказывает, что Фрейд интриговал - сознательно или бессознательно, - сталкивал своих ближайших учеников, каждый из которых стремился быть первым рядом с "Отцом", в то же время направлял их против "неверных", осмеливавшихся выйти из поля деспотического контроля "Отца" и занять собственное место в психоанализе; именно для пресечения таких интенций и был создан тайный "комитет" из ближайших и верных учеников во главе с самим Фрейдом. Не очень-то привлекательная личность вырисовывается на страницах статьи Рустана, признанной уже классической.

Особое группу биографических работ составляют психоаналитические исследования личности и творчества З. Фрейда;

издан у нас: Э. Фромм "Миссия З.Фрейда", Л.Шерток, Р.де-Соссюр "Рождение психоаналитика", множество других ждут своей очереди.

Среди работ, посвященных З.Фрейду, обычно в первой пятерке называют работу Теодора Рейка "Тридцать лет с Фрейдом", хотя она не претендует быть ни биографией, ни психобиографией основоположника психоанализа.

Теодор Рейк (1888-1969) - ученик З.Фрейда и К.Абрахама, практиковал и преподавал психоанализ в Вене, Берлине; после прихода к власти нацистов жил и работал в США. Наибольший вклад он внес в прикладной психоанализ: рассматривал связь между переживаниями Эдипова комплекса и религиозными убеждениями, исследовал садизм и мазохизм. Фрейд весьма похвально отзывался о его работах, посвященных религии, ритуалу.

"Тридцать лет с Фрейдом" - воспоминания ортодоксального постфрейдиста, почтительного и скромного ученика, искренне уважающего и любящего Учителя. Простым и доступным языком Т.Рейк рисует нам образ Фрейда как он складывался в повседневном общении с ним и другими его учениками, описывает различные сцены, приводит остроумные высказывания, излагает неизвестные, подчас удивительные моменты жизни создателя психоанализа. Т.Рейку, возможно независимо от его желания, удалось создать чувственно-зрительный, феноменологический образ Фрейда, хотя он не прибегает к собственно изображению его портрета: мы представляем Фрейда, узнавая его манеру общаться, его высказывания, мелкие детали его поведения, жесты и т.д.: легко поверить, что такой Фрейд, каким запомнил его Т.Рейк, заслуживает не только уважения, но любви и восхищения. Одновременно со страниц книги возникает и образ самого Теодора Рейка, но сколько-нибудь убедительно судить о нем можно, ознакомившись со всей книгой.

Ниже мы предлагаем Вашему вниманию несколько фрагментов из I главы "Портрет друга и учителя" книги Т. Рейка "Тридцать лет с Фрейдом".

Реферативный перевод выполнен Лукашенко И.Н. и Бондаренко Л.И. по изданию: Theodor Reik "Trente ans avec Freud", Bruxelles, 1975.

Я собрал здесь воспоминания о тридцати годах, которые я провел возле Фрейда. Все эти годы его деятельность и личность служили для меня источником ни с чем не сравнимого вдохновения. Воспоминания и впечатления, которые здесь помещены, являются, большей частью, личными. Они посвящены, в основном, собственно Фрейду, как человеку, так и научному исследователю, но не касаются материалов его научной работы. Моя собственная работа, также как и мои книги, может свидетельствовать о том глубоком влиянии, которое научная деятельность Фрейда оказала на меня. Я вовсе не стремился написать биографию Фрейда. Я хочу только собрать здесь некоторые

впечатления о тех днях, когда ему хорошо работалось и жилось. Часто, когда я обдумываю ту или иную идею, я ловлю себя на мысли, что я ему о ней расскажу в письме. Я себя спрашиваю: что он об этом подумает; я начинаю обдумывать способ формулировки проблемы, и слышу, как тихо шелчу слова приветствия - "Дорогой учитель". Вдруг я вспоминаю, что его больше нет.

Когда, в наше время, я вижу как представляют личность Фрейда в книгах и статьях, мне в голову часто приходит маленькая история, которую я слышал в Вене, еще будучи мальчиком. Отец одного крестьянина умер, и сын, австрийский "Пьер Симплетон" (простодушный и наивный персонаж, популярный в литературном фольклоре) захотел получить портрет дорогого ему умершего отца. Молодой человек поехал в Вену и нашел там известного художника. Он описал художнику, как выглядел отец, рассказал детально о форме лица, цвете волос, глаз и т.д.. Художник пообещал ему сделать портрет. Когда через несколько недель наивный молодой человек пришел в мастерскую художника, он разрыдался перед законченным портретом, причитая, "Бедный отец, как ты изменился за такое короткое время!" Читая многочисленные книги и журнальные статьи, которые в последнее время претендуют на точное описание личности Фрейда, мы, знавшие Фрейда лично, крайне изумлены: до какой степени человек мог измениться за такое короткое время.

Разумеется, я не хочу похвастаться близкой дружбой с Фрейдом, которой не было. В своих книгах и во время бесед Фрейд часто называл меня одним из своих друзей. Сам я никогда не осмелился провозгласить себя его другом. Невозможно быть "задушевным другом" гения, даже если тот общается с тобой как с другом. Беседуя со мной, Фрейд никогда не был ни осторожным, ни отстраненным, он всегда был дружелюбным и искренним, особенно в последние годы. Но барьер все-таки существовал. Мой друг, с которым я познакомился позднее, Ганс Сакс признался мне, что он испытывал те же самые чувства. После смерти Фрейда, Сакс написал восторженный панегирик, который он завершил словами: "Он был создан, так сказать, из лучшей материи, чем обычные люди. В этом я не согласен с моим другом. Было бы точнее сказать, что Фрейд состоял из точно такой же материи, что и все мы. Но он месил этот ничем не примечательный материал, лепил из него, бесконечно обрабатывал его, не покладая рук, и не прекратил своей работы, пока не вылепил персонаж, уникальный для нашего времени. Однако хотелось бы избежать превращения его в легендарный персонаж. Он сам бы этого не хотел.

По случаю 70-летия Фрейда его ученики готовили в Вене большой праздник. Но неожиданно умер доктор Карл Абрахам, которого Фрейд считал одним из самых способных своих учеников. Фрейд, узнавший о наших приготовлениях, попросил их отменить. "Не

празднуют свадьбу, когда в доме покойник," - сказал он. Фрейд попросил меня произнести на собрании Венского психоаналитического общества поминальную речь. Конечно же, он сам присутствовал при этом, но по причине болезни воздержался от выступления. После того, как я произнес речь, он молча пожал мне руку. Но, позже, возвращаясь, он похвалил меня за то, что я упомянул не только добродетели нашего покойного друга, но и его недостатки. "Именно так и я бы сделал. Пословица "О мертвых ничего, кроме хорошего" - ничто иное, как рудимент нашего примитивного страха перед смертью. Мы, психоаналитики, должны отбросить подобные условности. А если хотите остаться лицемером, доверяйте другим, даже перед гробом."

Но не дадим легендам окутывать Фрейда. Ему были присущи и человеческие слабости и человеческие достоинства. Он был способен на большую любовь, так же как и на большую ненависть. Он старался подавить желание отомстить за несправедливости, которые он испытал, но часто эти желания все-таки проскальзывали в каком-нибудь слове, жесте или интонации. Даже в преклонном возрасте, несмотря на самоконтроль, горькое слово не раз опрокидывало барьер. "Люди - это банда волков и ничего более как банда волков. Они травят тех, кто мог бы сделать им добро." Подобные замечания нас ужасали. Но в подобных обстоятельствах он всегда говорил без эмоций. Эти замечания всегда были как бы о себе самом. Можно было бы сказать, что это окончательное и спокойное суждение. Однажды я увидел его ужасно разозленным. Но единственными признаками его состояния были лишь внезапная бледность и то, как его зубы впились в сигару. Он мог бы ругаться, браниться, как каждый из нас, но он предпочел не делать этого... Однажды я у него спросил как он смог перенести такие долгие годы враждебности всего мира, не став ни злым, ни раздражительным. Он ответил: "Я предпочел дать времени оказать мне благосклонность", и добавил: "Впрочем, моим врагам понравилось бы увидеть, что я задет и оскорблен."

Он не был равнодушным к отсутствию внимания и почестей. Тот факт, что он не был еще официально признан в Вене, в то время как весь мир уже воздал ему почести, причинял ему боль. Но он никогда не показал бы свои чувства, разве что в шутку. Так, когда сборщик налогов в Вене поставил под сомнение декларацию о его законных доходах по причине того очевидного факта, что Фрейд был известен далеко за границей Австрии, Фрейд ему письменно ответил: "Но не до границы..."

Однажды он мне сказал, что характер человека определяется преобладанием одного влечения над другими. Что же касается его личности, то это особое влечение, которое заставило бы человека склониться в сторону медицины, не было столь развито как жажда знаний. У него не было терапевтического *functio*, присущего многим

медикам. Он не устал повторять нам, что совместить три цели - невозможно. Невозможно одновременно воспитывать (*gouverner*), учить (*edifier*), и лечить (*soigner*). В сочетании эти три действия идеальны. Фрейда не переполняло желание стать врачом. Но его желание способствовать развитию науки было очень велико. У Фрейда рано обнаружился большой объем знания - он был тогда еще лицеистом.>

Его способность к самоконтролю была чрезвычайна. По этому поводу он говорил, что мы обязаны нашими культурными свершениями великим личностям, одаренным мощными влечениями, способностью их обуздывать и направлять на служение единой великой цели. В своем превосходном очерке о Моисее Микельанджело он нам показал такого человека - гения, которому удалось овладеть своими инстинктами и укротить чувство ярости.

Поступила в редакцию 30.09.97г.

Ivanova E.F.

HUMAN RIGHTS IN THE MIRROR OF COMMONPLACE CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the analysis of Eastern Ukrainian population's ideas about human rights. It is shown that there is no an integral picture about human rights both in the society as a whole and in the consciousness of separate individuals. People's unbelief in the possibility of cooperation with the state, negative attitude to the level of its democracy cause unbelief in the possibility of observance human rights in such a state.

Bondar N.

TERMINAL AND STRUCTURAL - FUNCTIONAL ASPECTS OF PERSONAL REPRESENTATION LIFE WAY IN YOUTH AGE

The paper analyzes the problem of personal representation life way (PRLW) in youth age. The results of empirical study of the problem by means of the original methods of life way are represented. The qualitative and quantitative characteristics of the PRLW of youths are under discussion.

Borzikh N.E.

INTERELATION OF THE STRUCTURAL COMPONENTS IN PERSUASIVE COMMUNICATING

It is discussed the results of studying of interrelation of a text and an image together. Keeping these levels-relations in mind makes it possible to improve the understanding of information, to compensate for the short-comings of the image and the text with the help of their good qualities to increase the effectiveness of the persuasive influence.

Vasilyev Y.V.

DYNAMICS OF THE PERSONALITY LEVEL STRUCTURE

The situational approach in psychology made it possible to establish the level structure of the personality. The level differ in width and depth of the variety of actions and in peculiarities of correlation its cognitive and emotional components.

Vasilyev Y.V.

LEVEL STRUCTURE OF PERSONALITY ONTOGENESIS

The level structure of the personality made it possible to find out their regular change in the process of ontogenesis. The leading cognitive process, imagination, follows memory and thinking and is characteristic for pre-schoolers and youth.

Verezub E.N.

VOLUNTARY AND INVOLUNTARY MEMORY WITH FUTURE AIM-ORIENTATION AND WITHOUT IT.

The results of the experiment, that had an aim to study the effectiveness of voluntary and involuntary memorization in the process of teaching English in different conditions while working with the material are considered in the paper.

It was determined that in groups of different number of pupils and described approach to work with the material memorization was changeable. The process of memorization was more effective when strengthened by the additional future aim-orientation.

Vlasov P.K., Ganchyk V.S.

ORGANIZATIONAL AND PSYCHOLOGICAL STUDY OF THE SYSTEM OF ORGANIZATION INTEGRATION

The integration process, which unites employers of organization for achievement of organizational aims are investigated in this article. The direct connection between integration and organizational efficiency are shown. The important role of the affiliation in integration processes is underlined. Influence of manager personal peculiarities on character of the integration processes are shown.

Guliy J.I.

TYOLOGICAL DESCRIPTION OF RUSSIAN-UKRAINIAN BILINGUALISM

The article is devoted to the tyological description of russian-ukrainian bilingualism with the help of complex psychological measurement of it. This measurement allowed to show the peculiarities of reproductive, combined and intermediated types of bilingualism in the russian-ukrainian bilingualism situation in Kharkov.

Dvortsevaia N.G., Lukashenko I.N.

EXPRESSING CATEGORY OF BEINS BY PSYCHOLINGUISTIC MEANS.

The subject under consideration is logical and psycholinguistic approach to presenting the category of being. A better acquisition efficiency of the complex characteristics of the field of being is achieved.

Zagaikevich S.V.

TWO APPROACHES TO THE PROBLEM OF CRISIS LIFE SITUATION

The main subject of this article deals with the problem of lifeline crises. We describe two approaches in psychology: subjective and objective and the way-out from crises by building the new subjective reality.

Zaika E.V.

EXERCISES FOR DEVELOPMENT OF THE SKILL TO ELICIT AND PROCESS A LATENT INFORMATION.

Nine exercises with graphical and verbal material are described. Intended for schoolchildren and students.

Kiselleva A.A.

ABOUT THE SPECIFIC OF ADVERTIZING TEXTS.

The specific of advertizing text is analized in the article. It is closely related with it's role - influence on subject and inducement the acts, directing on the surrounding reality.

In this article the structure and classification of advertizing texts are represented. These are connected with specifice of text influence.

It is emphasized in article that advertising text must be orientated on auditorial specific, namely: cognitive complexity, motives, communication behaviour. Necessity of experimental investigation of text influence are underlined.

Kocharyan A.S., Guiltai V.F.

THE PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF PATIENTS INCLINED TO PSYCHOGENIC PAIN

The literature data connected to the problem of personality factories of genesis psychogenic pain was looked out. This problem is very complicated and is not solved. Psychological model of psychogenic pain-proned personality is not constructed. Versatile review of this problem was introduce.

Kreydun N.P., Kramchenkova V.

ON PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF DRUGS USAGE AND DISTRIBUTION

Psychological characteristics of persons involved in drugs usage and distribution are described in the article.

Lantushko G.N.

THE PROBLEM OF AIMFORMINFG AT THE TEENAGE

This article deals with the peculiarities of a person's aim forming, which is a basic point for evaluation of the nearest and furthest prospects of a person's life.

Logvinova N.J.

THE PECULIARITIES OF HUMAN'S VALUE-REASON SPHERE IN THE TERMS OF SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS.

The problem of examination of the personality value-orientation sphere is of particular importance in the terms of socio-economic transformations in the society. Analysis of results indicates absolutely attractive values that formed human's intimate-personality sphere. Several detected values have conflict tingle, such as "love", "money". The values "freedom", "activity " are bearers of compensatory factors. The human's value-orientation sphere is represented by blocks which have reason-consequence relations.

Melnik I.M.

"MEMORY AND COMMUNICATION" STUDY FROM THE POINT OF VIEW OF INTENTIONAL APPROACH

The main ideas of "intentional approach" and possibilities of its use for study not only the problem "memory and personality", "but "memory and communicating personalities" are discussed an this article. There given the results of experimental study that confirm the usage of "intentional approach" for investigation of memory processes in the situation of communication.

Nevoennaya E.A.

THE MODERN STATE OF THE PROBLEM OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE PROCESS OF MEMORY

The article deals with the results of the comparative research of the development of the process of the voluntary remembering and recall of children in different European cultures.

Nevoennaya E.A.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE RESEARCH OF PRESCHOOL CHILDREN'S MEMORY IN THE MODERN WESTERN PSYCHOLOGY

The present article gives the basic directions of the research in the field of children's memory which are developed in the modern western psychology.

Pavlenko V.N.

JEWISH EMIGRATION: MOTIVATION, BARRIERS, TRANSFORMATION OF IDENTITY.

This article is devoted to some problems of Jewish emigration from Ukraine. Its motivation, restraining objectives and subjective barriers and transformation of personal and social identities in immigrants are discussed.

T.A.Perevoznaya.

PROPERTIES OF VALUABLE SYSTEMS OF PSYCHOPATHICAL PERSONS, WHO COMMITTED THE ILLEGAL ACTIONS.

Psychopathical persons, who committed the illegal actions, have certain properties of valuable systems. Searching this problem helps to establish the features of presence of defectiveness of the psychopaths personal selfregulation, that allows to work out some new psychological approaches to work with given quota and, in the end, to measures on preventions and warning maintenance of offences.

Skokov S.I.

ON SOME ISSUES OF RECIDIVISTS' PERSONALITY STUDY

Recidivists' personal characteristics are described in the article. Specific features of individuals more then once committed crimes are shown. The ways of recidivists' typology composition are suggested.

Fomenko I.I.

STUDENTS' NOTIONS OF THEIR OWN VALUES AND VALUES OF DIFFERENT SOCIAL GROUPS

Results of investigation of students' value notions are presented, subjects' own values and values attributed to different social groups are compared.

Fomicheva V.M.

THE STUDYING OF THE INTERPERSONAL ATTRACTION OF LEADERS AND THOSE WHO ARE LEAD

The results of studying attraction which is the most important component of people's communicating and activity are presented in this article. These results can

be used in the process of working with teenagers in order to help them to develop socially meaningful qualities.

Khristenko V.E.

MODELING DETERMINANTS OF THE MEN'S BEHAVIOR

In this work are discerned the questions of modeling emotional regulation person's behavior in the different situations. We have constructed the virtual space of the determinants of the person's behavior.

Yablonsky A.I.

MOTIVATIONAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF A PSYCHOLOGICAL READINESS FOR THE PEDAGOGICAL ACTIVITY

In the article we find the results of the research in the teachers' motivational field. It has been proved that forming psychological readiness for the pedagogical activity has to be primarily directed at the development of the students' motivation side.

Yanovskaya S.G.

TO THE QUESTION OF THE CREATION OF THE METHODS OF STUDY OF ENTREPRENEUR'S ACTIVITY

In the article the scheme of the focus interview and the method "Situations", constructed by the author according to criteria-oriented tests are considered. The described methods can be used to estimate entrepreneur's activity.

Yatchina A.S., Babatchenko E.I.

INFANTILISM AS A PERSONAL IMMATURITY IN MODERN TEENAGERS

The reasons and the conditions of the appearance of nonpathological forms of infantilism are described. The essential characteristics and their personal peculiarities are represented.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иванова Е.Ф. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ*	3
Бондар Н.С. ЧАСОВИ ТА СТРУКТУРНО-ФУНКЦІОНАЛЬНІ АСПЕКТИ ОСОБИСТІСНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ ЖИТТЄВОГО ШЛЯХУ В ЮНАЦЬКОМУ ВІЦІ	8
Борзих Н.Є ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК СТРУКТУРНИХ КОМПОНЕНТІВ ПЕРЕКОНУЮЧОГО СПОЛУЧЕННЯ	13
Васильев Я.В. НАДСИТУАТИВНОСТЬ И ДИНАМИКА УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ	18
Васильев Я.В. УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ОНТОГЕНЕЗА ЛИЧНОСТИ	24
Верезуб Е.Н. ПРОИЗВОЛЬНАЯ И НЕПРОИЗВОЛЬНАЯ ПАМЯТЬ С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА БУДУЩЕЕ И БЕЗ НЕЕ	31
Власов П.К. Ганчук В.С. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ	34
Гулий Ю.І. ТИПОЛОГІЧНИЙ ОПИС РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ДВОМОВНОСТІ	44
Дворцевая Н.Г. Лукашенко И.Н. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ БЫТИЙНОСТИ	46
Загайкевич С.В. О ДВУХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ КРИЗИСНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	49
Заика Е.В. УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ ИЗВЛЕКАТЬ И ПЕРЕРАБАТЫВАТЬ СКРЫТУЮ ИНФОРМАЦИЮ	53
Киселева А.А. О СПЕЦИФИКЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	64
Кочарян А.С. Гультай В.Ф. ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ, СКЛОННЫХ К ПСИХОГЕННЫМ БОЛЯМ	71
Крейдун Н.П. Крамченкова В. О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ	81
Лантушко Г.Н. К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	84

Логвинова Н.Ю. ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.	87
Мельник И.М. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ "ПАМЯТЬ И ОБЩЕНИЕ" С ПОЗИЦИЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА	90
Невоенная Е.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ПАМЯТИ.....	93
Невоенная Е.А. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТИ ДОШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ.	99
Павленко В.Н. ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: МОТИВЫ, БАРЬЕРЫ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ	102
Перевозная Т.А. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ У ПСИХОПАТИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ, РЕАЛИЗОВАВШИХ ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ.....	114
Скоков С.І. ПРО ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ ОСОБИСТОСТІ РЕЦИДИВІСТІВ.....	118
Фоменко И.И. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О СВОИХ ЦЕННОСТЯХ И ЦЕННОСТЯХ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП	122
Фомічова В.М. ДОСЛІДЖЕННЯ МІЖОСОБИСТІСНОЇ АТРАКЦІЇ У ЛІДЕРІВ І ВЕДЕНИХ	125
Христенко В.Е. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	130
Яблонский А.І. МОТИВАЦІЙНИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРІ ПСИХОЛОГІЧНОЇ ГОТОВНОСТІ ДО ПЕДАГОГІЧНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ	134
Яновская С.Г. К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МЕТОДИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	139
Ячина А.С. Бабаченко Е.И. ИНФАНТИЛИЗМ КАК ЛИЧНОСТНАЯ НЕЗРЕЛОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ	142
(Пер. с фр. и вступ. статья Лукашенко И.Н., Бондаренко Л.И.) Т. Рейк "ТРИДЦАТЬ ЛЕТ С ФРЕЙДОМ"	147

Збірник наукових праць

**ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
№395**

Серія ПСИХОЛОГІЯ

Підписано до друку 22.09.97р. Формат 21х30½. Папір офсетний.
Друк ризограф. Ум. друк арк. 2.94. Обл-вид. арк. 2.5. Тираж 300 прим.
Замовл. №379/97. Замовне. Ціна договірна. **g-58**

Видавничий центр Харківського державного університету.

Надруковано ТОВ "Знання Лтд".
м.Харків, вул.Артема, 32.